

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 11

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Улан-Удэ
2012

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель); *А.С. Булдаев*, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); *Н.Н. Татарникова* (зам. председателя); *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.; *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доц.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук, проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. наук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелова*, д-р филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.; *К.Б-М. Митупов*, д-р ист. наук, проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук, проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

Л.П. Ковалева, канд. филол. наук, проф. (отв. редактор)
Е.О. Хундаева, д-р филол. наук, проф.
Л.Д. Раднаева, д-р филол. наук, проф.
С.В. Будажапова, канд. филол. наук, доц.

**ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 11

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77–36152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редактор Н.Н. Балданова
Компьютерная верстка Н.Ц. Тахинаевой

Подписано в печать 27.09.12. Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 15,04. Тираж 1000. Заказ 249.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Статья посвящена проблеме выражения эмоциональной оценки в таких разноструктурных языках, как английский, испанский и русский. Помимо лексического и морфологического способов особое внимание уделяется синтаксическим средствам выражения эмоциональной оценки.

Ключевые слова: оценка, эмоциональная оценка, рациональная оценка, синтаксис, способы выражения оценки.

I.A. Atlas

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONAL ASSESSMENT

The article is devoted to the problem of expression of emotional assessment in such languages as English, Spanish and Russian. Besides lexical and morphological ways, the special attention is given to syntactic means of expression of an emotional assessment.

Keywords: assessment, emotional assessment, rational assessment, syntax, ways of expression of an assessment.

На сегодняшний день проблема оценки является одной из наиболее широко обсуждаемых. Это связано с господствующей в науке антропологической парадигмой, которая характеризуется переключением интересов исследователя с объекта на субъект познания. Современное языкознание также отличается своей антропоцентричностью, то есть языковые явления рассматриваются в тесной связи с «творцом языка» (П.А. Флоренский), т.е. человеком, с его мыслями, эмоциями, переживаниями. В.А. Маслова пишет: «С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем» [10, с. 6]. Таким образом, мы можем говорить об оценке и с точки зрения языка.

Многие авторитетные ученые-языковеды посвящали свои труды изучению оценки: Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак и многие другие.

Несмотря на столь богатое разнообразие трудов по проблеме оценки, исследований эмоционально-экспрессивных оценок, как на материале русского языка, так и каких-либо других все же недостаточно. Например, слабо освещена проблема соотношения эмоциональной и рациональной оценок, не до конца разработан понятийный аппарат. Также недостаточно исследованы способы выражения эмоциональных оценок. На данном этапе развития науки о языке

представляется актуальным исследование указанного вида оценок.

Проблемой эмоциональной оценки занимались такие лингвисты, как И.В. Арнольд, В.И. Шаховский, Н.А. Лукьянова, В.А. Маслова, В.Н. Телия, Ю.М. Малинович и др. В работах этих авторов рассматривались такие аспекты эмоциональной оценки, как ее содержательная сторона, виды эмоциональных оценок, соотношение рациональной и эмоциональной оценок и т.д.

В своей классификации оценок Н.Д. Арутюнова выделяет эмоциональные оценки в отдельную группу психологических оценок наряду с интеллектуальными (рациональными) [1]. В связи с этим в современной науке о языке возникает правомерный вопрос о соотношении рациональной и эмоциональной оценок. Здесь на этот счет существует три подхода. В соответствии с первым подходом (рационализм) рациональная сторона превалирует над эмоциональной. Эмоциональная же сторона является одним из признаков рациональной оценки, а эмоции и оценки зависят от наших представлений (если меняется мнение об объекте, то меняется и оценка). В соответствии со вторым подходом эмоциональная сторона в оценке превалирует над рациональной. Психическому состоянию субъекта оценки здесь придают большое значение (Телия, Stevenson). А с точки зрения третьего подхода эмоциональное и рациональное в оценке нераз-

делимы. «В языке нет двух строго отграниченных друг от друга систем: системы логических и системы аффектных значений. Их разделение – это всего лишь необходимая абстракция... Она не более искусственна, чем различие между расщудочными и эмоциональными актами мысли, которые в действительности отдельно не существуют» [3, с. 23].

Эмоциональные оценки отличаются от рациональных высокой степенью индивидуальности (субъективности), а также спонтанностью (ситуативностью) [13, с. 88]. То есть эмоциональные оценки базируются в большей степени на личных предпочтениях субъекта оценки, а не на общественном мнении; а также формируются непосредственно в момент выражения реакции на какое-либо явление или событие. Е. М. Вольф выделяет еще один признак эмоциональных оценок – категоричность [5]. Здесь имеется в виду, что они предполагают движение только вверх по оценочной шкале – в сторону увеличения признака. Основанием для эмоциональной оценки является то, что выходит за рамки обычного, привычного для человека, например, нестандартная ситуация или необычный предмет, вызывающие положительные или отрицательные эмоции. Рациональная же оценка основывается на качественных и количественных характеристиках объекта, эмоциональный фактор здесь не является определяющим. Для эмоциональной оценки одним из определяющих признаков является интенсивность, которая, однако, тесно связана с понятиями качества и количества [9, с. 99].

Способы выражения оценки могут быть представлены единицами разных уровней языка (начиная с аффиксов и заканчивая целыми высказываниями).

Одним из наиболее распространенных и продуктивных способов выражения оценки в языке являются лексические средства. Основными средствами номинации внутри лексического уровня языка выступают имена прилагательные и наречия, среди которых по степени употребительности выделяются «хороший»/«плохой»; «хорошо»/«плохо» с их синонимичными рядами, а также все прилагательные, выражающие оценочное значение. Аналогичная ситуация наблюдается и в других индоевропейских языках, таких как, например, английский и испанский, которые, в свою очередь, являются разнотурными языками. Наиболее употребимыми средствами номинации оценочного значения здесь являются «good» – «bad», «buen – mal». Также оценка содержится в наименованиях дей-

ствий: *радоваться* – *огорчаться*, *be happy* – *be upset*, *alegrarse* – *afligirse*.

Наибольшую эффективность выражения оценки Т. В. Маркелова, а вслед за ней и другие авторы, приписывает именно лексическому составу языка, объясняя это тем, что «он непосредственно отражает те изменения, которые происходят в обществе» [10; 14]. Также ученые отмечают, что лексические единицы указывают на признаки, которые ассоциируются с картиной мира. Одни лексические единицы могут содержать объективные данные о качествах денотатов, не обозначая оценочного значения, а другие кроме основного значения включают в себя и оценочное. Оценка может быть привнесена в значение слова тем или иным аффиксом.

Говоря о словообразовательных способах выражения оценки, необходимо отметить, что данный способ характерен в большей или меньшей степени всем рассматриваемым языкам. В русском языке существует большое количество словообразовательных средств, формирующих оценочное значение. Проиллюстрируем данное утверждение следующими примерами: «*поэтишка*», «*режиссерушка*» (Э. Веркин «*Большая книга приключений для мальчиков*»), «*замчище*» (В. Короленко «*В дурном обществе*»), «*городушко*» (В. Короленко «*В дурном обществе*»), «*бумаженция*» (В.Н. Пучков «*Цикл стихов*») и т.д.

Испанский язык также обладает определенным набором оценочных суффиксов. Оценочное значение передают следующие суффиксы: *-illo/illa*, *-ito/ita*, *-azo/aza*, *-ón/-ona*: которые придают деривату уменьшительное значение. Например: *una plazoletila* (D. Alarcon. «*El sombrero de tres picos*»), ¡*Quietecitos!* (M. Paz «*Papelucho*»), *duentecillo* (B. Ibanez «*La barraca*») и т.д.

В отличие от русского и испанского языков, английский язык не располагает таким количеством оценочных суффиксов. Среди имеющихся необходимо перечислить *-ish*, *-ling*: *thickish* (figure of a woman) (S. Fitzgerald «*The Great Gatsby*»); *freakish* (L. Snicket «*The Carnivorous Carnival*»); *hireling* (The Guardian, February 17, 2005), *princeling* (The Guardian, April 12, 2012).

Значение оценки может быть выражено и единицами синтаксического уровня – предложением, и его речевой реализацией – высказыванием.

Система синтаксических моделей, представляющих высказывания с оценочной семантикой, чрезвычайно разнообразна. Как пишет Т.В. Маркелова, «в основе этого явления лежит

не только лексико-семантическая специфика оценочного значения, но и взаимоотношение «системы» со «средой». Такое взаимодействие можно наблюдать исходя из контекста, ситуации общения и социальной обусловленности употребления [10, с. 92–93].

На наш взгляд, очень важно исследовать именно синтаксические способы выражения оценки, ведь предложение является «главным средством формирования, выражения и сообщения мыслей» [3, с. 3].

Оценку могут выражать различные типы предложений. Неоспоримым является факт, что в основном для выражения эмоциональных оценок используются восклицательные предложения. Восклицательными называются предложения, отличающиеся эмоциональной окрашенностью и высокой степенью экспрессивности. В качестве восклицательных могут употребляться предложения всех коммуникативных типов, таким образом, эмоциональная оценка может выражаться повествовательными, вопросительными и побудительными предложениями.

➤ **Повествовательные** (как утвердительные, так и отрицательные):

Русский язык

Часто на улице я слышу: эй, мужина! эй, женщина! Это просто чёрт знает что такое! (АИФ, 2008)

–Эй ты, пугало гороховое! – обратился он к чиновнику. – Как по закону: святотатство? (Ф. М. Достоевский «Идиот»)

Совсем он не дурак, а только подлых мыслей у него нет – от этого он и к жизни приспособиться не может. (М.Е. Салтыков-Щедрин «Дурак»)

Испанский язык

¿Qué tal quitarse de en medio ya que usted oficialmente -solo oficialmente- preside Europa bajo el mérito de la foto de las Azores? ¿Dimi...qué? Chaval, tú está loco. Vale, gracias por lo de chaval. (El Pais 30/09/2011)

¡Qué felicidad es salir a veranear a la costa! (M. Paz «Papelucho»)

¡Es un ladrón, un borracho y un bestia! (D. Alarcon «El sombrero de tres picos»)

Английский язык

People going on about how rubbish the Olympics are going to be. This is just stupid. STUPID. It's the Olympics. There has never been a rubbish Olympics. (The times, 2011)

I'm Dr. House, and today is the coolest day of my life! («House MD»)

'Oh, I didn't realise you were this fun. Oh, I didn't realise you were this bubbly (The Observer, March, 2012)

➤ **Вопросительные предложения**

Основное назначение вопросительных предложений – получение информации от собеседника. В них формулируется вопрос по поводу неизвестных или не вполне известных говорящему ситуаций. В вопросительных предложениях оценочной семантики происходит функциональная транспозиция: коммуникативное задание вопроса о неизвестном трансформируется в запрос мнения о высказанной оценке, в местоименных вопросах мнение автора носит заявительный характер, а обращение к собеседнику направлено на уточнение какого-либо аспекта высказанного мнения.

Русский язык

И что за тон в разговоре с матерью? (Г. Тушкан «Друзья и враги Анатолия Русакова»)

А разве не благородно и не смело брать вину других на себя? (Г. Тушкан «Друзья и враги Анатолия Русакова»)

Чего ты меня – совсем за идиота считаешь? (А. Экслер «Записки невесты программиста»)

Английский язык

Between me and you, in this day and age, how dumb do you have to be to get pregnant? («Friends»)

Isn't mother of nature amazing? («Friends»)

«Is he – a bit mad?» he asked Percy uncertainly. (J. K. Rowling «Harry Potter and the Sorcerer's stone»)

Испанский язык

¿Cómo te has atrevido? (D. Alarcon «El sombrero de tres picos»)

¿Siempre tan borracho y huyendo del trabajo? (B. Ibanez «La barraca») *¿Pero qué es la historia de América toda sino una crónica de lo maravilloso?* (Carpentier «El reino de este mundo»)

➤ **Побудительные предложения**

Назначение побудительных предложений – побуждение к действию того, к кому обращена речь. В них выражаются различные виды побуждения: приказ, требование, предупреждение, запрет, наказ, просьба, совет и т. д. Оценочное суждение данного типа предложений может

распространяться на адресата, либо на предмет речи.

Русский язык

– *Хватит снимать*, – попросил Генка. – Не хочу выглядеть идиотом в глазах потомков... (Э. Веркин «Большая книга приключений для мальчиков»)

– *Все, перестань нести полную чушь, лучше посмотри*, – заявила Катерина, предлагая взглянуть на разложенный пасьянс (Ю. А. Гайдобуро «Семь звезд и башня молний»)

– *Лампа, перестань заниматься глупостями!* Сами собой шпильки не могли уйти (Д. Донцова «Черный список деда Мазая»)

Английский язык

Lookit that big Bozo – he look like the Frankenstein Monster or something (W. Groom «Forrest Gump»)

«*Speak for yourself!*» cried Miss Baedeker violently. «*Your hand shakes. I wouldn't let you operate on me!*» (S. Fitzgerald «The Great Gatsby»)

«*Look at all those freaks!*» giggled one member of the audience, a middle-aged man with several large pimples on his chin. «*There's a man with hooks instead of hands!*» (L. Snicket «The Carnivorous Carnival»)

As is our dog Chi-Chi. I mean look how cute she is. («Friends»)

Испанский язык

¡Señor! ¡Señor! ¡Libradnos de una mala persona!. (B. Ibanez «La barraca»)

– *¡Mira otro consejo inútil!* (D. Alarcon «El sombrero de tres picos»)

«*¡Miradlo!.. si parecía dormido... tan hermoso, tan sonrosado!*» (B. Ibanez «La barraca»)

Также необходимо отметить, что оценочное значение эмоционального характера передается при помощи конструкций усеченного вида, в отличие от рациональных оценок, для выражения которых в основном используются полные предложения, развернутые конструкции.

Русский язык

Жадная тварь! Вы гляньте когда-нибудь на его рожу: ведь он поперек себя шире. (М.А. Булгаков «Собачье сердце»)

Мне нравится в ней то, что она не слишком конфузится (И. С. Тургенев «Отцы и дети»)

Английский язык

«*My perfect little gentleman!*» sniffed Aunt Petunia. (J. K. Rowling «Harry Potter and the Chamber of Secrets»)

«*I think the home influence will be very good for her*» (S. Fitzgerald «The great Gatsby»)

Испанский язык

«*¡Pobrecito!*», *y yo me inundé de lágrimas y lloré y lloré de puro débil que estoy.* (M. Paz «Papelucho»)

«*La madre de él creo que no estaba muy satisfecha con el casamiento*» (F. G. Lorca «Bodas de sangre»)

Таким образом, оценочное значение эмоционального характера выражается самыми разными способами, отличными от способов выражения оценки рациональной, единицами разных языковых уровней. Перечисленные в данной статье способы передачи оценочного значения в рассматриваемых языках не исчерпывают все возможные, поскольку и русский, и английский, и испанский язык и отличаются богатством языковых ресурсов, способных формировать оценочные смыслы, поэтому необходимы дальнейшие исследования по этой теме.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. – 2-е изд., испр. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 391 с.
3. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. – 1954. – № 1. – С. 3–29.
4. Виноградова Н.Г. Синтаксические конструкции актуализации семантики аксиологической оценки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 20 с.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 261 с.
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.
8. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. – М.: Тезаурус, 2011. – 352 с.
9. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1989. – 216 с.
10. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. – М.: МПУ, 1993. – 126 с.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
12. Минина М.А. Психолингвистический анализ семантики оценки: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1995. – 21 с.
13. Паничева П.Н. Характеристика эмоциональной оценки и ее реализация в восклицательном предложении // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Молодежное приложение. – Пятигорск, 2003. – С. 86-91.
14. Приходько А.И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы его выражения в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – Запорожье, 2004. – 428 с.

15. Соколова Т.М. Выражение субъективной позиции говорящего как один из типологических признаков русской разговорной речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы II Междунар. конгр. исследователей рус. яз. Москва, 18–21 марта 2004 г. [сайт]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc/2004/ru/decision/> (дата обращения: 12.03.2010).

Атлас Ирина Анатольевна – аспирант кафедры немецкой филологии ГОУВПО ИГЛУ. Адрес: 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, e-mail: irinaatlas@yandex.ru

Atlas Irina Anatolyevna – post-graduate student, Irkutsk State Linguistic University. Address: 664025, Irkutsk, Lenin str. 8, e-mail: irinaatlas@yandex.ru

16. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2008. – 262 с.

17. Ягубова М.А. Лексико-семантическое поле «оценка» в русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1992. – 21 с.

УДК 811.111.-81.342

© Е.А. Бабушкина

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ: ФОНЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья посвящена описанию фонетического портрета человека для определения тех речевых особенностей говорящего, которые характеризуют его как личность. Среди фонетических характеристик, влияющих на создание правильного речевого образа, отмечен ряд сегментных и, в особенности свёрхсегментных единиц, таких как мелодика речи, темп речи и паузация.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, произносительные особенности, мелодика речи, темп речи, паузация.

E.A. Babushkina

SPEECH PORTRAIT: PHONETIC CHARACTERISTICS

The article presents a description of the speaker's phonetic portrait aimed at identification of speech characteristics which specify their personality. Some phonetic features both segmental and suprasegmental, including speech melody, tempo, pausation, are labeled to have an influence on the coherent image of the speaker.

Keywords: speech portrait, linguistic personality, pronunciation features, speech melody, tempo, pausation.

Проблема создания речевого портрета говорящего заботит умы лингвистов уже не один десяток лет. Активное развитие антропоцентрического подхода к трактованию языковой личности, объединившее усилия множества смежных наук, таких как социолингвистика, психолингвистика, прагмалингвистика, этнолингвистика и другие, поставило во главу угла человеческий фактор, а именно личностные характеристики человека, влияющие на процессы речевого производства и речевосприятия.

Многие исследователи отмечают индивидуальность и уникальность речевого портрета отдельно взятой личности, обладающей знанием языковой семантики, системы концептов ее картины мира и законов речевого поведения. Ю.Н. Караулов, например, трактует языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью

структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [4, с. 132]. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов.

С другой стороны, учеными отмечается перспективность создания коллективного речевого портрета личности, который позволил бы судить о речевых характеристиках социума, частью которого является индивидуум, и обобщил присутствующие данному сообществу явления. Определяя речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования», Т.П. Тарасенко выделяет ряд характеристик личности, отражающихся в речевом портрете: возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические [8, с. 8].

Таким образом, речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность, объединенная с другими личностями в одну социальную общность (национальную, демографическую, профессиональную и т.п.).

В последние десятилетия проблема идентификации личности по голосу и речи привлекает внимание как отечественных (А.А. Леонтьев, Р.К. Потапова, Е.И. Галяшина, Ф.Е. Яковлев, В.П. Белянин, Е.А. Брызгунова, А.М. Шахнарович, В.И. Батов, С.Л. Коваль, П.В. Лабутин, В.Р. Женило, Ф.И. Яковлев, Т.С. Пеховский, Е.А. Прощина, и др.), так и зарубежных лингвистов (J. Crawford, J. Honey, K. Scherer, A. Broeders, P. French, J. Baldwin, P. Foulkes, A. Barron, P. Ladefoged, J. Laver, F. Nolan, D. Reynolds, V. Bower, Ph. Rose).

Основоположником понятий речевого и фонетического портрета личности стал М.В. Панов, который описал произношение ряда политических деятелей, ученых и писателей прошлого. В своей модели для создания фонетического портрета ученый опирался на социальные характеристики людей, такие как принадлежность к определенному социальному слою, наличие в речи диалектных особенностей, возраст, профессию и др. Несмотря на то, что каждый из портретов представлял манеру произношения конкретного человека, он объединял в себе индивидуальные и коллективные свойства, поскольку был отражением речи своей социальной среды (театральной, поэтической, бытовой и т.п.).

Эти идеи были развиты другими исследователями, которые поставили целью построение таких речевых или, как их называет Т.М. Николаева, социолингвистических портретов, в которых был бы элемент выбора вариантов речевого поведения в зависимости от ситуации общения. Задаваясь вопросом о необходимости представлять все уровни языковой системы при использовании социолингвистического портрета в качестве метода описания речевых характеристик, она отвечает на него таким образом: «Многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать яркие диагностирующие пятна» [7, с. 73].

Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности, среди которых одним из ключевых аспектов являются фонетические особенности, в частности, интонационные характеристики личности: темп речи, ее мелодика, спо-

соб паузирования и выделения слов, которые несут смысловую и экспрессивную нагрузку. Речевое и фонетическое портретирование личности позволяет через анализ систем консонантизма, вокализма и интонационных характеристик речи выявить черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой принадлежности.

Голос человека, являясь составной частью его имиджа, служит созданию целостного впечатления о личности, которое складывается под воздействием индивидуальных характеристик качества и диапазона голоса, его громкости и мелодичности, а также эмоционального состояния говорящего, нормативности речи, возможных дефектов, влияющих на артикуляцию, и ряда других факторов. Важно помнить, что оценивание человека другими людьми обусловлено также социальными стереотипами речевого общения. Тем не менее, знание этих объективных связей может существенно облегчить процесс коммуникации как на родном, так и иностранном языках.

В своем фундаментальном исследовании русского речевого портрета М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова рассмотрели произносительные особенности индивидуумов, опираясь на фонозаписи речи, в которой проявились характерные черты, отражающие речевую индивидуальность. Авторы описали речевые пристрастия личности относительно выбора орфоэпического варианта, в фонетическом эллипсисе, в выборе приемов акцентного выделения [6]. Интересны выводы о динамике произносительной нормы, сделанные на основании изученного материала.

Проблема взаимодействия индивидуального и общезыкового в интонации занимает центральное место в исследованиях группы лингвистов, представляющих научную школу Е.А. Брызгуновой, В.Я. Труфанова, проанализировав актерскую речь, приходит к выводу о том, что индивидуальные предпочтения говорящего проявляются в характере изменения тона в пределах интонационной конструкции (ИК), в своеобразии сочетаний ИК и характеристиках темпа речи. По ее мнению, соотношение индивидуального и общего в интонации представляется как отношение индивидуального выбора к общим средствам, которыми располагает интонационная система языка, при этом «...впечатление оригинальности в интонации создается за счет особенностей отбора, употребления и сочетания общих для всех средств» [9, с. 201].

Эту идею поддерживает Г.Н. Иванова-Лукьянова, которая считает, что следует рассматривать речь по индивидуальным признакам, которые могут быть выражены: а) в простоте или сложности интонационной модели; б) в предпочтительности интонационной конструкции в начале, середине или конце предложения; в) в прямом или непрямом употреблении интонационных конструкций; г) в особенностях употребления экспрессивной интонации; д) в переходных типах ИК, характерных для речи того или другого говорящего [3].

Анализ общего и индивидуального на материале звукового портрета политиков определил параметр движения основного тона (ЧОТ) в качестве главного диагностирующего признака среди рассмотренных акустических параметров просодии политической речи. Кроме того, варьирование величины и направления интервала ЧОТ передают фоностилистические (жанровые) характеристики речи российских политиков [12].

Все эти данные служат подтверждением того, что фонетические характеристики речи индивидуума являются отражением личностных характеристик, заключенных в его речевом портрете, и включающих в себя возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические особенности человека.

Результаты многочисленных экспериментов, проведенных британскими социолингвистами, свидетельствуют о том, что значительная доля информации о личности говорящего зависит от восприятия его акцента. При этом данные географического характера, такие как место рождения и место постоянного проживания говорящего являются основополагающими. Что касается социальных особенностей речи, они в большинстве своем обнаруживаются только на фоне региональных особенностей, что доказывает первичность региональных черт относительно социальных особенностей произношения, и в целом демонстрирует тесную взаимосвязь социальных характеристик речи с территориальными. Известно, что чем выше социальный статус и уровень говорящего, тем меньше в его речи региональных черт, несмотря на то, что территориальные особенности произношения присущи практически всем носителям языка.

С точки зрения взаимодействия основных просодических компонентов, мелодики и динамики, динамический компонент является ведущим средством акцентного выделения в диалектной речи, что дает основание говорить о динамической природе фразового ударения в

ряде социально-территориальных типов произношения. Для нормированной речи более характерно единство, однонаправленность действия мелодики и динамики, при ведущей роли тонального компонента. Фонетическая природа тембра голосов, связанного с социально установленным артикуляционным укладом жителей различных районов Великобритании, раскрывается при помощи распределения энергии спектра, общего количества энергии, затраченной в единицу времени и других показателей.

В отличие от мелодического и динамического компонентов, темпоральные характеристики региональной речи оказываются в большей степени подверженными факторам индивидуального варьирования и с трудом поддаются обобщению. За исключением некоторых нюансов, связанных с социальным статусом говорящих, включая их профессиональный уровень, пол, возраст, а также этническую принадлежность и стилистическое варьирование, темп речи носителей британских социально-территориальных типов произношения находится в пределах нормы и не может служить основой для их противопоставления.

Принадлежность к определенному социальному классу как ограниченной группе людей, наряду с включенностью в определенную социальную сеть с иерархией связей внутри и вне ее, оказывают значительное влияние на формирование типа речевого поведения, в том числе, на тип произношения. По мнению Т.И. Шевченко, «...социальная дифференциация произношения отражает социальную дифференциацию в обществе» [11, с. 216], а тип произношения ассоциируется с образом жизни людей, которые им владеют, поэтому акцент имеет ценность как символ класса.

Как показали исследования региональной речи, «интонационный контур в совокупности своих мелодических, темпоральных и динамических характеристик представляет собой социокультурную, территориальную и исторически обусловленную категорию» [10, с. 51]. Все сказанное убеждает нас в том, что социальное и региональное в просодических характеристиках речи отдельных групп говорящих находится в неразрывном единстве, и представляется возможным считать мелодику, динамику, темп, ритм и тембр речи средствами социально-территориальной идентификации говорящих.

Целью коммуникации на родном или иностранном языке является достижение взаимопонимания, обусловленное не только смысловыми категориями, но и ситуативностью производства

и восприятия текстов на фонетическом уровне. Когда общение происходит на родном языке, восприятие и передача информации осуществляются при использовании единого лингвистического кода в рамках единой языковой системы. Фонетическая вариативность речи регулируется данной системой, не нарушая общепринятой нормы ее реализации [1]. Носитель языка быстро расшифровывает воспринимаемую им информацию, достаточно хорошо справляясь с вариативностью произносительных единиц. Оптимальная обработка звукового сигнала обеспечивается несколькими когнитивными условиями, а именно: языковыми и речевыми способностями, воспитанными в индивидууме с детства данной системой языка и набором лингвистических знаний по использованию правил фонетического оформления речи.

Поскольку преподавание иностранных языков традиционно реализуется в условиях искусственного (аудиторного) билингвизма, овладение нормами иноязычной речи происходит вне естественной языковой среды. Результатом этого процесса неизменно становится иностранный акцент, который является неотъемлемой составляющей фонетического портрета искусственного билингва. Несогласованность с требованиями системы и нормы иностранного языка чаще всего вызвана фонетической интерференцией родного языка при контактировании двух или более языков.

Проблемой интерференции лингвисты и психологи занимаются уже не одно десятилетие. Однако, несмотря на активное развитие путей исследования в области интерференции языковых систем в различных направлениях, многие ее аспекты остаются недостаточно изученными. В частности, в работах лингвистов указывается на отсутствие факторов, определяющих предпосылки явлений интерференции на всех языковых уровнях, отсутствие полного и всестороннего описания речевых явлений данного феномена, разброс в трактовке основных понятий в теории языковых контактов, отсутствие единообразия в методологии и методике изучения явлений интерференции.

Нельзя не согласиться с мнением Г.М. Вишневской о том, что наряду с колоссальным опытом обучения английскому языку, в отечественной науке явление интерференции остается краеугольным вопросом при обучении языку в школьной, студенческой и любых других аудиториях [2]. Современные международные контакты настоятельно требуют подготовки специалистов, профессионально владеющих ан-

глийским языком, и особенно языком, максимально приближенным к норме произношения носителей языка. Это позволит гордиться отечественными научными достижениями в области преподавания английского языка. Отсюда возникает стремление разобраться в сложных механизмах появления фонетической интерференции не только с позиции нейро- и психолингвистики при учете акустико-физиологического фактора речевосприятия и речепорождения, но и с позиции когнитивной сферы человека, представляющей собой совокупность психических процессов восприятия мира.

В своем речевом поведении каждый говорящий, руководствуясь целью – быть понятым, ориентируется на коммуникативное сотрудничество с адресатом своей речи, на поиски таких форм общения, которые были бы наиболее эффективны для взаимопонимания. Отсюда необходимость для коммуникантов находить общий язык не только в терминологическом смысле этого словосочетания, но и в переносном: преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, которое свидетельствовало бы о способности говорящего актуализовать навыки, соответствующие ожиданиям слушающего.

Между тем в конкретных условиях общения абсолютная идентичность кода, используемого всеми участниками коммуникации, – явление крайне редкое. Напротив, обычна неоднородность языкового кода, и степени такой неоднородности различны. Рассмотрев теорию языковых кодов Л.П. Крысина, приведем их краткую классификацию:

1. Говорящие владеют разными языками: каждая сторона говорит только на своем языке и понимает только его; речевое общение невозможно.

2. Говорящие владеют каждый своим языком, а кроме того, понимают язык собеседника; речевое общение ограничено.

3. Говорящие владеют общими для них языками, которые не являются для них родными; общение может происходить то на одном, то на другом языке.

4. Говорящие владеют каждый своим языком и, кроме того, одним и тем же языком-посредником, на котором происходит общение.

5. Один из коммуникантов владеет языком собеседника, а другой – нет; речевое общение осуществляется только на языке собеседника.

6. Все участники речевого общения используют общий национальный язык, при этом возможны коммуникативные провалы, обусловленные несхожестью языковых знаков по содержанию,

экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности, а также наличию отличий в коммуникативных стереотипах и коммуникативных тактиках [5].

Из этой краткой характеристики разных сторон речевого общения видно, что взрослый человек владеет некоей совокупностью социализированных норм общения, включающих как собственно языковые нормы, так и правила социального взаимодействия. Эти нормы и правила обязательны для людей, живущих в данном речевом сообществе; с особой силой они проявляются при речевом общении в неоднородной социальной среде. Таким образом, можно говорить о трех видах факторов, которые влияют на характер речевой коммуникации в неоднородной человеческой среде: языковых, социальных и ситуативных.

Поскольку каждый человек является личностью социальной, чья деятельность неразрывно связана с окружающим его речевым сообществом, территориальную, социальную и этническую принадлежность говорящего, его пол и возраст можно отнести к основным факторам, воздействующим на фонетические характеристики речи индивидуума, и, таким образом, помогающим создать правильный речевой портрет личности в ходе межкультурной коммуникации.

Литература

1. Бондарко Л.В. О фонологических восприятиях, обеспечивающих речевую коммуникацию // Фонология.

Бабушкина Елена Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка БГУ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: babelena@rambler.ru

Babushkina Yelena Alekseyevna – cand. of philology, assistant professor of English language department of BSU, 670000, Ulan-Ude, Smolin str. 24a. E-mail: babelena@rambler.ru

Фонетика. Интонология: материалы к IX Междунар. конгр. фонетических наук. – М., 1979. – С. 54-58.

2. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты. – Иваново, 1997. – 174 с.

3. Иванова-Лукьянова Г.Н. Особенности интонации актёра // Язык и личность. – М., 1989. – С. 106-116.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 257 с.

5. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.

6. Крысин Л.П. Речевое общение в условиях речевой неоднородности. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 224 с.

7. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. всесоюз. науч. конф. – М., 1991. – Ч. 2. – С. 73-75.

8. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. – 26 с.

9. Труфанова В.Я. Речевой портрет говорящего на фоне интонационной системы языка // Вопросы русского языкознания: сб. науч. ст. к юбилею Е.А. Брызгуновой. – Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 197-213.

10. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.

11. Шевченко Т.И. Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна: Феникс+, 2011. – 256 с.

12. Ярцева Ю.С. Интервал частоты основного тона как акустический параметр общего и индивидуального в звуковом портрете современного политика // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 2, Языкозн. – 2011. – № 1 (13). – С. 262-267.

УДК 81.34

© Е.А. Бабушкина

ПРОСОДИЯ ДИКТОРСКОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются современные произносительные тенденции в речи дикторов телевидения с учетом факторов социальной вариативности интонации, а также обобщаются результаты экспериментального исследования мелодики и темпа речи дикторов новостных программ американских каналов CNN и NBC.

Ключевые слова: телевидение, коммуникация, диктор, просодия, произносительная норма, социальная вариативность, мелодика речи, темп речи.

E.A. Babushkina

PROSODIC FEATURES OF NEWS READING

The paper focuses on the current pronunciation trends of TV news reading with regard to some factors of social variation of intonation. It also presents the results of some experimental studies into melodic and temporal features of the CNN and NBC newscasters.

Keywords: television, communication, newscaster, prosody, pronunciation norm, social variation, speech melody, speech tempo.

Данная статья посвящена рассмотрению роли основных просодических параметров в идентификации речи дикторов новостных программ телевидения, являющихся мощным средством коммуникативного воздействия на аудиторию.

Телевещание не только занимает ведущее место в современном информационном обществе, но и оказывает большое влияние на распространение норм литературного языка, будучи специфическим проявлением языковой действительности в сфере массовой коммуникации [6]. Медиавоздействие включает в себя как вербальное речевое воздействие, так и воздействие невербального, визуального характера, что в совокупности приводит к когнитивному воздействию на реципиента. Доказано, что эффективность процесса коммуникации зависит на 7% от слов, на 38% – от звуков и интонации, при этом на невербальную коммуникацию приходится до 55% эффекта, произведенного говорящим [10].

Исходя из этого, представляется вполне закономерным, что речь дикторов телевидения находится в центре внимания многих отечественных и зарубежных лингвистов (Леонтьев, 1972; Красных, 1998; Костомаров, 1999; Гришина, 2001; Углова, 2004; Жемерова, 2009; Campell, 1988; Cotter, 1993; Thomson, 2004). Большинство исследователей сходится во мнении, что речь дикторов характеризуется наличием кодифицированной произносительной нормы, хорошим качеством, зависящим от словарного запаса, дикции, умения говорящего улавливать, выстраивать и выражать различные смысловые оттенки, потенциально возможные в речи [4].

На британском телевидении, к примеру, дикторы традиционно говорят на произносительном стандарте – Received Pronunciation (RP), описанном Д. Джоунзом и кодифицированном им в первом орфоэпическом словаре. Этот тип произношения считается общепризнанным стандартом, эталоном, хотя пользуется им не более 5 % населения Британских островов [7]. В то же самое время на местных телевизионных станциях допускается наличие у дикторов регионального акцента. Что касается общенациональных каналов американского телевидения вроде Си-Эн-Эн (CNN) или Эн-Би-Си (NBC), работающие на них дикторы следуют стандартному общеамериканскому произношению – General American (GA), которому их обучают в специальных школах. При этом допустимы небольшие отклонения от нормы произношения в новостных блоках,

представляющих менее официальную информацию, вроде прогноза погоды или спортивных новостей.

Нельзя не упомянуть в этой связи о происходящих в настоящее время процессах, связанных с либерализацией произносительной нормы в речи дикторов телевидения. Подготовленная дикторская речь приобретает более «живой», спонтанный характер для создания эффекта близости к зрителю. Кроме этого исследователи отмечают факты переноса интонационных моделей, несвойственных для родного языка диктора, из набирающего все большую распространенность английского языка. Например, дикторы российского телевидения все чаще употребляют категоричный английский нисходящий тон, растянутый восходящий тон, ровный тон даже в конце финальных синтагм, американизированный восходяще-нисходящий тон, а также постепенно нисходящую и ровную шкалы. «Речь дикторов стала резкой, отрывистой, «напористой», а благодаря частому употреблению английских нисходящих тонов – и более ритмичной, чем эталонная речь образованных носителей русского языка» [5:72].

Исследователи фоностилистических характеристик телевизионной речи пришли к выводу о том, что именно просодия является ключевым фактором, определяющим тележанр и его дискурсивную модель. Речь дикторов телевидения считается просодически маркированной наличием вариативности в темпе, в диапазоне голоса говорящего и паузации [9]. Просодические средства выступают в роли инструмента воздействия на зрителя с целью формирования определенного отношения аудитории к предлагаемой информации, что можно отнести к элементам манипулирования общественным сознанием.

Подтверждение данного положения мы встречаем в исследованиях, рассматривающих связь между когнитивными и коммуникативными компонентами речевой деятельности и анализирующих глубинные взаимосвязи интонационных контуров и прагматических смыслов высказывания (Прокофьева, 2000; Аниховская, 2004; Демина, 2012). В них отмечается, что слуховое восприятие основано на интонационных характеристиках, которые способствуют оптимальному эксплицированию текстовой структуры, и, таким образом, ассоциируются со структурами информационными.

Выбор языковых средств говорящим осуществляется при помощи системы, в которой каждый элемент тесно взаимосвязан с другими элементами, что приводит к единству формы и содержания. Просодические средства, не имея собственной формы, образуют самостоятельную зону передачи информации путем наслаивания на значимые языковые единицы (морфемы, лексемы, предложения) и путем изменения их исходной формы и значения, приводящим к значительной импликации смысла высказывания. Таким образом, содержание звучащего высказывания обусловлено взаимодействием интонационных и лексико-синтаксических средств с учетом контекста высказывания и других коммуникативных факторов.

С точки зрения механизма восприятия речевого сигнала вызывает интерес теория акустических ключей, которые можно определить как отличительные признаки сигнала, и умение использовать которые напрямую связано с проявлением фонологического слуха, свойственного носителю языка [3]. Просодическими наборами акустических ключей обладают разнообразные элементы интонационного оформления фразы, такие как слоговые тоны, словесное ударение и др., что способствует адекватной лингвистической интерпретации звукового сообщения.

При интерпретации данных просодического анализа с учетом особенностей перцепции характер взаимодействия ЧОТ и уровня звукового давления в речевом сигнале являются наиболее значимыми, поскольку эти просодические характеристики находятся в тесном взаимодействии. Изменения высоты основного тона обуславливают особенности восприятия конкретного мелодического рисунка устного высказывания, кроме того этому способствуют также изменения показателей громкости, длительности и тембра. В результате взаимодействия этих перцептивных факторов слушающий решает, есть ли в сообщении выделенные по смыслу слова,

определяет место и тип локальных фразовых акцентов, устанавливает интонационную модель фразы, то есть принимает в каждом отдельном случае свое лингвистическое решение [8].

Обратимся далее к результатам нашего экспериментального исследования, посвященного выявлению ряда просодических параметров, которые могут послужить для идентификации речи дикторов новостных программ американского телевидения. Материалом исследования послужили записи информационных передач NBC и CNN, общенациональных телевизионных каналов США. В корпусе исследования – чтение новостей в реализации 10 дикторов, среди которых 5 мужчин и 5 женщин, общей продолжительностью 23 минуты. При обработке полученных путем электроакустического анализа результатов мы рассматривали факторы социальной дифференциации произношения, учитывая региональные (месторасположение CNN в южном штате Джорджия, NBC – в северном Нью-Йорке) и гендерные (дикторы-мужчины vs дикторы-женщины) особенности информантов. Предполагалось выявить воздействие социальных факторов на данные просодического характера.

На первом этапе исследования анализу подвергались самые важные мелодические показатели – средний уровень частоты основного тона (далее – ЧОТ) и конфигурация контура ЧОТ на уровне предтерминальных шкал и терминальных тонов. Мы опирались на данные специальной литературы о том, что средний уровень диапазона ЧОТ и конфигурация контура ЧОТ являются самыми важными показателями методики каждого говорящего.

В результате анализа частотных (диапазонных) характеристик речи дикторов новостей выявлены характерные особенности диапазона речи дикторов англоязычных новостных программ (табл. 1).

Таблица 1

Диапазональные характеристики говорящих (Гц)

Речь дикторов	Мужчины			Женщины		
	Fo max	Fo min	Fo mean	Fo max	Fo min	Fo mean
NBC	247	72	120	288	80	140
CNN	260	68	125	310	118	166

Существенным наблюдением, которое можно сделать на основании анализа диапазона голоса дикторов, стала зафиксированная нами зауженность диапазона дикторов канала NBC относи-

тельно группы дикторов CNN в обеих демографических группах, что позволяет контрастно противопоставить данные группы по описанным нами ранее данными о различиях в просодиче-

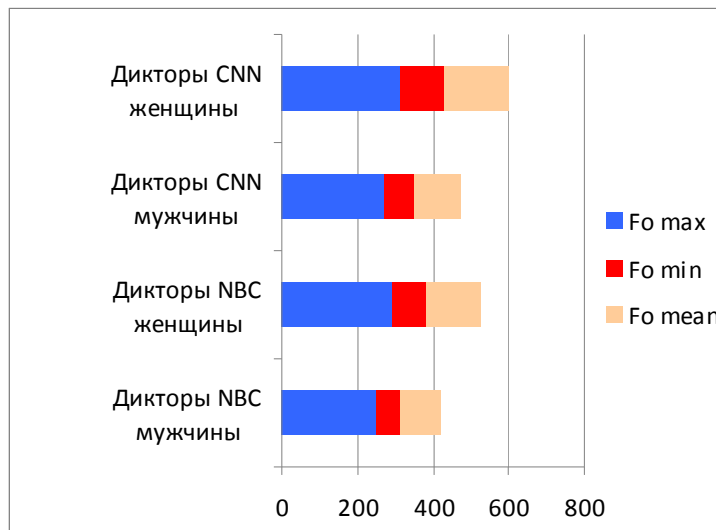
ском оформлении речи между северным и южным типами произношения в США [2].

Показатели среднего и максимального диапазона в женских группах превышают показатели мужских групп, то есть женщины-дикторы ха-

рактеризуются более широким диапазоном голоса, чем мужчины-дикторы соответствующей группы. Вариативность диапазона ЧОТ в мужских и женских группах проиллюстрирована на диаграмме 1.

Диаграмма 1

Вариативность диапазона ЧОТ в мужских и женских группах

Таким образом, исследование вариативности диапазона ЧОТ, который называют одним из ведущих параметров речи, показало, что эта просодическая характеристика реализуется по-разному в средних и максимальных диапазонах подготовленной монологической речи дикторов новостей, к которой относят чтение текста. Анализ максимального диапазона ЧОТ речи дикторов выявил четкую прослеживающуюся тенденцию: сужение диапазоновых характеристик речи дикторов NBC по отношению к речи дикторов CNN.

В ходе второго этапа нашего исследования темпоральные характеристики речи дикторов англоязычных новостных программ рассматривались по следующим показателям: средняя длительность фразы, включая паузы; средняя длительность фразы, исключая паузы; средняя длительность слога; соотношение времени фонации ко времени паузации.

Исходя из того, что средняя длительность слога (сокращенно СДС) является одним из акустических коррелятов темпа, определяемого А.М. Антиповой как «средняя скорость речи на протяжении определенного отрезка времени» [1:48], мы рассмотрели варьирование этой просодической характеристики в речи дикторов американского телевидения. Результаты темпа речи дикторов в миллисекундах представлены в таблице 2.

Таблица 2
Среднеслоговая длительность (СДС)
в миллисекундах (мс)

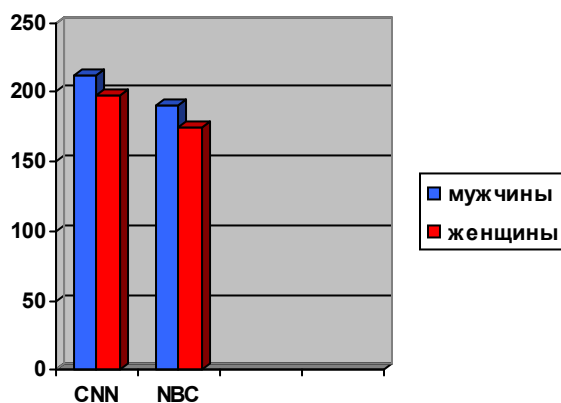
Речь дикторов	Мужчины	Женщины
CNN	212	198
NBC	190	175

Полученные данные убеждают нас в том, что темпоральные характеристики речи дикторов американского телевидения подвержены воздействию факторов социальной вариативности произношения не в меньшей степени, чем приведенные выше данные о диапазоновых характеристиках речи. Так, для дикторов CNN характерен более замедленный темп речи, чем для дикторов канала NBC, что, на наш взгляд, является регионально маркированным показателем. Традиционно, речь американцев-южан отличается замедленностью на фоне убыстренной речи северян, что позволяет считать темпоральные характеристики речи дифференцирующим признаком речи американцев [2].

Интересно было наблюдать за показателями темпа речи в женских группах в сопоставлении с мужскими группами дикторов. В обеих женских группах наблюдается уменьшение показателя СДС, свидетельствующее о более высоком темпе речи женщин – факт, позволивший высказать

догадку о том, что женщины тратят меньше времени на обдумывание сказанного в отличие от мужчин. Вариативность темпа в мужских и женских группах проиллюстрирована на диаграмме 2.

Диаграмма 2
Темпоральные характеристики речи

В целом полученные данные о темпе речи дикторов позволяют нам сделать вывод о том, что в соответствии с жанровыми характеристиками телепередач, выпуски новостей отличаются большей динамичностью, признаками компрессии речевого сигнала, вызванной необходимостью поддержать высокий темп речи и донести как можно больше информации в единицу времени. Этой же цели подчинен объем внутрисинтагменных и межсинтагменных пауз, сокращение которых является одним из универсальных дифференцирующих признаков речи дикторов данного телевизионного жанра.

В заключение отметим, что в настоящем исследовании решающую роль в диагностировании просодических признаков дикторской речи сыграли факторы фоностилистического и социального варьирования произношения. Бесспорный исследовательский интерес вызывают характеристики медиадискурса и их отражение в произносительной стороне речи. Представляется перспективным дальнейшее изучение многогранного феномена вариативности произношения, подтвержденного воздействию разнообразных факторов языковой среды.

Литература

1. Антипова А.М. Система английской речевой интонации: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1979. – 126 с.
2. Бабушкина Е.А. Произносительные особенности американского варианта английского языка: социально-территориальный аспект. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002. – 96 с.
3. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. – Л., 1981. – 198 с.
4. Брызгунова Е.А. Интонация. Русская грамматика. – М: Наука, 1980. – 378 с.
5. Веренинова Ж.Б. Формирование фонетических компетенций на первом курсе языкового вуза: методические приемы и рекомендации // Социофонетика звучащей речи. – М.: Рема, 2011. – С. 64-75.
6. Кривенко Б.В. Так говорят на телевидении // Русская речь. – 1995. – № 1. – С. 65-72.
7. Медведева Т.В. Самая популярная разновидность произношения? (Пути развития произносительной нормы в британском варианте) // Филологические науки – 2000 – №1 – с.78.
8. Углова Н.Г. Роль просодии в восприятии фактуальной информации // Социофонетика звучащей речи. – М.: Рема, 2010. – С. 154-164.
9. Cotter C. (1993). Prosodic aspects of broadcast news register. – BLS 19. – P. 90–100.
10. Oleinik H. Intonation Trends in News Broadcast // *Respectus Philologicus*. – 2006. – 9 (14). – P.152-157.

Бабушкина Елена Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка БГУ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: babelena@rambler.ru

Babushkina Yelena Alekseyevna – cand. of philology, assistant professor of English language department of BSU, 670000 Ulan-Ude, Smolin str. 24a. E-mail: babelena@rambler.ru

МОДЕЛЬ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УДИВЛЕНИЯ

Статья посвящена построению модели становления и развития удивления. Предлагаются следующие параметры модели исследуемой эмоции: взаимодействие удивления с другими эмоциями, внешняя референтная ситуация, человек.

Ключевые слова: модель, эмоция, удивление, референтная ситуация.

A.A. Baldynova

THE MODEL OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF SURPRISE

The article is devoted to the problem of modeling of formation and development of surprise. The following parameters of the model of an examined emotion are suggested: cooperation of surprise with other emotion, reference situation, the human and linguistic means.

Keywords: model, emotion, surprise, reference situation

Антропоцентризм, признанный исследователями одной из парадигмальных черт современной лингвистической науки [17, с. 207], предопределил изучение языка в проекции на человека, его сущностные и деятельностные характеристики. Язык при этом рассматривается как система, тесно связанная с мышлением и духовно-практической деятельностью человека, его личностью, знаниями и представлениями о мире, как система, которая формируется под влиянием общего биологического, физиологического и психического устройства человека [17, с. 207]. Одной из сторон духовно-практической деятельности человека является его эмоциональная сфера, в рамках которой удивление рассматривается как одна из самых неоднозначных, противоречивых эмоций.

Противоречивость удивления обусловлена, прежде всего, его двойственной природой, которая, согласно исследованиям в области психологии, проявляется в нейтральном характере, т.е. удивление способно в зависимости от ситуации быть или положительной, или отрицательной эмоцией [13, с. 398]. Это согласуется также с описанием удивления в философских исследованиях, где оно рассматривается как «такое возбуждение чувств, которое сначала задерживает естественную игру мысли и потому бывает неприятным, но зато потом содействует приливу мыслей для неожиданных представлений и потому становится приятным» [14, с. 507]. Противоречивость удивления проявляется также в его неоднозначном рассмотрении, согласно которому, с одной стороны удивлению отводится роль начальной точки познания [3, с. 86; 8, с. 507], а с другой – отрицается любое влияние эмоциональной составляющей на познавательную деятельность человека [9, с. 250].

В лингвистике удивление рассматривается как родовая характеристика *homo sapiens*, как эмоциональный концепт, представляющий собой ментальную единицу, отражающую многовековой опыт интроспекции языкового коллектива в виде универсальных и культуроспецифических представлений о данной эмоции [10]. Предприняты попытки классификации и сопоставления лексических и фразеологических единиц со значением удивления на материале разных языков [22; 16]. Описаны просодические и кинесические средства выражения удивления в сценической речи [16]. Выявлены разряды слов, в основном существительные и глаголы со значением удивления [22]. Исследована специфика текстовой реализации удивления [22; 16; 21; 7]. Однако, несмотря на ряд исследований разноаспектного характера, нет единого, точного и полного описания удивления, играющего важную роль во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в познании им окружающей его действительности.

Одну из возможностей такого описания в лингвистике представляет собой метод моделирования. Следует отметить, что в лингвистике существуют различные модели (порождающие модели, синтаксические, семантические [2, с. 223–227]), основополагающим принципом построения которых является принцип «от значения к форме». Такие модели включают многочисленные семантические вариации генеративной грамматики [26], падежных грамматик [23], функциональных грамматик [6] и т.д. Модели могут представлять собой схемы, чертежи, логико-математические знаковые формулы, физические конструкции и т.п. Они, как правило, аналогичны (подобны, сходны) исследуемому объекту, отображая и воспроизводя его в более

простом виде, что «облегчает процесс получения информации об интересующем нас предмете» [15, с. 360]. Однако, несмотря на то, что модель создается по аналогии с оригиналом, она дает лишь вероятное, приблизительное знание о предмете. Но все же тем не менее такие аналогии помогают лучше и глубже понять оригинал, так как модель обладает объяснительной силой, т.е. способна не только объяснить факты, но и прогнозировать принципиально возможное поведение оригинала, в чем и заключается цель моделирования.

Приступая к моделированию порождения и поведения оригинала (в нашем случае эмоции удивления) в речемыслительной деятельности человека, отметим, что удивление появляется, как правило, в текстах в сочетании и с негативными, и с позитивными эмоциями. Это и затрудняло определение его места в ряду эмоциональных состояний человека по аксиологическому признаку «положительно/отрицательно», являющемуся в некоторых случаях актуальной характеристикой. Объяснение частотному сочетанию удивления с другими удивлениями имеет в психологии, где на примере экспериментальных данных установлено, что человек способен испытывать несколько эмоций одновременно [12, с. 158; 13, с. 133; 18, с. 56].

Отправной точкой при моделировании нами порождения, проявления и дальнейшего развития удивления является сложное многопараметрическое взаимодействие языка, мышления и внеязыковой действительности. Данное обстоятельство диктует необходимость включения в предлагаемую модель такого параметра, как внешняя референтная ситуация, под которой понимают отнесение языковых выражений к внеязыковым объектам, соединение мысли и реальности при помощи языка [5, с. 5]. Человек через чувственное познание объектов окружающего мира получает первичные представления о внешней референции, затем при сопоставлении имеющихся знаний и получаемых сведений подключаются процедуры интерпретации [25, с. 55]. Референтная ситуация рассматривается как источник/причина возникновения эмоции удивления, поскольку о фрагменте или явлении внеязыковой действительности не может быть сформировано понятие прежде, чем референт не будет определен посредством одного или комплекса органов чувственного и умственного восприятия. Поэтому нельзя не согласиться с мнением о том, что «трудно представить, как может надеяться на успех такая теория значения, которая не проясняет понятие референции

и не наделяет его центральной ролью» [11, с. 300].

Другим составляющим предлагаемой модели является человек, воспринимающий, обрабатывающий и передающий информацию, полученную извне и являющуюся одной на всех, которая должна быть воспринята (нравится им это или нет), и с ней нужно считаться. Другого пока нет. Но, как известно, не происходит прямого отражения мира и формирования информации о нем, в ходе которого осуществляется интерпретация человеком в контексте его представлений и предпочтений, поэтому созданная информация так или иначе несет на себе отпечаток образа «самого себя». Речь идет также и о тех смыслах, особенно эмоциональных, нередко физически ощущаемых, но не выраженных в виде текста высказывания, при этом имеющих незримую чувственную оболочку. Они не всегда имеют привычного материального воплощения в виде языковых знаков, но тем не менее бесконечно варьируют эффекты общения людей друг с другом и их поведение. Источником проявления таких смыслов, эмоциональных и полифоничных, является взаимодействие эмоции удивления с другими эмоциями, соединение которых несет в себе особый эмоциональный заряд. Это составляет следующий параметр при моделировании порождения, проявления и дальнейшего развития удивления.

В философии взаимодействие определяется как процесс взаимного влияния тел друг на друга, наиболее общая, универсальная форма изменения их состояний, при этом отмечается, что без способности к взаимодействию ничто не могло бы существовать [24, с. 147]. Следовательно, эмоции также вступают во взаимодействие. То обстоятельство, что эмоция удивления, как правило, проявляется во взаимодействии с другими эмоциями, позволяет предположить, что они находятся в отношениях равноправия (равенства сторон) и подчинения (зависимости) удивления другим эмоциям и наоборот. Достаточно большое количество фактического материала позволяет выделить в данной модели тип равноправного взаимодействия удивления с другими эмоциями. Такое взаимодействие выражено конструкцией *Mischung aus etwas Dat.:*

(1) Eine erfrischende Mischung aus Staunen, Genießen und Lachen! [31].

Согласно данным немецких грамматик, показателем равноправия являются также сочинительные союзы [28, с. 167]. Однако В.Г. Адмони утверждает, что между однородными членами,

связанными простыми сочинительными союзами, нет полной синтаксической равноценности, синтаксический ранг первого из членов будет более высоким, т.к. он первым соотнесен с основным составом предложения [1, с. 39]. Таким образом, можно предположить, что в случаях взаимодействия эмоций имеет место доминирование одной эмоции над другой. Одним из показателей отсутствия равнозначности между эмоциями служит порядок их следования, анализ которого выявил чрезвычайную сложность, многообразие и многочисленность проявлений их взаимодействия и коммуникативную значимость. Фактический материал показывает, что часто в сочинительной конструкции удивление предшествует радости:

(2) Das Lied entstand in absoluter, selbstgewählter Armut, doch es ist voll Staunen und Freude, voll Dankbarkeit und Ehrfurcht für alle Lebewesen und Elemente [30].

Доминирование одной эмоции над другой может быть передано, кроме порядка следования в сочинительных словосочетаниях, в словосочетаниях, состоящих из имени прилагательного и существительного. Так, например, слово *Überraschung* в следующем текстовом фрагменте сочетается с прилагательным *freudig* – *freudige Überraschung*. Характер их связи таков, что слово *Überraschung* подчиняет прилагательное *freudig*, которое согласуется с именем существительным в роде, числе и падеже, что позволяет сделать вывод о подчиняющей эмоции удивления, выраженной именем существительным *Überraschung* и подчиненной эмоции радости, выраженной прилагательным *freudig*:

(3) «Servus, Herr Doktor!» sagte sie [Mallebrê] und ließ hierbei ihre schöne Altstimme vibrieren. Sie sah resigniert in seine Augen. «Darf ich Sie mit meinem Mann bekannt machen? Er kam heute morgen an.» «Welch freudige Überraschung!» meinte Hagedorn und begrüßte einen eleganten Herrn mit schwarzem Schnurrbart und müdem Blick [38, s. 177].

В вышеприведенном текстовом фрагменте речь идет о флирте госпожи Малебре с главным героем повести Э. Кэстнера «Трое в снегу» Хагедорном. Она уверяет Хагедорна в своей любви, подчеркивая, что они составят прекрасную пару. Складывается впечатление, что госпожа Малебре является незамужней дамой, и это сильно смущает Хагедорна, поскольку ему симпатизирует другая девушка. Однако спустя неделю госпожа Малебре знакомит его со своим мужем. То, что она замужем, противоречит его представлениям о ее семейном статусе, поэтому

вызывает сильное удивление. Но удивление, выраженное лексемой *Überraschung*, дополняется эмоцией радости, вербализованной именем прилагательного *freudig* – *freudige Überraschung*. Здесь имеет место взаимодействие двух эмоций (удивление и радость), эмоция удивления является в данной ситуации доминантной.

Проявление эмоции удивления краткосрочно [12, с. 97], она длится недолго, поэтому ей предшествует или за ней следует другая эмоция. В немецком языке такой переход выражается глаголом *umschlagen in etwas Akk.*:

(4) Aber im selben Moment spürten sie schon, dass das Zurückweichen mehr wie ein Anlaufnehmen war, dass ihre Ehrfurcht in Begehren umschlug, ihr Erstaunen in Begeisterung [40, s. 137].

Другим маркером перехода является использование последовательности наречий *zuerst* и *dann*, связывающих однородные члены предложения:

(5) Wir wurden zehn Wochen militärisch ausgebildet und in dieser Zeit entscheidender umgestaltet als in zehn Jahren Schulzeit. Wir lernten, dass ein geputzter Knopf wichtiger ist als vier Bände Schopenhauer. Zuerst erstaunt, dann erbittert und schließlich gleichgültig erkannten wir, dass nicht der Geist ausschlaggebend zu sein schien, sondern die Wichsbürste, nicht der Gedanke, sondern das System, nicht die Freiheit, sondern der Drill [39, s. 144].

Вся жизнь человека пронизана эмоциями, обусловленными соответствием или несоответствием полученной информации его ожиданиям. Удивление, как правило, вызвано внезапными, неожиданными для человека событиями, эмоциональная реакция на которые может быть различной по скорости, прямоте, степени искренности и интенсивности ее проявления. То, что удивление вызвано неожиданной и потому внезапной для человека информацией, подтверждается использованием в контексте наречиями *plötzlich* и *unerwartet*:

(6) Ich war etwas erstaunt, ihn so plötzlich weich zu sehen, und vermutete, dass ihm das flinke, schwarze Luder, das er zuletzt bei sich gehabt hatte, bereits auf die Nerven gibt [39, s. 145].

(7) Unerwartet? Erstaunt? Genau das ist das Spiel mit den Komma-Separatoren [36].

В толковом словаре К. Дудена лексема *plötzlich* интерпретируется как «unerwartet, unvermittelt, überraschend, von einem Augenblick zum andern eintretend, geschehend» [41], а лексема *unerwartet* характеризуется как «von

niemandem erwartet; unvorhergesehen, überraschend» [41].

Причиной удивления является не только внезапность, но и аномальность происходящего в референтной ситуации. Согласно Н.Д. Арутюновой, «единичные и редкие в жизни человека и природы события... дают ощущение чрезвычайности и аномальности» [4, с. 75]. Аномальным может стать появление в реальном мире человека элементов вымышленного, фантазийного, сказочного миров. Так, в следующем текстовом фрагменте аномальным явлением становится ангел, его появление противоречит обычному порядку вещей в реально протекающей жизни, что выражено придаточным предложением *was sich normalen Maßstäben entzieht*:

(8) Als einst auf einem Feld bei Betlehem ein Engel erschien, packte die Hirten gewaltige Angst. Denn Furcht und Schrecken kann Menschen befallen, denen widerfährt, was sich normalen Maßstäben entzieht. Vielleicht wandelt sich der Schrecken zum Staunen. Staunen erwacht hier, als der Engel ihnen sein «Fürchtet euch nicht!» zuruft und die Geburt des Messias als gerade eben in ihrer Nachbarschaft geschehen, ansagt [33].

Внезапное, неожиданное событие, такое как резкий звук, изменение обстоятельств или внезапное появление другого человека, может не только напугать, но и удивить [12, с. 398]. Так, страх пастухов в приведенном отрывке взаимодействует с удивлением. В этом взаимодействии имеет место последовательный переход эмоции страха к эмоции удивления: *wandelt sich der Schrecken zum Staunen*. Причиной удивления является не столько внезапность появления ангела, сколько аномальность такого события.

Внешняя референтная ситуация может быть не только аномальной, но и парадоксальной, под которой понимается неожиданная, непривычная, оригинальная, противоречивая самой себе, исходным посылкам, общепринятому, традиционному взгляду или здравому смыслу по содержанию и/или по форме [29]. В следующем примере то обстоятельство, что неожиданно зацвело сливовое дерево, которое всю зиму не имело даже листьев (*Er hatte den ganzen Winter krumm und kahl dagestanden*) и служило вешалкой (*er war nichts anderes gewesen als ein bequemer Ständer für alles*), воспринимается говорящим как парадоксальное событие и вызывает удивление:

(9) «Nun sehen Sie doch mal, Herr Lohkamp, die Pracht! Ist doch immer wieder 'n Wunder». Ich blieb überrascht stehen. Der alte Pflaumenbaum neben der Benzinpumpe war über Nacht aufgeblüht. Er hatte den ganzen Winter krumm und kahl

dagestanden, wir hatten alte Reifen daran gehängt und Ölkästen zum Trocknen über die Äste gestülpt, er war nichts anderes gewesen als ein bequemer Ständer für alles, vom Putzlappen bis zur Motorhaube... [39, s. 58].

Эмоция удивления является отличительной чертой человека, в его проявлении стоит человеческий фактор. Другими словами, в этом заключается одно из отличий человека от других живых систем на земном шаре. Отличие в том, что «если и другие существа, встречаясь с чем-нибудь новым и необычным, испытывают удивление, то их удивление продолжается лишь до тех пор, пока они не решат, вредно ли для них самих это новое явление или нет. Люди же спрашивают, откуда происходит то новое, что они видят, и какое употребление из него можно сделать» [Гоббс 1965:254-255]. Более того, Артур Шопенгауэр, разделяя данную точку зрения, подчеркивает, что человек, не способный удивляться, глуп, и сравнивает его с животным, которое «живет себе и не удивляется тому, что мир существует» [Шопенгауэр 1997:31-32]. Следовательно, человек удивляющийся должен быть любознательным и при этом иметь определенный стандарт знаний, так как в противном случае удивление невозможно.

Отметим, что человек, описывающий объективную действительность, есть прежде всего субъект восприятия [20, с. 73], следовательно, в зависимости от опыта человека, его возраста, гендерной принадлежности будет осуществляться выбор языковых средств, репрезентирующих удивление. Так, например, согласно собранному фактическому материалу, молодые люди выбирают для обозначения удивления, как правило, разговорные или жаргонные лексемы как *perplex* или *baff*, выражающие удивление:

(10) Ich bin grad total perplex [34]!

(11) Der Fahrgast ist ganz baff und entschuldigt sich voll Erstaunen: «Ich konnte ja nicht wissen, dass Sie sich wegen eines Schultertippens dermaßen erschrecken» [35].

Исследователи отмечают, что существуют определенные различия выражения исследуемой эмоции у мужчин и у женщин. К фонационному виду невербальных компонентов коммуникации больше склонны мужчины, для женщин более характерным является мимический вид. Пантомимический вид используется мужчинами, а респираторный вид – женщинами [7, с. 116–117]. Женщины используют лексику, выражающую удивление (междометия, некоторые типы фразеологических единств), чаще, чем мужчины. Разная частотность употребления, согласно

нашему предварительному выводу, отражена в таком соотношении, как 70 % к 30 %. Это объясняется тем, что женщины от природы являются более эмоциональными [27, с. 21].

Таким образом, учитывая предложенные параметры, представляется возможным описать удивление как эмоцию, которая может быть как отрицательной, так и положительной, взаимодействует с другими эмоциями, являясь при этом либо доминантной, либо дополнительной. Причинами удивления могут быть парадоксы, аномалии, внезапные или неожиданные события. Важным фактором при описании удивления является также сам человек, который в зависимости от своего опыта, гендерной принадлежности, имеющихся знаний дает дополнительную характеристику испытываемой им эмоции. Они обуславливают выбор языковых средств, служащих для номинации, описания и выражения удивления, их местоположение в тексте и характер синтаксических отношений между языковыми единицами, выражающими и описывающими эмоции. Моделирование эмоции удивления представляется одним из перспективных направлений в изучении такого составляющего внутреннего мира человека – его эмоций, в центре которого находится когнитивный механизм получения, переработки, передачи информации, прежде всего, эмоциональной, оказывающейся нередко важной частью коммуникации и катализатором познавательного процесса.

Литература

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения. – Л.: Наука, 1973. – 366 с.
2. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1995. – 305 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции. Логика и лингвистика. (Проблемы референции) // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1982. – Вып.13. – С. 5–40.
6. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
7. Ганина В.В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: гендерный аспект: на материале англоязычных художественных текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иваново: 2005. – 176 с.
8. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 656 с.
9. Демокрит в его фрагментах и извлечениях древности / ред. Г.К. Баммеля. – М.: Гос. эк. изд-во, 1935. – 377 с.

10. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02020. – Волгоград, 2002. – 19 с.
11. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. – М.: Практик, 2003. – 448 с.
12. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.
13. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 749 с.
14. Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
15. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 721 с.
16. Корлыханова Е.Л. Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2000. – 172 с.
17. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144 – 238.
18. Лук А.Н. Эмоции и личность. – М.: Знание, 1982. – 176 с.
19. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 216 с.
20. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). – Иркутск, 2000. – 244 с.
21. Сергеев, А.И. Контрастивно-семантический анализ концепта «удивление» в русском и немецком языках: На материале произведений Н.В. Гоголя и Э.Т.А. Гофмана: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2004. – 211 с.
22. Смагина, С.В. Глаголы удивления в английском и русском языках : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.20. – Пятигорск, 1996. – 18 с.
23. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369 – 495
24. Фролов И.Т. Философский словарь. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.
25. Хантакова, В.М. Синонимия форм и синонимия смыслов: теоретическая модель анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц одно- и разноразрядной принадлежности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02. – Иркутск, 2006. – 335 с.
26. Хомский Н. Три модели описания языка. – М.: Мир, 1956. – 254 с.
27. Darwin, Ch. The Expression of the Emotions in Man and Animals. – London: D. Appleton and company, 1913. – 372 S.
28. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik. – 8., unveränderte Auflage. – Berlin: Akademie Verlag, 1965. – 316 s.
29. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Парадокс>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

30. URL: www.gehrenberg-bodensee.de
31. URL: <http://www.zappo-entertainment.de>
32. URL: <http://funfiction.de>
33. URL: <http://liturgie.ch>
34. URL: www.netmoms.de
35. URL: www.witze.de
36. URL: www.code-styling.de
37. Hermann K. Engel und Joe. – Frankfurt: Verlag, 2001.- 304 S.
38. Kästner E. Drei Männer im Schnee. – Berlin: Deutscher Tachenbuch Verlag, 1997. – 215 S.

39. Remarque E.M. Im Westen nichts Neues. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1998. – 283 S.
40. Süskind P. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders. – Berlin : Diogenes, 1994. – 336 S.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ
41. URL: www.duden.de

Балдынова Анна Александровна – аспирант кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета. Адрес: 664007, г. 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, тел.: 8-908-6-412-172, e-mail: anna.7@list.ru

Baldynova Anna Alexandrovna – post-graduate student of the German philology department (Irkutsk state linguistic university). Address: 664025, Irkutsk, Lenin str. 8, tel.: 8-908-6-412-172, e-mail: anna.7@list.ru

УДК 811.111:378.016

© **Е.В. Барбакова**

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УМЕНИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ

Статья посвящена проблеме определения умений иноязычного чтения текстов различных функциональных стилей на основе данных лингвистической науки.

Ключевые слова: умения иноязычного чтения, публицистический текст, прагматический текст, лингвистическая концепция О.И. Москальской.

E.V. Barbakova

LINGUISTIC BASE FOR DEFINING FOREIGN LANGUAGE READING SKILLS

The article is devoted to the problem of defining foreign language reading skills of different functional styles based on linguistic research.

Keywords: functional styles, foreign language reading skills, publicistic text, pragmatic text, linguistic theory by O.I. Moskalskaya.

Методика обучения иностранному языку, являясь самостоятельной наукой, имеет свой объект и предмет исследования. Компонентами предметно-объектной области являются: цель обучения/изучения ИЯ, содержание обучения, субъекты образовательного процесса (учитель, ученик), принципы, методы, приемы, способы, средства обучения/изучения языка. В научный аппарат методики как науки вносят вклад теоретические положения, экспериментальные данные и закономерности смежных с методикой наук: педагогики, лингвистики, лингводидактики, психологии, психолингвистики, теории информации и др.

В статье показано применение научных данных лингвистики текста и стилистики для развития методики обучения чтению текстов различных функциональных стилей на английском языке. Как известно, конечной целью обучения ИЯ в языковом вузе в области чтения является достижение коммуникативной компетенции у студентов. Однако для ее реализации необходимо решить проблему определения комплекса умений чтения текстов различных стилей и разработки эффективной технологии обучения чтению, направленную на формирование и развитие этих умений.

Для решения этой проблемы мы использовали стилевые особенности текстов различных функциональных стилей и обратились к лингвистике текста, исследования которой позволяют обозначить его сущностные характеристики. Не ставя целью анализировать все многообразие точек зрения по проблеме основных характеристик текста, обратимся к концепции О.И. Москальской, которая наряду с исследованиями стилевых особенностей текста послужила основанием для определения инвариантных и специфических умений чтения текстов.

По мнению исследователя, текст обладает тремя «целостностями» – смысловой (тематической), коммуникативной и структурной. Данные характеристики едины для всех текстов, равно как едины для всех текстов и те текстообразующие категории, которые лежат в основе данных признаков.

Смысловое (тематическое) единство охватывает концепт, смысловое (семантическое) строение, логическое строение. Концепт соотносится с понятием концепции, предложенным Т.М. Дридзе. В смысловом строении отражена содержательная структура элементов смысла текста, здесь учитывается количество тем текста, его «смысловых ядер». Логическое строение предполагает последовательность и структуру

представления смысловых элементов в процессе развертывания текста.

Коммуникативное единство определяется коммуникативной целенаправленностью. По мнению О.И. Москальской, воздействие может быть коммуникативным и эстетическим. При коммуникативном воздействии автор хочет сообщить информацию (рациональную или эмоциональную) или получить ее, т.е. коммуникация осуществляется ради передачи/получения/обмена информацией. Таким образом, целью коммуникации является ментально-вербальная или физическая реакция. При эстетическом воздействии целью коммуникации является воздействие на адресата-реципиента и вызов его ментально-эмоциональной реакции.

Структурное единство представляет собой текстообразующие категории (синтаксические, лексические, фонологические), которые соотносятся с различными языковыми средствами.

Выделенные нами умения отличаются от традиционных тем, что в них учитывается специфика текста, особенности его функционального стиля, представлены смысловой, коммуникативный и структурный аспекты умения чтения, которые в комплексе и составляют полноценное умение чтения текста определенного стиля.

Таким образом, нами сформулированы *инвариантные* умения чтения текста любого функционального стиля и *специфические*, свойственные тексту определенного стиля.

Инвариантные умения чтения любого текста включают:

1. Умения выделять смысловое и логическое строение:

а) микротемы и макротем, б) главную мысль, в) смысловый объект и предикат, г) концепт.

2. Умения определять коммуникативное воздействие:

а) определять собственное отношение к изложенному, к выводам автора, б) распознавать коммуникативную авторскую программу, его интенции.

3. Умения определять структурное единство:

а) находить клишированные, стереотипные лексические и синтаксические средства.

Названные умения универсальны для обучения чтению всех типов текстов: художественного, публицистического, научно-популярного, прагматического. При этом то или иное инвариантное умение может отличаться сложностью развития в зависимости от стиля текста.

В рамках данной статьи ограничимся публицистическим и прагматическим стилями. Публицистический стиль оказывается наиболее

сложным и разветвленным, с многочисленными переходными (межстилевыми) явлениями. Основными его подстилями являются собственно публицистический в узком смысле слова (памфлеты, очерки и т.д.), газетный и политико-агитационный (воззвания, призывы, прокламации, выступления на митингах). В свою очередь, каждый подстиль подразделяется по жанровым и иным особенностям.

Достаточно сложным оказывается внутристилевое расслоение газетной речи. Стилевые различия в ней связаны прежде всего с преобладанием в конкретном тексте одной из основных газетных функций – информативной или воздействующей. К основным чертам языка газеты относятся:

- экономия языковых средств, лаконичность изложения при информативной насыщенности;
- отбор языковых средств с установкой на их доходчивость (газета – наиболее распространенный вид массовой информации);
- наличие общественно-политической лексики и фразеологии, переосмысление лексики других стилей (в частности, терминологической) для целей публицистики;
- использование характерных для данного стиля речевых стереотипов, клише;
- жанровое разнообразие и связанное с этим разнообразие стилистического использования языковых средств: многозначности слова, ресурсов словообразования (авторские неологизмы), эмоционально-экспрессивной лексики;
- совмещение черт публицистического стиля с чертами других стилей (научного, официально-делового, литературно-художественного, разговорного), обусловленное разнообразием тематики и жанров;
- использование изобразительно-выразительных средств языка, в частности стилистического синтаксиса (риторические вопросы и восклицания, параллелизм построения, повторы, инверсия и т.д.).

Функции газетного стиля осуществляются с помощью таких основных текстовых категорий, как информативность, целостность (континуум), членимость, когезия (связность), модальность [4; 8].

К особенностям газетной речи относятся:

- основная функция – воздействующе-информационная с акцентом на воздействие;
- стилистический принцип – чередование стандарта и экспрессии, при этом отмечается особая и намеренная выразительность, экспрессивность;

- основные стилевые черты – открытая оценочность, призывность, простота и доступность, рекламность [7].

На основе стиливых характеристик и трех «целостностей» нами сформулированы специфические умения чтения текстов публицистического стиля. В смысловом единстве выделены умения: отделять главные факты от второстепенных; отделять факты от идей и мнений, распознавать композицию текста. Приведенные умения характерны при чтении публицистики. Например, в газетной статье отражены не только факты, но и мнения, оценки, поэтому существенным при чтении считается умение отграничивать одно от другого. Умение отделять главные факты от второстепенных необходимо для чтения газетных, журнальных публикаций, так как обычно рецепиентом задействован ознакомительный вид чтения, при котором нужно понять только главное.

В коммуникативном единстве нами определено умение оценивать важность, практическую/теоретическую ценность информации, что связано с функцией воздействия, которая является основной наряду с коммуникативной в публицистическом тексте. Читатель принимает посыл и целесообразным для него будет оценка важности передаваемого с опорой на свой опыт, чувства и т.д., а не слепое восприятие или принятие авторских субъективных оценок.

Как было замечено выше, публицистический текст сочетает в себе стандарт и экспрессию языковых средств. В связи с этим нами были определены специфические умения выделять эмоционально-окрашенную лексику и стилистический синтаксис, а также умение находить специальную лексику (термины, общественно-политическая лексика) и реалии.

Обратимся к особенностям прагматического текста. Термин «прагматический» используется в программах для средней школы и языкового вуза, в которых дается установка на обучение чтению текстов этого стиля. В научной литературе по лингвистике с этим понятием коррелируют термины «регулятивный текст» [9] и «директивный текст» [2].

Назначением регулятивных текстов является организация поведения реципиента, заключающаяся в указании на «цель действия» и «способ действия». В директивных текстах нет указаний на способ действия.

По критерию отнесенности к разным сферам активности регулятивные тексты делятся на: 1) тексты производственно-бытового назначения, 2) тексты социальной регуляции, 3) тексты

морально-бытового назначения (советы) и тексты морально-этического назначения (проповеди, наставления). При этом отмечается, что перечень текстов, входящих в тот или иной класс, безграничен и открыт, поскольку их продуцирование детерминируется социальными потребностями, структура которых постоянно меняется в ходе развития общества, усложнения общественных связей и отношений [9]. Так, в исследовании Л.А. Борходоевой [3] предложен перечень прагматических текстов производственно-бытового назначения, включающий: расписания, объявления, билеты, указатели, вывески, меню, счета, рецепты, инструкции, прогнозы погоды, планы, путеводители, программы, афиши, бланки, характеристики, заявления, персональные документы.

В методике обучения иностранным языкам принят термин «прагматический» текст. Осознавая неоднозначность термина «прагматический», равно как и термина «регулятивный», будем тем не менее пользоваться термином «прагматический» как наиболее устоявшимся в методике и используемым в государственных нормативных документах.

С целью выделения специфических умений чтения прагматического текста рассмотрим прагматический текст с точки зрения трех целостностей, предопределяющих и обуславливающих цельность автономного речевого построения, определяемого как текст: смысловую, коммуникативную и структурную [8].

Своеобразие концепта прагматического текста наиболее очевидно при сопоставлении с художественным текстом. Как известно, глубинная структура художественного текста представляет собой сложное переплетение отношений и характеров, в основе которых лежит художественный образ, авторские интенции, прагматическая установка [1; 5; 10]. Для прагматических текстов, обслуживающих стандартизированные сферы социокоммуникативной деятельности, не свойственны такие компоненты глобальной структуры художественного текста, как система образов, фабула, идейно-тематическое содержание, т.е. концепт прагматического текста менее сложен по сравнению с концептом художественного. Кроме этого, он выражен эксплицитно.

Для смыслового (семантического) строения прагматического текста характерны логичность изложения и предельная ясность. В нем реализуется небольшое количество микротем, образующих макротему высказывания. Денотат данного типа текста ограничен сферой определен-

ной деятельности и, как правило, достаточно четко фиксирован.

Прагматические тексты выполняют коммуникативную функцию воздействия, выражающуюся в убеждении, призыве, агитации и т.п.

Анализируя третью целостность прагматического текста, включающую синтаксические и лексические категории, отметим, что отправитель сообщения стремится избежать многозначности, точно и ясно выражает свою мысль, используя однозначные слова. Ясность подачи материала достигается точным отбором слов, форм, синтаксических конструкций. Характерной чертой подачи информации является стереотипность, клишированность, передаваемые через языковые шаблоны и текстовые стандарты.

Анализ особенностей прагматического текста позволяет нам выделить специфические умения, необходимые для успешного чтения этого типа текста.

В смысловом единстве умения чтения представлены инвариантными умениями: определять микро- и макротему, выделять главную мысль, смысловый объект и предикат, концепт. Нами не выделяются специфические умения в смысловом единстве, так как данный тип текста неоднороден по своему составу. Например, представляется сложным классифицировать формат, смысловую и логическую композицию таких прагматических текстов, как объявления, меню, рекламу, поэтому будем совершенствовать и развивать инвариантные умения чтения, необходимые для чтения всех типов текстов.

Во втором единстве нами определено специфическое умение оценивать важность, практическую/теоретическую ценность извлеченной информации. Выделение этого умения обусловлено, прежде всего, смысловой нагрузкой такого

типа текста. Задачей данного сообщения помимо информативной является оказание воздействия, в форме убеждения, агитации, совета и т.д., поэтому включение этого умения в номенклатуру специфических представляется необходимым.

В структурном единстве определены умения выделять эмоционально-окрашенную лексику, стилистический синтаксис, реалии и метафоры.

Таким образом, нами определены инвариантные и специфические умения понимания при чтении текстов различных стилей на основе лингвистической концепции О.И. Москальской о смысловом, коммуникативном и структурном единствах, характеризующих любой текст, и особенностях текста определенного функционального стиля.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 168 с.
3. Борходоева Л.А. Прагматический текст как средство формирования социокультурной компетенции студентов языкового вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Улан-Удэ, 2002. – 24 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
5. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.
6. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 269 с.
7. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
8. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
9. Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1996. – 557 с.
10. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.

Барбакова Екатерина Викторовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, e-mail: buryatkatya@rambler.ru

Barbakova Ekaterina Victorovna – candidate of pedagogical sciences, senior lecturer of the English language department of Buryat State University. Smolina str., 24a, Ulan-Ude, 670000; e-mail: buryatkatya@rambler.ru

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ И РАЗРУШИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В СТРУКТУРЕ КАТЕГОРИИ ИЗМЕНЕНИЯ
(на материале русского и английского языков)**

В статье рассматриваются особенности концептуального представления процессов созидания и разрушения, а также определяется место данных видов деятельности в структуре категоризации процессов изменения в целом. Особое внимание уделяется выделению ядерных и дифференциальных структурных элементов рассматриваемых концептуальных областей, репрезентируемых в языке.

Ключевые слова: созидательная деятельность, разрушительная деятельность, концептуализация, категория изменения, категоризация, репрезентация, ядерные признаки, дифференциальные признаки.

E.P. Bayartueva

**CREATIVE AND DESTRUCTIVE PROCESSES CONCEPTUALIZING
IN THE STRUCTURE OF CHANGE CATEGORIZATION IN RUSSIAN AND ENGLISH**

The article is devoted to the study of creative and destructive processes representation in the language. These conceptual fields are viewed as basic ones among other types in the structure of change processes categorization. The conceptual fields under study are described through their basic and differentiating features, which are represented in the English and Russian languages.

Keywords: creative activity, destructive activity, conceptualization, category of change, categorization, representation, basic features, differentiating features.

Созидательные и деструктивные процессы относятся к базовым видам деятельности категоризации процессов изменения и демонстрируют основные особенности структуризации наиболее абстрактных когнитивных процессов, одним из которых является когнитивное пространство изменения.

Созидание и разрушение представляют собой виды изменений, однако следует отметить, что однозначного подхода к понятию «изменение» не существует в современной науке.

Под изменением принято понимать категорию философского дискурса, которая характеризует состояние, альтернативное стабильности, переход из одного состояния в другое, смену содержания во времени [4]; превращение в нечто другое, переход из одного качественно определенного бытия в качественно другое определенное бытие [7].

Изменение характеризуется объемом, направлением, интенсивностью, скоростью и длительностью. Гераклит считал изменение, истолкованное как движение, универсальным свойством. Согласно мнению Гераклита, все находится в непрерывном изменении и движении, поскольку все определяется борьбой противоположностей, в ходе которой вещь переходит в свою противоположность: «Одно и то же в нас – живое и мертвое, бодрствующее и спящее, мо-

лодое и старое, ибо эти противоположности, переменявшись, суть те, а те, вновь переменявшись, суть эти» [9, с. 213]. Изменения, по мнению Гераклита, подчиняются всеобщему закону – Логосу.

Анаксагор, Эмпедокл, Демокрит, Эпикур сводили изменение к соединению и разъединению неизменных элементарных частиц (атомов). Анаксагор видел в изменении вещей соединение и разделение гомеомерий – мелких частиц. Древнегреческие атомисты исходили из признания бесчисленного множества вечных, неделимых и неизменных элементов – атомов, лежащих в основе всего многообразия чувственно данного и текучего мира. Тем самым они не отрицали ни возникновения, ни уничтожения, ни движения, ни изменчивости, ни множественности вещей, понимая их как вторичный, производный феномен. Согласно мнению Эмпедокла, не существует ни возникновения, ни изменения, а лишь смесь элементов вещей, являющаяся результатом притяжения разнородных элементов друг к другу благодаря силе Любви, и разрушение первичной смеси под влиянием сил Вражды.

В философии Платона чувственные вещи находятся в постоянном изменении, но их прообразы, идеи остаются неизменными. Противопоставление инвариантного и текучего миров приобрело у Платона форму противопоставления

изменчивого мира чувственных вещей – предмета неустойчивых мнений – и мира неизменных, статuarных эйдосов (идей) – предмета теоретического, всеобщего и необходимого знания [5; 6].

В соответствии с противоположным взглядом на природу изменения, оно представляет собой неподвижное бытие, субстанцию, явление, как, например, представлено в некоторых направлениях метафизики. Элеаты полагали, что изменение – чистая видимость, поскольку бытие неподвижно [7]. Парменида также делал акцент на устойчивости и неизменности бытия [4].

Выход из альтернативы философских позиций был найден в допущении многих структурных, неизменных и устойчивых элементов, образующих соединения друг с другом и формирующих многообразие чувственно воспринимаемого мира изменчивых вещей. Изменения во времени пространственных отношений вечных, структурных элементов при неизменности каждого элемента воспринимаются органами чувств как перемены, происходящие в мире вещей.

Таким образом, любые изменения коррелятивно связаны с чем-то инвариантным, устойчивым, и, наоборот, инвариантные структуры предполагают вариативное, изменчивое [4].

Коррелятом понятия «изменение» является понятие «неизменности», но на деле последнее зачастую оказывается всего лишь медленным изменением [8].

В соответствии с локализацией изменений в пространстве и времени выделяют изменения в пространстве (механическое движение) и изменения во времени. Различия в трактовке времени определяют понимание характера изменений – обратимых и необратимых, направленных и ненаправленных, спонтанных, самоорганизованных и организуемых [4].

Аристотель строит различные классификации изменений – привходящих и непривходящих, осуществляющихся вследствие чего-нибудь и становящихся чем-то [1]. Связывая изменение с существованием противоположностей и с противопоставлением, он выделяет такие виды изменений, как: 1) изменение по противоречию, или возникновение (*genesis*); 2) уничтожение, или изменение из субстрата в не-субстрат (*phthora*). При этом Аристотель отмечает, что видов изменений столько, сколько видов сущего. Однако он отделяет движение от изменения, т. к. изменение связано с противопоставлением сущего и не-сущего, а не-сущее не предполагает движения.

Далее Аристотель выделяет четыре вида изменений: 1) сути, или субстанции – возникновение (*genesis*) и уничтожение (*phthora*); 2) качества, или изменение состояния данной вещи (*metabole*), становление иным, инаковение, (*alloiosis*); 3) количества, или рост (*auxesis*) и убывание; 4) места, или пространственное перемещение [1].

Изменение противостоит устойчивым свойствам (*hexis*) и этим отличается от движения (*kinesis*), хотя в ряде мест «Метафизики» движение рассматривается как разновидность изменения. Каждое из изменений есть переход в свою противоположность, а «все, что изменяется, имеет материю» [1]. «При всяком изменении изменяется что-то, благодаря чему-то и во что-то. То, чем вызывается изменение, – это первое движущее; то, что изменяется, – материя; во что она изменяется – форма» [1]. Аристотель допускает существование некоей первоосновы изменений и соединения противоположностей – материю, которая может быть охарактеризована лишь негативно. Материя – неопределенное начало всякого возникновения, движения и изменения. Другим началом является форма. Мир понимается им как энергия, как актуализация потенциалов, скрытых в материи и осуществляемых благодаря форме.

Фома Аквинский различает естественные и духовные изменения (*irnmutatio naturalis et spiritalis*). «Естественное изменение основано на том, что субъект, подвергающийся изменениям, принимает форму субъекта, производящего изменение в его естественном существовании. Нематериальное изменение возникает тогда, когда форму субъекта, вызывающего изменение, принимает субъект, подвергающийся этому изменению в его нематериальном существовании» [1].

Филопон отрицал существование естественных движений и настаивал на том, что любое движение и изменение вызвано внешней причиной.

Наука нового времени сделала предметом своего исследования преимущественно перемещение и изменение положения тел в пространстве, поддающееся количественному измерению. Так, Р. Декарт, определяя движение как «действие, посредством которого данное тело переходит с одного места на другое», подчеркивал, что «все видоизменения в материи зависят от движения ее частей» [3, с. 359-360].

Для новой философии характерны не только редукция всех изменений к перемещению в пространстве, но и редукция изменений целого к

изменениям их частей. Согласно этой интерпретации, всякое изменение является механическим движением, которое может быть троякого вида: 1) движение частей воздействующего тела; 2) движение тела, подвергающегося воздействию и 3) движение обоих тел.

В диалектике Гегеля изменение понималось как единство противоречивых определений вещи и развернуто учение о многообразных формах изменений, таких как становление, переход к инобытию, к для-себя-бытию, экстенсивные и интенсивные изменения количества, изменение количественного отношения, изменения в единстве количественной и качественной определенности предмета, или в мере, изменения в соотношении мер [4].

Изучив основные философские подходы к пониманию изменения, а также проанализировав семантические и функциональные особенности лексических единиц, обозначающих процесс изменения, можно выделить следующие признаки разрушения и созидания, которые характеризуют данные процессы как процессы изменения, с одной стороны; и те дифференциальные признаки, которые отличают данные виды изменений от других типов и друг от друга:

1) Являясь видами изменения, созидание и разрушение обладают общими признаками всех процессов изменения. Это диахронические процессы, проходящие во времени. Наряду с этим созидание и разрушение происходят в пространстве и представляют собой качественные изменения объекта.

2) В отличие от других процессов изменения, созидание и разрушение представляются как появление или исчезновение объекта из ничего. Однако в данном случае речь идет лишь о полном качественном изменении субстанции, которая подвергается изменениям. Соответственно, материал, или субстанция, из которого появляется создаваемый объект, может быть выражен в речи имплицитно, но он также может эксплицироваться, ср.: You can make ice out of **water** by freezing it. В данном примере мы также видим способ или механизм создания льда: by freezing it (water).

3) Процессы созидания и разрушения представляют собой комплексные процессы, состоящие из действий субъекта, в результате которых меняется состояние объекта, т.е. являются каузативными, в отличие от процессов появления и исчезновения.

4) Действия, осуществляемые субъектом созидания и разрушения, могут быть физического и/или ментального характера. Соответствен-

но, продукт данной деятельности также может быть физическим или ментальным объектом, ср.: *сделать табуретку* и *сделать вывод*.

5) В ситуации созидания состояние объекта изменяется от небытия к бытию, в ситуации разрушения – от бытия к небытию. В соответствии с подходом Аристотеля в ситуации созидания материя приобретает форму, в ситуации разрушения – теряет ее.

6) Базовые единицы, представляющие процессы созидания в языке, противопоставляются по аксиологическому признаку. Например, и в английском, и в русском языках существуют глаголы, нейтральные с точки зрения выражения отношения к процессу создания, напр.: *делать*, *make*. Однако наряду с данными глаголами существуют глаголы, изначально позитивно аксиологически маркированные, ср.: *create*, *созидать*.

7) Среди лексических единиц, представляющих процесс разрушения, нейтральных единиц нет; данные лексические единицы изначально негативно маркированы, ср.: *destroy*, *разрушить*. По-видимому, данное различие отражает особенности восприятия процессов созидания и разрушения в сознании человека, которые зависят от способности этих процессов влиять на жизнь человека.

Следует отметить, что созидательные процессы в русском языке представлены в ином виде, чем в английском языке. В русском языке процессы каузации появления объекта представлены такими базовыми лексическими единицами, как глаголы *делать*, *созидать*, *творить* и существительные *созидание*, *творчество*, *креативность*.

Анализ данного ряда лексических единиц демонстрирует наличие дифференциальных признаков в структуре ситуации создания объекта. Все единицы рассматриваемого ряда являются аксиологически маркированными положительно, кроме глагола *делать*, который является нейтральным в плане оценочности.

Основное отличие созидания и творчества лежит в области применения данных процессов. Творить можно только культуру, т. е. ценности логические, этические и эстетические, но нельзя творить нового бытия, иной жизни [2, с. 63]. Поэтому объектом творчества могут быть в первую очередь культурные ценности, произведения искусства.

Именно культурно-ценностным компонентом, которым обладает творимый объект, различаются процессы созидания и творчества. Созидать можно объекты, материальные и духовные,

культурные и социально значимые. Творить, в свою очередь, можно только культурно значимые объекты. То есть понятие «созидание» шире понятия «творчество».

Интересно отметить, что в русском языке глагол *творить* может приобретать негативную окраску в структуре *Ну и натворил ты дел!*

В современном русском языке наряду со словом *творчество* прочно укоренилось слово *креатив* (*креативность, креативный*), не отмеченное в словарях. Слово *креативность* пришло в русский язык из английского языка посредством калькирования слова *creativity*. Слово *креативность* употребляется часто в нашей повседневной жизни как синоним слова *творчество*, однако слово *креативность* накладывает на понятие «творчество» несколько иное значение и применимо не со всех сферах жизни. *Креативность* – это творчество + инновация. *Креативность* – это способность к творчеству в повседневной жизни, нестандартный подход. Слово *креативность* в большинстве случаев употребляется в экономике, политике, бизнесе. Здесь играет роль значение инновационности, нестандартности, которое содержится в понятии креативности. Плюс в этом понятии заложено значение потенциала, возможности постоянного развития.

То есть слово *креативность* обозначает способность человека к инновационному мышлению, т.е. характеристику его творческих способностей, тогда как *творчество* подразумевает деятельность составляющую процесса созидания, отсюда невозможность использования его в контексте **Этот человек отличается творческой деятельностью*, при возможном использовании *Этот человек отличается креативностью*.

В английском языке различие между креативной и творческой деятельностью не отражается посредством лексических единиц, репре-

зентирующих рассмотренные выше характеризующий и деятельностный компоненты значения.

Среди лексических единиц, обозначающих процесс разрушения, можно выделить слова, различающиеся по характеристикам разрушаемого объекта – одушевленного и неодушевленного (в данной статье мы не рассматриваем переносное значение), ср.: *разрушить* и *убить*; *destroy* и *kill*.

В целом следует заметить, что описание и структуризация процессов созидания и разрушения вызывает определенные трудности в силу комплексного характера данных процессов, так же как и процессов изменений в целом. Как отмечал Кант, изменение есть «соединение противоречаше-противоположных определений в существовании одной и той же вещи», которое возможно понять разумом лишь благодаря схематизму продуктивной способности воображения [4].

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М.: Изд-во С.И. Сахарова, 1999. – 720 с.
3. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т.1.
4. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001.
5. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи // Серия «Философское наследие». – М.: Мысль, 1993. – Т. 2.
6. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи // Серия «Философское наследие». – М.: Мысль, 1994. – Т. 3.
7. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004.
8. Философский энциклопедический словарь. – М.: Мысль, 2010.
9. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А.В. Лебедева. – Ч. 1. – М.: Наука, 1989.

Баяртуева Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, тел. дом. (8-301-2)-23-70-24, тел. сот. 89516205512, e-mail: kandidat2002@inbox.ru.

Bayartueva Elena Petrovna – candidate of Philology, Docent, Head of English Philology Chair of the Buryat State University. Address: Smolina str., 24a, Ulan-Ude, 670000, phone numbers: (8-301-2)-23-70-24, 89516205512, e-mail: kandidat2002@inbox.ru.

ПЕРЕВОД В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Статья посвящена проблемам преодоления интерференции при переводе в сфере профессиональной коммуникации. Интерференция рассматривается на разных уровнях языка. Для преодоления интерференции в переводе используются переводческие трансформации трех типов: структурная, семантическая и структурно-семантическая, суть которых состоит в перемещении, замене элементов или изменении числа элементов – добавлении или опущении.

Ключевые слова: перевод, интерференция, межкультурная коммуникация, профессиональная коммуникация, взаимодействие языков, языковые контакты, перенос, исходный язык, переводящий язык, трансформация, перемещение, добавление, опущение, замена.

Ts. D. Bidagaeva

TRANSLATION IN PROFESSIONAL COMMUNICATION: OVERCOMING INTERFERENCE

The paper deals with the problems of overcoming interference in translation in professional communication. The nature of this phenomenon is shown at different language levels. The solution of such problems in translation requires the use of transformations of three types: structural, semantic and structural-semantic ones.

Keywords: translation, interference, intercultural communication, professional communication, interaction of languages, language contacts, transfer, source language, translation language, transformation, displacement, addition, omission, change.

В последние годы с изменением реалий в нашей стране под воздействием процессов глобализации, интеграции страны в мировое сообщество и перехода экономики на рыночные механизмы повысился интерес к изучению иностранных языков, изменилось отношение к изучению культур других народов. Все это обуславливает резко возросший интерес к изучению взаимодействия и взаимовлияния языков и культур, одним из проявлений которых является языковая интерференция.

Приобщаясь к мировой культуре через прямое овладение иностранными языками, обучающиеся испытывают на себе влияние языковой интерференции, которая сейчас проявляется в профессионально ориентированной межкультурной коммуникации при установлении международных контактов с зарубежными партнерами в различных сферах деятельности человека. Недооценка явления интерференции в профессионально ориентированной МКК и переводе приводит к различным ошибкам, акценту (фонетическим и фонологическим нарушениям, неточностям, искажениям) и срыву коммуникации. Проблема обозначилась наиболее явно в последнее десятилетие, когда во многих неязыковых вузах России, в том числе и во ВСГУТУ, начали реализовывать образовательную про-

грамму для получения дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (с 2000 г.).

Впервые интерес к проблеме интерференции между языками возник в конце XIX в. на основе изучения языков и их «поведения», когда ученые пришли к выводу о том, что языки влияют друг на друга, «взаимодействуют» друг с другом и происходит их смешение [4]. И.А. Бодуэн де Куртенэ высказал мысль о том, что при контакте языков происходит не только заимствование тех или иных элементов, но и ослабление степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям языка, то есть упрощение системы в целом, эта мысль была продолжена и уточнена Л.В. Щербой (1907 г.). Эти исследования позволили Л.В. Щербе наметить программу изучения и описания языковых контактов как процесса интерференции на примере проявления грамматической интерференции [9].

Сам термин «интерференция» был введен в лингвистический обиход учеными Пражского лингвистического кружка в 30-е годы 20-го столетия путем заимствования известного физического термина на основе аналогии сути двух явлений. Широкое признание данный термин получил лишь после выхода в свет монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» (1953), в

которой закреплен термин «языковой контакт», введенный ранее А. Мартинэ вместо термина «смешение языков», дано описание, показан механизм и изложены причины интерференции, рассмотрена интерференция на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях (цит. по: [5]).

Вклад У. Вайнрайха в изучение проблемы двуязычия заключается в том, что он предложил описать те языковые системы, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать наиболее вероятные проявления интерференции, которые могут возникать в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием [5].

За монографией У. Вайнрайха появился целый ряд работ, связанных с «языковым контактом» и «интерференцией» на изученных уровнях, в том числе работы, которые имеют значение для практики профессионально ориентированного перевода [2; 7; 8].

В современной лингвистике интерференция трактуется как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [ЛЭС, 1990]. Появилось понятие «межъязыковая интерференция», которое употребляется для проецирования специальных черт исходного текста (ИТ) на переводной текст (ПТ), ведущее к нарушению норм, конвенций и дискурса ПТ.

Механизм проявления интерференции основывается на том, что при изучении иностранного языка родной язык (Я1) будет оказывать какое-то влияние на изучаемый язык (Я2). Практика показывает, что при изучении последующих языков Я2 будет оказывать влияние на Я3 и т.д., а в дальнейшем Я2 и Я3 будут оказывать влияние на Я1 [2].

По мнению В.В. Алимова, в качестве психологической основы интерференции представлен перенос («transfer») определенных элементов из одной языковой системы в другую в результате языкового контакта. Переводчик использует при переводе усвоенные лингвистические эталоны: фонетические, лексические, грамматические, стилистические, которые являются средствами языка Я1 и Я2. При сравнении воспринимаемого текста письменной или устной речи со сформирова-

рованными (перцептивными) эталонами в сознании переводчика происходит процесс идентификации элементов текста. Идентификация может быть недостаточной, избыточной и нормальной, что обуславливает проявление негативной (деструктивной) и позитивной (конструктивной) интерференции в профессионально ориентированных МКК и переводе [2].

Внимание к межъязыковой интерференции вызвано тем, что она представляет собой препятствие для достижения эквивалентности перевода. Начиная переводчик стремится сохранить «структурно-семантическое уравнение» между высказыванием подлинника и перевода. Дословное и структурное воспроизведение специфических явлений на исходном языке (ИЯ) средствами переводящего языка (ПЯ) ведет к нарушению культурных традиций, стиля, нормы и узуса, характерного для текстов определенного типа в ПЯ. Другими словами, интерференция является вмешательством элементов одной языковой системы в другую при языковом контакте, а результат этого вмешательства может быть отрицательным, который выражается в отклонении от норм данного языка, и положительным, способствующим адекватному переводу и приобретению навыков в одном языке под влиянием другого.

Преодоление интерференции становится возможным благодаря переводческим трансформациям, которые состоят в перемещении, замене элементов или изменении числа элементов – добавлении или опущении. В контексте преодоления интерференции при переводе В.Г. Гак выделяет трансформации трех типов: 1) структурная трансформация – замена слова словосочетанием, изменение порядка слов или актантной структуры высказывания; 2) семантическая трансформация, состоящая в том, что меняется семантическая структура слова, а не число слов и их функции; 3) структурно-семантическая трансформация, когда при переводе имеет место и структурное и семантическое преобразование [7, с. 513]. Чтобы свести проявление отрицательной интерференции в профессионально ориентированных МКК и переводе до минимума, необходимо знать, как она проявляется, где и когда.

Интерференция может проявляться на всем пути, начиная от самого сильного иностранного акцента и до случайного использования слова или идиомы из другого языка. Причем она проявляется на всех уровнях языка. Традиционно ее рассматривают на трех (фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом), четырех

(фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексико-семантическом) и пяти уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и семантическом) [2]. Эти нарушения могут затрагивать лексический состав, грамматический строй, предметно-содержательные, лингвотекстуальные и культурные аспекты текста.

В.В. Алимов отмечает, что в профессионально ориентированных МКК и переводе интерференция проявляется и на других уровнях, которые еще не описаны в лингвистической литературе. Так, автор анализирует *звуковую – репродукционную – интерференцию*, которая довольно часто проявляется в профессионально ориентированных МКК и переводе. Коммуниканты и переводчики попадают под влияние знакомого звучания или написания слова, которое может иметь терминологическое или какое-то особое значение, и воспроизводят (репродуцируют) неправильный вариант в словах типа: West – запад, западный, а переводят ‘восток’, ‘восточный’ под влиянием звучания; Dutch – голландец, голландский, а переводят ‘датский’; obligation – обязательство, а переводят как ‘облигация’; decoration – украшение, знак отличия, а переводят ‘декорация’, ammunition – боеприпасы, а не ‘амуниция’ и т.д. Многие из этих слов относятся к категории «ложных друзей переводчика», а с точки зрения интерференции их можно назвать «*звуковыми репродукционными интерферентами*». Под интерферентами понимают любые значимые единицы (морфемы, слова, выражения, синтагмы, предложения), которые по звучанию/написанию и функциям в одном языке напоминают соответствующие единицы или функции в другом языке. Причем *отрицательные интерференты* различаются, а *положительные* совпадают в плане содержания [2, с. 5].

Использование правил орфографии и пунктуации Я1 в Я2 и Я3 также приводят к орфографической и пунктуационной интерференции в письменном переводе: appeal – апелляция, а не аппеляция, агрессия – aggression, адрес – address и т.д. Также не нашло освещения в специальной литературе с точки зрения интерференции копирование знаков препинания из оригинала, часто приводящее к нарушению норм письменного языка на уровне пунктуации. Так, в английском языке двузначные числительные принято писать через дефис: twenty-four, seventy-nine. Русскоязычные студенты наиболее часто допускают эту ошибку, так как в русском языке написание двузначных чисел не требует дефиса: ‘двадцать четыре’, ‘семьдесят девять’ и т.п.

На лексическом уровне давно замечена *терминологическая интерференция*, приводящая к возникновению «ложных друзей переводчика». Она возникает на базе частичной межъязыковой омонимии, когда слово ИЯ звучит почти так же, как слово ПЯ, и переводчик, опираясь на свой языковой опыт (Я1), считает, что оба слова совпадают в своем значении (англ. expertise – ‘специальные знания, умения и навыки, полученные в результате опыта, подготовки или учебы’ и рус. ‘экспертиза’ – англ. assessment; evaluation; examination; англ. prospect – ‘перспектива’, а не проспект и рус. ‘перспектива’ – англ. prospect, а не perspective) [1].

Сравнительный анализ переводов научных текстов и их оригиналов с английского языка на русский показывает, что в некоторых словосочетаниях часто появляется неестественный «русский» порядок слов, например: ‘Генеральный секретарь ООН’ – General Secretary of the UNO, которому соответствует англ. Secretary General of the UNO; ‘генеральный прокурор’ – Prosecutor General и т.п.

Грамматическая интерференция в переводе также имеет место, хотя описана недостаточно полно. Представим здесь наши наблюдения относительно грамматической интерференции. В качестве интерферента, в первую очередь, здесь выступает порядок слов простого предложения в английском и русском языках, при сопоставлении которых выявляются следующие различия, которые следует учитывать при переводе. Например:

1. *The pipe burst.* – Прорвало трубу.
2. *It occurred to me.* – Мне пришло в голову.

Отличительной чертой синтаксического оформления составляющих английского и русского предложений является противопоставление *Impersonality vs Personality*, выражающееся в различных способах выражения группы подлежащего. Для русского языка характерно преобладание безличных конструкций (неопределенно-личные предложения как средство выражения объективности повествования: нейтральности и отстраненности говорящего от положения вещей). В английском языке для передачи аналогичной идеи в качестве формального подлежащего широко используются такие средства-заменители подлежащего как личные местоимения (не в конкретной указательной, а в обобщающей функции): it, you, s/he, they, we, one [3, с. 85–90]. Например:

1. *У него высокая температура.* – *He is running a high temperature.*

2. По моему мнению... / на мой взгляд/ мне кажется... – *I think / believe...*

При переводе русских безличных конструкций на английский язык интерференция структур ИЯ часто приводит к неидиоматичной для ПЯ структуре. Поэтому при таком переводе следует определить, какое слово должно быть использовано для выражения подлежащего английского предложения: либо формальное подлежащее, либо использовать один из фактических второстепенных членов предложения в функции подлежащего. Именно для восполнения отсутствующего подлежащего в английском предложении весьма распространено употребление любого второстепенного члена предложения в качестве подлежащего:

1. Подлежащее – фактическое обстоятельство места, например:

В статье говорится... – *The article says...*

2. Подлежащее – фактическое обстоятельство времени, например:

За прошлое десятилетие резко снизился уровень жизни населения. – *The past decade has brought much lower level of living standards; В начале 30-х годов обозначились первые признаки кризиса.* – *Early thirties signaled the beginning of the decline.*

3. Подлежащее – фактическое обстоятельство причины, например:

Во Вьетнаме из-за птичьего гриппа погибло пять человек. – *The avian flu killed five people in Vietnam.*

4. Подлежащее – фактический объект, например:

Его неожиданно назначили министром здравоохранения. – *He was pitchforked into the position of Minister of Health.*

5. Подлежащее – фактический признак субъекта, например:

От волнения голос сержанта изменился почти до неузнаваемости. – *Excitement made the sergeant's voice almost unrecognizable.*

Еще одной контрастивной особенностью структурного оформления простого предложения в двух языках является употребление активных и пассивных конструкций. Активные конструкции английского предложения не всегда передаются аналогичными структурами русского языка, например:

1. *I guess...* – *Мне кажется...*

2. *I lack money.* – *У меня / мне не хватает денег.*

3. *Ideas sell and pay well.* – *Идеи продаются и покупаются хорошо.*

В отличие от английского предложения ссылки на временные и пространственные обстоятельства в русском предложении часто ставятся в начале предложения, например:

1. *There is a stain on your collar.* – *У вас на воротнике пятно.*

2. *An old crooked apple-tree grew up in the garden.* – *В саду росла кривая яблоня.*

3. *This is a non-smoking area.* – *Здесь не курят.*

4. *The government report says...* – *По сообщению правительства... / как сообщается в правительственном докладе...*

Также для преодоления интерференции на уровне словосочетания рекомендуется в англо-русском переводе избегать длинных цепочек из имен существительных в родительном падеже, например: *'увеличение скорости деления ядра молекулы'* → *'ускорение расщепления молекулярного ядра'*.

Кроме этих *качественных* нарушений в области грамматических явлений типичными являются *количественные*: слишком частое использование в переводе с английского языка на русский язык пассивных конструкций, которое объясняется интерферирующим влиянием грамматики ИЯ. Их пропорция в русском нормативном языке тем самым нарушается. Злоупотребление пассивными и возвратными формами в ПЯ делает язык скучным и вялым. Поэтому без надобности употреблять такие конструкции нежелательно, также следует учесть ненормативность подобных оборотов при несклоняемых фамилиях:

1. *Если активы увеличиваются за счет...* → *Если увеличить активы за счет... / При увеличении активов...*

2. *Еще Гольджи было показано...* → *Еще Гольджи показал...*

Кроме традиционных уровней, на которых проявляется интерференция в специальном переводе, интерференция проявляется и на стилистическом уровне. Адекватность перевода требует соблюдения нормы и стиля соответствующих типов профессионально ориентированных текстов в ПЯ. Так, наиболее часто встречающимся недостатком перевода с английского языка на русский, например текстов публицистического стиля, является сохранение типичного для английского языка личностного характера высказывания при подчеркивании роли действующего лица и зависимости представления окружающего мира от его чувств, оценок и взглядов. Для публицистического стиля на русском языке характерна установка на снижение степе-

ни субъективности высказывания и стремление к объективной, независимой от личностных представлений, оценке происходящего: стремления избегать указания на действующее лицо и более нейтральная организация смысловой структуры высказывания [6, с. 82]:

1. *He saw the rector sitting at the table writing.* – Ректор сидел за письменным столом и писал (опущение воспринимающего лица *he* вместе с глаголом *see*).

2. *Governments frequently turn to superior court judges to head inquiries into disasters, scandals or other similar matters* (Предметная ситуация описывается с позиции исполнительных властей). – Часто по просьбе правительства судьи высших судов возглавляют расследования различных катастроф, скандалов и т.п. (Дилемма с неопределенным подлежащим: реальный деятель представлен не подлежащим *government*, а дополнением *judges*).

Публицистический стиль на английском языке отражает проявление связи между личностным характером высказывания и большей, чем в русском языке, эмоциональности. Отсюда автор часто пользуется такими стилистическими средствами, как эмоционально окрашенная лексика, разговорные выражения, разные эмфатические конструкции. Проявление некоторой экспрессии характерно и для русской публицистики, но в целом для нее присуща большая сдержанность и в эмотивной, и эмфатической оценке происходящего. При переводе на русский язык экспрессия английского текста снижается путем нейтрализации английской эмоционально окрашенной лексики или ее опущения.

The changes have dramatically altered both the structure and function of the British Civil service. We now look at these revolutionary reforms in four distinct areas. – Эти изменения затронули как структуру, так и функции государственной службы в Англии. Далее будут рассмотрены четыре области, подвергшиеся регулированию.

В исходном предложении эмфатический эффект достигается благодаря использованию наречия *dramatically* при глаголе *alter* и прилагательного *revolutionary*, определяющего существительное *reforms*. Из-за присущей русскому публицистическому стилю более сдержанной экспрессивной оценки означаемого определение *dramatically* и *revolutionary* в переводе опускаются.

При передаче содержательной информации для английской публицистики присуща большая сдержанность, для чего используется целый ряд способов смягчения оценки обозначаемого. К

одному из них относится использование косвенного отрицания, которое делает высказывание менее категоричным по форме (как следствие, возрастает число утвердительных высказываний). Например:

Despite the different names, the principle has remained constant. – Несмотря на разные наименования, сам принцип оставался неизменным.

Из-за более высокой степени категоричности в русских публицистических текстах предпочтение отдается отрицанию, потому что с его помощью в русском тексте ситуация описывается более четко, благодаря чему более полно реализуется присущая русскому публицистическому стилю установка на убеждение. В переводе данного предложения русский антоним 'неизменный' исходного прилагательного *constant* более полно передает установку оригинала на убеждение, чем его прямое русское соответствие 'постоянный'.

Определение личной позиции говорящего выражается сразу в начале или во вводном предложении английского высказывания:

I do not think memory deceives me. – Думаю, что память мне не изменяет.

При переводе на русский язык отрицание переносится из главного предложения в придаточное: отрицательная частица стоит не при глаголе главного предложения, а при глаголе придаточного предложения, что делает его позицию более категоричной.

Наконец, профессионально ориентированная МКК и перевод тесно соприкасаются с культурой или прагматикой в той или иной области познания и, следовательно, может возникнуть вопрос о прагматингвистической интерференции и интерференции культур, представляющих собой область еще многих неизученных явлений. Напомним, что все подводные камни любого вида перевода в основном обусловлены культурными различиями. В этой связи здесь только коснемся интерференции британского и американского вариантов английского языка, проявляющейся в профессионально ориентированных МКК и переводе на всех уровнях. Например, у некоторых русских экономических и политических терминов есть разные соответствия в британском и американском вариантах английского языка: 'акционерное общество': *joint-stock company vs corporation*; 'страхование': *insurance vs assurance*; 'Генеральный директор': *Managing Director vs President*; 'министр иностранных дел': *State Secretary vs Foreign Minister* и др.

Таким образом, интерференция при переводе является неизбежным явлением. Вместе с тем

механизм перевода вполне способен ее преодолеть. Само наличие интерференции зависит от профессиональной компетентности переводчика, который может уменьшить ее с помощью специальных поправок, осознавая меру расхождений между теми двумя языками, с которыми он работает. Иначе межъязыковая интерференция приводит к блокированию передаваемой текстом информации, которая не будет воспринята реципиентом. Изучение интерференции в этой области помогает решить многие проблемы и свести до минимума проявление «отрицательной» интерференции при переводе. Преодолеть интерференцию можно благодаря переводческим трансформациям трех типов: структурная, семантическая и структурно-семантическая трансформации, суть которых состоит в перемещении, замене элементов или изменении числа элементов – добавлении или опущении.

Литература

1. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В.В. Акуленко и др. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 384 с.

Бидагаева Цыцыгма Димчиковна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ. Адрес: 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, корпус 15, ауд. 15-460. Тел. 8(3012) 413169 (внутр. 9175). Рабочий e-mail: dfl_2000@mail.ru, Тел. дом. 8(3012)432141; моб. 89516351870. Персональный e-mail: sdbidagayeva@mail.ru

Bidagaeva Tsytsygma Dimchikovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of English and Intercultural Communication Chair, Eastern Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude. Address: 40v Kluchevskaya, Ulan-Ude, Bld. 15, room 15-460. Russian Federation Phone: +7(3012)41-3169 (9175), e-mail: dfl_2000@mail.ru, tel. 8(3012)432141; 89516351870, personal e-mail: sdbidagayeva@mail.ru

2. Алимов В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Теория языка. – М., 2004. – 40 с.

3. Бидагаева Ц.Д. Контрастивный анализ порядка слов в английском и русском предложениях // Вестник ВСГУ. 2006. – С. 85–90.

4. Бодуэн де Куртенэ Н.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т.1. – 384 с.

5. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике / под ред. В.Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6.– С. 25-60.

6. Английский язык. Курс перевода / Л.Ф. Дмитриева, С.Е. Кунцевич, Е.А. Мартинкевич, Н.Ф. Смирнова. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: МарТ, 2005. 304 с.

7. Гак В.Г. Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе // Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 512 – 519.

8. Розенцвейг В.Ю. Проблемы языковой интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1975. – 50 с.

9. Щерба Л.В. О понятии смещений языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т. I. – С. 4053.

УДК 80

© С.В. Будажапова

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИЙ ИНТОНАЦИИ

В статье представлен обзор подходов к выделению основных функций интонации. Особое внимание уделяется так называемой прагматической функции интонации.

Ключевые слова: фонетика, интонация, прагматика, коммуникативный акт.

S.V. Budazhapova

DEVELOPMENT OF APPROACHES TO THE STUDY OF INTONATION

The article overviews the most significant approaches to distinguishing main functions of intonation. The so-called pragmatic function is paid special attention.

Keywords: phonetics, intonation, pragmatics, communicative act.

Интонация (или комплекс супrasegmentных единиц, реализующийся параллельно с сегментным рядом речевого потока) и ее функционирование всегда входило в круг интересов лингвистов. В частности, многих ученых привлекала

идея установить взаимосвязь между интонацией и содержанием высказывания. Так, например, в середине XX в. в рамках традиционного подхода активно изучались значения интонационных контуров.

Большой вклад в эти исследования сделали представители британской интонологии, в частности Дэвид Кристал. Делая обзор работ Д. Кристала, Р. Колдуэлл в статье «Куда пропал гнев? Роль контекста в интерпретации эмоций в речи» [1] отмечает то обстоятельство, что в обобщающих таблицах, где Д. Кристал (причем это делалось в нескольких работах) устанавливал разные корреляции между тонами (или интонационными контурами) и их значениями и, соответственно, получал различные результаты. Сам же Р. Колдуэлл приходит к заключению, что эту разницу в результатах можно было бы легко объяснить, исходя из позиции изолированного и контекстного опроса информантов. В этом, собственно, и заключается основной вывод его статьи. Однако мы должны быть благодарны автору статьи за достаточно подробный обзор работ Д. Кристала, за наблюдения над тем, как развивались его взгляды на важность мелодики и других просодических признаков для процесса коммуникации.

Очевидно, что Д. Кристал прекрасно осознает лишь частичную роль мелодики среди всех других сверхсегментных признаков, невербальных жестов коммуникации и, разумеется, общего контекста ситуации в целом. И если он, как и многие другие фонетисты, понимает, что мелодика выполняет лишь частично функцию передачи различных эмотивных состояний, то есте-

ственно возникает вопрос, почему же он пытается настойчиво, меняя системы тонетической транскрипции, все же установить какие-то корреляции с эмотивными состояниями?

Если Р. Колдуэлл поражает тот факт, что один и тот же тип мелодики может выражать как гнев (*displeasure*), так и восторг (*delight*), то об этом знали и зачинатели интонологических изысканий, начиная с Д. Джоунза и Г. Пальмера и, тем не менее они продолжали свою работу. Их не удивляло, что один и тот же тип мелодики может ассоциироваться с различными эмоциями и эмотивными состояниями, и, как признает сам автор, по мере продвижения своих изысканий Д. Кристал все больше отходил от собственно мелодических компонентов и все больше интересовался контекстом ситуации в целом (автор сравнивает труды 1969, 1975, 1995 гг.).

В работе 1969 г. «Системы просодии и интонации в английском языке» [2] Д. Кристал провел эксперимент по восприятию различных тонов и их интерпретации, как различных эмоций: гордо, смущенно, гневно, радостно и т.д. Были даны три фразы, простые по содержанию, но которые можно было интерпретировать различным образом, например, «**There's that little black dog in the garden again**». Экспериментатором было предложено 20 вариантов интонации. Результаты частично отражены в таблице № 1.

Таблица 1

Tones	Labels
Fall	Conspiratorial, angry, matter of fact, vexed, impatient, satisfied, <i>grim</i> , irritated
Rise-fall	Excited, <i>pleased</i> , <i>dismayed</i> , haughty, amused
Fall-rise	Worried, <i>pleased</i> , <i>dismayed</i> , disapproving, apologetic, <i>grim</i>
Rise	Puzzled, <i>bored</i> , questioning
Level	<i>Bored</i>

Table 1: Тоны и их эмотивные значения (Crystal, 1969:305)

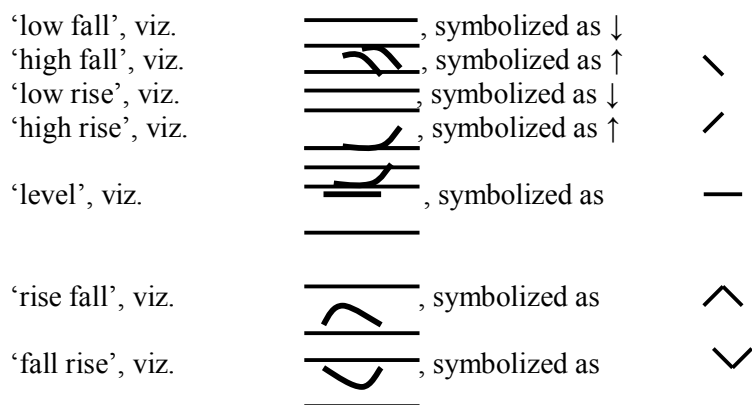
За исключением ровного тона, интерпретация была самой разнообразной. Один и тот же тон мог выражать различные значения, и одно и то же значение могло передаваться разными тонами.

Подводя итоги, Д. Кристал пишет, что, вероятно, было правильно говорить о каких-то контурах, имеющих особые значения для определенных ситуаций [Ibidem, с. 306].

Шесть лет спустя в работе «Английский голос: очерки по интонации, просодии и паразы-

ку» [3] он берет экспериментальные фразы из совершенно конкретных контекстов. Д. Кристал даже не пытается установить близкое сходство изображения символов и реальной мелодики. Нельзя сказать, что в каждой книге он применяет одну и ту же систему тонетической транскрипции.

Так, например, в книге «Английский голос» он дает две системы тонетической транскрипции:

Первая система, по сути, практически ничем не отличается от традиционных систем Л. Армстронга, И. Уорда, Дж. О’Коннора и Г. Арнольда. Что же касается введенной самим Д. Кристалом системы, то она оставляет несколько странное впечатление. Правда, в его системе, конечно, некоторые знаки оставлены без изменения по сравнению с системой Р. Кингдона. Но если принять во внимание, что «drops» и «boosters» используются лишь в качестве усилителей тонов – повышение или, напротив, понижение обычного тона – то, собственно говоря, особых возра-

жений в конкретных примерах предъявить нельзя. Так, например, в предложении / he won’t go HOME/ until she comes BACK/ система даже упрощена по сравнению с системой Р. Кингдона. Приведем теперь пример использования «booster»:

/ John’s going to the OFFICE /
/ to the ↑WHERE /

Нам представляется необходимым подчеркнуть, что Д. Кристал признает нейтральный стиль интонации (*attitudinally neutral*).

Contours	Syntactic Environment	Meanings
<i>Falling tone</i> + low drop	<i>Final tonic in S</i>	<i>Attitudinally neutral</i>
	Non-final tonic in Sentence	<i>Personal definitiveness</i> abrupt, insistent <i>unsociability</i> cool, irritated, rude
<i>Rising tone</i> + Low drop	<i>Non-final tonic</i>	<i>Attitudinally neutral</i>
	Final tonic of Sentence	<i>Personal inconclusiveness</i> non-committal, unaggressive, polite, respectful <i>social openness</i> casual, friendly persuasive, warning, grim (<u>with appropriate kinesics</u>)
Falling tone + high booster	in any position	<i>Definite emotional commitment</i> emphasis, surprise, warmth, <u>depending on kinesics</u>
Rising tone + high booster	in any position	<i>Definite emotional enquiry</i> query, puzzlement, surprise
Rising-falling	in any position	<i>Definite outcome</i> impressed, satisfied, smug, or the reverse, <u>depending on kinesic accompaniment</u>

Table 2: Контуры и их эмотивные значения (Crystal 1975, p. 38)

В первой колонке представлены комбинации различных типов: тоны как таковые и тоны с их модификаторами. Значения в третьей колонке представлены двумя типами: наиболее типичные (курсив) и специфические значения. Во второй колонке дается грамматический контекст (финальные/нефинальные тоны), в третьей – подчеркивается роль кинесики. Р. Колдуэлл не

возражает ни против контекста, ни против невербального языка. Он подчеркивает, что невербальное сопровождение фразы является решающим для интерпретации значения интонации. Более того, они могут даже ей противоречить.

Через 20 лет в работе «Лингвистическая энциклопедия» (1995) Д. Кристал поставил новый

эксперимент с произнесением слова «да» («yes») в ответ на вопрос «Ты выйдешь за меня замуж?» («Will you marry me?») [4]. Естественно, что в такой ситуации возможны самые неожиданные

реакции и с точки зрения тона, и с точки зрения поведения женщины. Д. Кристал приводит следующий полученный им список разных интонаций и выражений лица:

Tone	Meaning
Full fall	Emotionally involved: surprise, excitement, irritation
Full rise	Emotionally involved: disbelief, shock
Fall-rise	A positive face: encouragement, urgency a straight or negative face: uncertainty. Doubt, tentativeness

Table 3: Эмотивные значения слова 'Yes' (Crystal 1995:248)

Фигурирующие в списке «позитивное выражение лица», а также и встречавшиеся иногда «напряженное», «отрицательное выражение лица» относятся, естественно, к процессу или одобрения, или неодобрения сделанного предложения. Слово 'full' просто обозначает, что тон занимает весь диапазон голоса говорящего в случае той или иной реакции. Даже в таком, казалось бы, ограниченном контексте происходит то же перекрещивание тонов и соответствующих ассоциаций (которое наблюдалось и раньше): аналогичные эмотивные значения могут выражаться разными тонами, а один и тот же тон может ассоциироваться с самыми разными эмотивными значениями. В качестве примера можно привести «удивление и шок», которые выражались как нисходящим, так и восходящим тоном, а разные эмотивные реакции, начиная от «полного одобрения» до «радостного недоверия», могли ассоциироваться с одним и тем же тоном. Ситуация, конечно, осложняется тем, что оценка результата могла быть получена как от интонации, так и от выражения лица. Отношение Р. Колдуэлла к данному эксперименту, учитывая то, что было сказано выше, явно отрицательное, поскольку, как он считает, даже в обычной речи краткие высказывания встречаются относительно редко: разговор обычно происходит на достаточно продолжительной сегментной базе, которой соответствуют группы тоновых единиц. Вопрос о реакции информантов в довольно обширном контексте, с его точки зрения, разработан явно недостаточно, и именно этому вопросу он посвящает остальную часть своей работы. С нашей точки зрения, любопытным обстоятельством является то, что в качестве источника информации он берет разговор за обеденным столом, причем отмечает, что с точки зрения Д. Кристала или М. Халлидея специальные вопросы, задававшиеся за столом, бы-

ли бы оценены ими или как эмотивно-нейтральными (см. таблицу №2 Д. Кристала), или, как выразился бы М. Халлидей (см. его работу «Введение в функциональную грамматику» (1994), нисходящий тон в такого рода вопросах был бы определен как «немаркированный» [5].

Пытаясь подвести какой-то итог работе Д. Кристала, никогда нельзя выпускать из вида его широту взглядов на роль интонации в процессе коммуникации. Из рецензии Р. Колдуэлла может сложиться впечатление, что Д. Кристал непременно хотел установить строгую корреляцию между тонами или контурами, с одной стороны, и какими-то значениями (мы имеем в виду грамматические, эмотивные или какие-либо другие виды значений), с другой, и потерпел поражение. У нас же складывается несколько иное впечатление: та настойчивость и то разнообразие подходов к изучению роли мелодики, которые мы видим у Д. Кристала, свидетельствуют лишь об одном, а именно, что Д. Кристал пытается, если можно так выразиться, «выжать» из мелодики все, что только можно. Он прекрасно сознает, что параллельно с изменением мелодических кривых есть множество других как просодических, так и непросодических (паралингвистических) параметров. В итоге Д. Кристал приходит к выводу, и это отражено в одной из его публичных лекций, что *собственно грамматические значения выражаются с помощью интонации крайне редко, что модальные и эмотивные значения более присущи контурам* и, что самое интересное, в акте коммуникации первенство остается за различными паралингвистическими элементами, что *какой-то невербальный жест, то или иное выражение лица может быть определяющим для понимания сказанного*. Здесь можно просто процитировать отрывок из его лекции, где он говорит, что «в английском языке явные граммати-

ческие контрасты встречаются достаточно редко, в основном это эмотивные контрасты: гнев, удивление, сарказм, удовольствие и т.д. В конце концов, интонация – это психоакустическая реакция, психологическое понятие. Можно было бы задать вопрос, как его можно измерить? И здесь, конечно, нельзя обойтись без понятия «градации». Когда речь идет об измерении гнева, удивления или удовольствия, то следует помнить о том, что *интонация не является элементом, полностью отвечающим за выражение* этих эмоций. Традиционно считается, что специальный вопрос типа «What are you doing?» должен непременно произноситься с нисходящим контуром, что, конечно, не соответствует действительности. Специальные эксперименты показывают, что нисходящие контуры составляют лишь меньшинство возможных в данной ситуации контуров. В зависимости от выражения лица, уровня громкости, скорости произношения и т. д. ответная реакция, например, ребенка может быть совершенно разной: «I'm just playing with my toys», «Not anything wrong»». Сопоставляя интонации различных языков, Д. Кристал приходит к довольно важному наблюдению, что, пожалуй, *«четкость артикуляции и ритм играют гораздо более важное значение для понимания собеседника* и, следовательно, дидактически эти элементы более важны». В данном случае Д. Кристал имеет в виду противопоставление «syllable-timed languages» и «stress-timed languages», к числу последних относится английский язык и в какой-то степени русский язык, французский же язык является образцом типа «syllable-timed languages».

Заметим, что Р. Колдуэлл при обработке своих данных пользуется тонетической транскрипцией Д. Брэзила, им, в частности, использовалась работа «Проблема произношения для продвинутого уровня учащихся» (1994) [6].

В работах А. Краттендена: «Интонация» (1997), «Интонация жителей Манчестера и вопросы соответствующей транскрипции» (2001), «О так называемой грамматической функции интонации» (1970), «Восходящие тоны в английском языке» (1995), «Нисходящие и восходящие тоны: их индивидуальные и универсальные значения» (1981) – мы видим, что взгляды А. Краттендена на интонацию английского языка во многом совпадают с взглядами только что рассмотренного нами Д. Кристала, а в каких-то аспектах А. Краттенден выражается даже более четко, чем Д. Кристал [7].

Прежде всего мы целиком разделяем мысль А. Краттендена о том, что *«восходящие тоны, вне всякого сомнения, употребляются, главным образом, в нефинальных (или нетерминальных) синтагмах, в то время как нисходящие тоны завершают предложения»*. А. Краттенден (и здесь ему надо отдать должное – С. Б.) высказывает неординарную мысль о том, что *«под восходящие тоны попадают как низкий подъем, так и высокий подъем, нисходяще-восходящий подъем и даже ровный тон среднего уровня»* [8]. Действительно, если вспомнить варианты восходящих и нисходяще-восходящих тонов, которые были приведены нами выше, то следует признать, что указанные А. Краттенденом тоны вполне могут быть своего рода вариантами стандартного восходящего тона. А. Краттенден полностью совпадает во мнении со своим коллегой Д. Кристалом, что *«интонация не является простым довеском к грамматике»*, более того, он радуется тому факту, что все большее число известных ученых приходит к этому выводу. Поэтому, как мы писали выше, он специально отмечает фоноэстетическую функцию интонации у М. Либермана. Весьма ценной является мысль А. Краттендена о *«привязке» тонов к определенной лексике* [9]. Но полностью от использования интонации для целей грамматики А. Краттенден, однако, не отказывается. В качестве примера можно привести такую фразу как: «**Gin** |, **whisky** |, **sherry** |, **beer**», которая предполагает, что у человека есть выбор, и вполне возможно, что данное перечисление может быть продолжено.

Но если последний элемент перечисления произносится с падающим тоном: «**Gin** |, **whisky** |, **sherry** |, **beer**», то это как бы закрывает выбор. Однако и в том, и в другом случае все равно доминирует восходящий тон: за исключением последнего элемента все остальные элементы перечисления оформляются только восходящим тоном.

Повторим еще раз, что *«использовать падающий тон в нетерминальных синтагмах нейтральной речи просто неверно с точки зрения общего смысла предложения, ведь мысль еще не окончена, а тон производит впечатление финальности»* [10]. Соответствующая роль противопоставления восходящего и нисходящего тонов просматривается даже при перечислении, если ограничиться, как видим, рамками разговорной тематики.

В целом, Краттенден признает, что, только на основании направления движения тона трудно установить границу между лексической привяз-

занностью интонации, ее грамматической ролью, дискурсной ролью или ее эмоциональной окрашенностью.

Мы лично решили, что говоря о влиянии контекста и относительно тонких голосовых изменениях, А. Краттенден переступает ту грань, за которую не смогли выйти многие интонологи в Америке и Британии, и что нужно изучать параметры голоса в целом.

Переходя к отечественным учебным пособиям по английской фонетике и активной научно-исследовательской работе, которая ведется в нашей стране в области интонологии, мы должны прежде всего отметить, что в нашей стране считается общепризнанным деление функций интонации на 1) *конститутивную* или *интегрирующую* (т.е. функцию формирования слов, синтагм, предложений и сверхфразовых единств) и 2) *делимитативную* или *дистинктивную*, т.е. функцию различения между словами, имеющими одинаковый фонемный состав, словами и словосочетаниями, коммуникативными типами предложения: повествовательными, вопросительными, побудительными, восклицательными, просьбами и парентетическими внесениями. Не может быть никаких сомнений в том, что упомянутые функции очень важны – благодаря их выражению речь делается понятной. Более того, мы даже можем сказать, что эти функции являются главными для просодического оформления речи (это не означает, что даже в области этого основного деления не ведется исследовательской работы, которая уточняет отдельные моменты в связи с задачами преподавания английского языка русским учащимся). Авторы многих учебников неоднократно обращали внимание также на тот факт, что интонация может быть показателем определенного регистра (или стиля) речи [11]. Так, в широко используемом учебнике «Практическая фонетика английского языка» под ред. М. А. Соколовой и др. выделены и описаны следующие интонационные стили: 1) информационный, 2) научный, 3) ораторский, 4) публицистический, 5) разговорный. Данная классификация основывается на предположении, что «существует три основных вида информации, передаваемых в процессе коммуникации: а) интеллективная информация, б) эмоциональная и в более широком плане модальная информация, в) волеизъявление или побудительная информация» [12]. Авторы учебника выражают сожаление, что «тембр как специфическая окраска человеческого голоса не был учтен при написании данного учебника».

Весьма значительным в данном контексте является вопрос о роли интонации как признаке того или иного жанра литературы, например, сказки (можно говорить также и о жанрах Библии, романов и рассказов, в частности, юмористических, пародий, стилизаций и т.д.). Здесь мы непременно должны упомянуть такие имена как В.Я. Задорнова, И.В. Гюббенет, М.В. Давыдов, Т. Черезова, А.А. Липгарт, М.Э. Конурбаев, Е.О. Менджерицкая, Т.Б. Назарова, Н.А. Бурсикова, З.М. Альжанова, Г.П. Завальская, О.С. Миндрул.

До сих пор мы пока даже не упоминали о таких экстралингвистических факторах, к которым интонация тоже имеет отношение, как возраст, пол, идиосинкратические черты говорящего, его социальный статус, классовая принадлежность, не говоря уже о различного вида эмоциях, чувствах и темпераменте. Роль интонации в данном случае довольно высока. Один из крупнейших специалистов в области изучения голоса Р. Юссон высказывался в том духе, что голос самым непосредственным образом связан с эмоциональной сферой человека, а эмоциональная окраска является одной из важнейших характеристик голоса. Цитата заимствована из работы Р. Юссона «Певческий голос» (1960) [13].

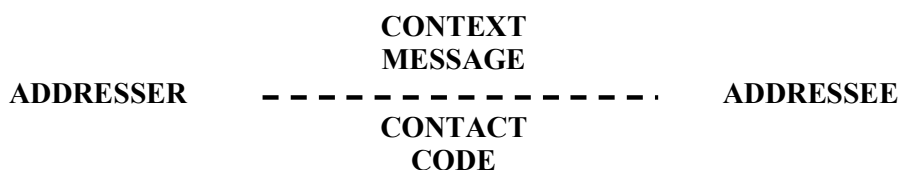
Что же касается фоноэстетической функции, то согласно Ф. Хаусхолдеру (см. работу М.В. Давыдова и Г.Т. Окушевой. Значение и смысл созвучий в современном английском языке. МГУ, 1994, сноска 76), словарный состав английского языка этимологически связан с созвучиями. В работе «К проблеме звучания и значения» (1948) он пишет, что 75% односложных слов литературного английского языка принадлежат к так называемому фонестемному типу. [14] Среди них: существительные, выражающие неодобрение, неприязнь – нечто выпуклое, отсеченное, отрезанное и, напротив, слова с положительными коннотациями – легкость, свет, радость и т. д. При переводе особую роль приобретают звуки и созвучия с универсальными ассоциациями.

Однако на этом функции интонации не кончаются: необходимо иметь в виду, что подобно звукам, которые могут вызывать те или иные ассоциации, интонации в разной степени в конкретных ситуациях тоже могут ассоциироваться с большим или, напротив, маленьким, жарой или холодом, светом или мраком, легкими или плавными движениями и с движениями, которые требуют приложения сил и т.д. Естественно, возникает вопрос, каким образом интонации, в основном обслуживающие эмоциональную

сферу человека, могут ассоциироваться с вышеуказанными элементами окружающей нас действительности? И здесь надо сразу наметить основное деление, которое могут иметь те или иные *просодические образы*. Если они связаны с эмоциями, чувствами, переживаниями человека, то мы говорим о *внутренних просодических образах*, если же речь идет об окружающей человека действительности, то в этом случае принято говорить о *внешних просодических образах*. Конечно же, ассоциируясь с теми или иными образами, различные интонации неотделимы от вербального контекста и поэтому часто их задача заключается в лишь в усилении воздействия словесно-художественного творчества. Но иногда интонация и сама по себе, то есть не на сегментной базе, а независимо от нее, фактически, поскольку сегментная база оказывается в таких случаях весьма неопределенной: мы не можем разобрать конкретных слов, но совершенно уверенно можем уже сказать, идет ли речь о прият-

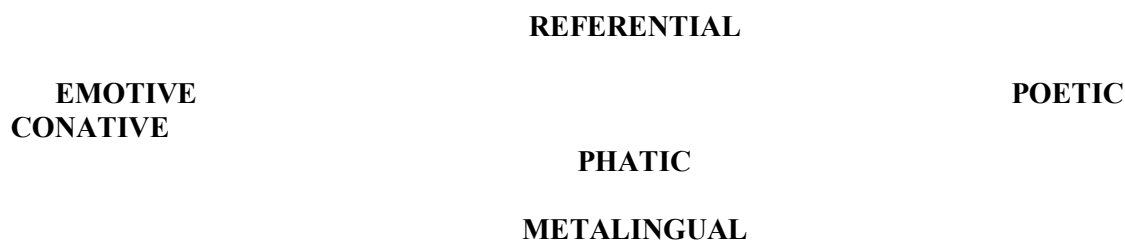
ной светской беседе, о последовательности команд, перебранке, усилении со стороны человека, которое не отражено в конкретных звуках, и т.д. Выразительность интонации требуется, естественно, не только при художественном чтении текста, но и в процессе преподавания языка, чтении лекций, например, и более широко – в любом публичном выступлении. Совершенно очевидно, что эта выразительность создается не только за счет того или иного чередования мелодических контуров, их варьирования, но и за счет целого ряда других параметров голоса.

Со времени опубликования работы Р. Якобсона «Функции языка» (1978) [15], который рассматривал коммуникативный акт в целом, помимо вышеуказанных функций, можно было бы говорить о существовании и других функций. Факторы, которые влияют на процесс коммуникации, были представлены Р. Якобсоном в виде следующей схемы:

Как пишет Р. Якобсон, каждый из этих факторов определяет ту или иную функцию языка. В статье подробно рассматриваются соответствующие функции, причем специально делается оговорка, что только рассмотренными функциями дело не ограничивается.

Заслугой Р. Якобсона является то, что в соответствии с описанными факторами, автор в виде схемы дает и перечисление аналогичных функций.

Эмотивная (экспрессивная) функция связана с адресантом и имеет целью выражение его отношения к тому, что он говорит. В языке, как правило, одно и то же содержание даже интонационно мы можем оформить так, чтобы было понятно наше одобрение, осуждение и т.д. Р. Якобсон приводит пример, что актер Московского художественного театра в качестве эксперимента произносил фразу «Сегодня вечером» с помощью сорока различных интонаций. И что самое важное – эти интонации однозначно считывались аудиторией.

Конативная функция отражает ориентацию на адресата. Сюда подпадают в числе прочего такие формы речи как звательный падеж и повелительное наклонение. Она выражает непосредственное воздействие на собеседника.

Фатическая функция сориентирована на контакт, для нее важна не передача информации, а поддержание контакта. Это разговоры о погоде, разговоры во время празднования дня рождения, где самым важным становится не новизна информации, а процесс поддержания контакта. Мы

часто проверяем контакт словами «Ты слушаешь?»»

Метаязыковая функция связана с кодом: не зная слова, мы можем спросить о его значении и получить ответ. Ответ может быть дан описательно, с помощью других слов, а может и просто с помощью показа предмета.

Поэтическая функция направлена на сообщение. Это центральная функция для словесного искусства, для которого характерно большее внимание к форме, чем к содержанию сообщения. Наша бытовая речь более сориентирована на содержание.

Референтивная (денотативная, когнитивная) функция сориентирована на контекст и представляет собой отсылку на объект, о котором идет речь в сообщении.

Разные народы по-разному используют компоненты речевого акта, и лингвист или этнограф, описывающий язык и культуру того или иного народа, стремится установить все возможные типы речевых актов, все возможные категории адресатов и адресантов, все виды кодов, видов сообщений, все возможные каналы передачи сообщения, все виды тем и т.д., а также как реализуются различные функции языка разными его уровнями, включая, конечно, и сверхсегментные единицы. Данное направление исследования представляется перспективным именно в силу недостаточной изученности роли интонации в реализации речевых актов в разных языках и лингвокультурах.

Еще одним многообещающим предположением можно считать тот факт, что коммуникативный выбор, сделанный в момент формирования общей семантики высказывания в сознании говорящего, остается неизменным на протяжении произнесения этого высказывания и не может быть произвольно изменен во время его произнесения. Что же касается интонационного аспекта, то, будучи средством выражения прагматического значения, интонационный контур также не может быть произвольно изменен в процессе высказывания. Из этого следует очень важный вывод: части интонационного контура должны обнаруживать жесткую взаимозависимость и предсказуемость в рамках одного высказывания. Сочетания акустических парамет-

ров частей контура сами по себе не случайны и не бесконечно разнообразны. Они могут создавать последовательности, несущие вполне однозначные толкования. Такое заключение наносит удар по распространенному убеждению, что интонационные контуры практически бесконечны в своем разнообразии, а передаваемые ими значения уникальны, неповторимы и индивидуальны. С другой стороны, оно дает основание для оптимизма тем, кто не потерял надежду найти устойчивые ориентиры в интонационной системе чужого языка, ранее считавшейся закрытой для аутсайдера.

Литература

1. *Cauldwell R. T.* Where did the Anger Go? The Role of Context in Interpreting Emotion in Speech. EISU, Department of English, The University of Birmingham. Speak Out! Newsletter of the IATEFL Pronunciation Special Interest Group 21: 30-35, 2001.
2. *Crystal D.* Prosodic Systems and Intonation in English. Cambridge, 1969.
3. *Crystal D.* The English Tone of Voice: Essays in Intonation, Prosody and Paralanguage. London, Edward Arnold, 1975.
4. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopaedia of the English Language. Cambridge, Cambridge University Press, 1995.
5. *Halliday M. A. K.* An Introduction to Functional Grammar. 2nd Edition, London, Edward Arnold, 1994.
6. *Brazil D.* Pronunciation for Advanced Learners of English. Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
7. *Cruttenden A.* Intonation. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. Mancunian Intonation and Intonational Representation. *Phonetica*, no. 58, 2001, pp. 53-80. On the So-called Grammatical Function of Intonation. *Phonetica*, no. 21, 1970, pp. 182-192. Rises in English. In: J. Windsor-Lewis (ed.), *Studies in General and English Phonetics*, Routledge, 1995, pp. 155-173. Falls and Rises: Meanings and Universals. *J. Linguistics*, no. 17, 1981, pp. 77-91.
8. *Cruttenden A.* Intonation. *Ibidem*, p. 111-112.
9. *Cruttenden A.* Falls and Rises. *Ibidem*, p. 88.
10. *Мунаева Л. В.* Лексикологическая фонетика английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
11. *Cruttenden A.* Falls and Rises. *Ibidem*, p. 80.
12. Практическая фонетика английского языка. Под ред. М. А. Соколовой и др. М., 1984, с. 217.
13. *Husson R.* La Voix Chantée, Paris, 1960, p. 203.
14. *Housholder F.* On the Problem of Sound and Meaning. *An English Phonestheme*. Word. V 2, no. 1, 1948.
15. *Jakobson R.* Readings for Applied Linguistics. Allen J. P. B., Corder S. P. (eds.) *Functions of Language*. Oxford University Press, 1978.

Будажапова Сэсэгма Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического направления Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: sesegbud@list.ru

Budazhapova Sesegma Vladimirovna – candidate of philology, associate professor of the Foreign Languages Chair, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, 24a, Smolina st. E-mail: sesegbud@list.ru

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ НАЗИДАТЕЛЬНОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В СКАЗКЕ

Статья посвящена лингвистическому осмыслению многомерного понятия «назидательность». В статье ставится задача рассмотреть прототипическую и непрототипические ситуации назидательности в немецком языковом сознании на основе выделенных прототипических признаков. Исследование проведено на материале немецких народных сказок.

Ключевые слова: назидательность, прототип, прототипическая ситуация, непрототипическая ситуация, сказка.

L.A. Vaseva

PROTOTYPICAL AND NON-PROTOTYPICAL SITUATIONS OF THE EDIFICATION AND THEIR REALIZATION IN A FAIRY TALE

This article focuses on the linguistic understanding of the multidimensional concept «edification». This article seeks to examine the prototypical and non-prototypical situations of the edification in the German language consciousness on the basis of selected prototypical attributes. The research is pursued on the material of German folk tales in this paper.

Keywords: edification, prototype, prototypical situation, non-prototypical situation, fairy tale.

Целью настоящей статьи является выявление прототипической и непрототипических ситуаций назидательности в их языковой репрезентации. Интерес к изучению данного вопроса вызван тем, что в свете лингвистической науки исследований по проблемам данного понятия нами не отмечено. Нам известна работа Е. В. Авдосенко, в которой автор исследует категорию назидания как коммуникативно-прагматическую категорию в поучающем дискурсе в современном немецком языке [1]. Мы, в свою очередь, исследуем назидательность (акт назидания) в аспекте теории прототипов. Нами анализируются способы языковой репрезентации прототипической и непрототипических ситуаций назидательности в бытовой речи персонажей в текстах немецких сказок (в отдельном случае в их контексте).

Новизной настоящего лингвистического исследования является изучение назидательности в теоретическом аспекте и в использовании текстов народных сказок в качестве фактологического материала, т.к. они обладают поучительным потенциалом. Сказка может рассматриваться в разных аспектах изучения: дидактическом, религиозном, лингвистическом, психологическом. Исследователями отмечается дидактическая направленность сказки, прививающая детям такие нравственные качества, как доброта, уважение, почитание старших и другие [9, с. 117]. В. Я. Пропп выразил мысль о том, что «под фольклором понимается только духовное

творчество...» [11, с. 18]. Это позволяет нам утверждать, что сказка как эпический жанр письменного и устного народного творчества тесно связана с духовностью, моралью и воспитанием личности.

Нами уже было отмечено, что религиозная литература еще со времен патристики обладает назидательным потенциалом [2, с. 36]. Выделяют следующие основные стратегии религиозного дискурса: молитвенная, исповедальная, призывающая, утверждающая, разъясняющая, обрядовая [5, с. 15]. Проанализированный нами материал позволяет в первом приближении сделать вывод о том, что в текстах немецких народных сказок актуализуются взятые из религиозного дискурса такие стратегии, как *призывающая* (призыв ближайших к действию или запрет на него), *утверждающая* (утверждение в добродетели поучения) и *разъясняющая* (разъяснение поучения). Данные стратегии позволяют категоризовать прототипическую ситуацию назидательности.

Как известно, в «качестве объекта категоризации могут выступать как материальные сущности, так и ментальные образы, стереотипы, эталоны мышления и поведения, классификация которых имеет огромное значение для процесса познания и понимания мира, наполненного человеческими отношениями во всем многообразии форм их существования и репрезентации» [8, с. 375]. В этой связи нами предпринята попытка изучения ситуации назидательности, которая

ранее не изучалась в свете лингвистической науки. Будем исходить из ментальной модели ситуации, в которой комплексно и взаимосвязано хранится информация об объекте взаимодействия, параметрах ситуации взаимодействия. «Ментальная модель понимается как особая форма эмпирических обобщений, отражающих представления субъекта о явлении, объекте, совокупности объектов, отличающихся изначально слабой вербализуемостью, экономностью (представлена в сознании не более полно, чем требует актуальная ситуация), отражающих не только содержательную характеристику явления, объекта, но и принципы, лежащие в его основе, взаимосвязь элементов структуры, а также аффективно окрашенное отношение субъекта к объекту» [13, с. 233].

В рамках прототипического подхода лингвисты обсуждают вопросы теории прототипов. В последние десятилетия ученые дискутируют о теории прототипов как о «новой теории категоризации» [7, с. 144], о необходимости ее эмпирического подтверждения, когда «понятие прототипа должно доказать свою пригодность через семантическое описание, а не через семантическое теоретизирование» [3, с. 224], о том, что «значение слова может быть представлено как неустойчивый набор семантических компонентов» [там же].

Ведущим термином является «*прототип*»¹, который служит для решения проблем когнитивных оснований языковой категоризации. Под прототипом понимаются те элементы определенной категории, которые обладают наибольшим числом типичных для неё черт. Э. Рош сформулировала гипотезу о том, что прототипные эффекты характеризуют внутреннюю структуру категории. Прототипические элементы когнитивных категорий обладают наибольшим количеством характеристик, общих с другими членами определенной категории, и наименьшим количеством признаков, характерных для членов других категорий.

Термин «*прототипическая ситуация*» используется при изучении семантики языковых единиц, например, Г. И. Кустова определяет ее как когнитивную модель ситуации, с которой связано базовое значение языковой единицы [6, с. 8]. Нам предстоит выявить когнитивную мо-

дель ситуации назидательности и то, какие языковые единицы ее составляют.

На основе дефиниционного анализа мы выделяем прототипическую ситуацию назидательности. Обратимся к толкованию назидательности в немецком языке. Дефиниция «*Erbauung*», употребляемая в XVII в., – это калька с латинского «*aedificatio*» (строить, сооружать, создавать, возводить, устраивать, насаждать), которая в свою очередь является переводом греческого «*oikodomeo*». Впервые слово «*aedificatio*» встречается в латинском переводе Ветхого Завета (Вульгате) [12, с. 143]. В позднесредневековой экзегезе «*aedificatio*» было связано с темой понимания священного текста: понятие «*Aedificium spirituale*» порождало толкование: «возведение дома Священного Писания в сердце читающего». Чтение назидательной литературы должно было служить нескольким целям: укреплению добродетели (*confortatio*), улучшению (*melioratio*), утешению (*consolatio*), просветлению (*illuminatio*), а в конечном счете – спасению (*salus*) души [там же, с. 144].

Исходя из вышесказанного, представляется возможным выделить следующие признаки прототипической ситуации назидательности: адресант, адресат, причина поучения, нравственная направленность поучения, морально мотивированная цель адресанта (цель, которая не нарушает прав адресата и норм поведения в обществе).

Таким образом, для прототипической ситуации назидательности является обязательным присутствие адресанта и адресата, где первый под воздействием сложившихся обстоятельств обращается к адресату с целью его поучения и призыва к каким-либо действиям/недействиям. Иными словами, адресант оказывает влияние на сознание адресата посредством языкового высказывания, в котором выражена воля адресанта с определенной целью и по определенной причине. Главной характеристикой адресанта является его обладание богатым жизненным опытом, а адресат, как правило, состоит в родственных или близких отношениях с адресантом и является неопытным в каких-либо ситуациях по причине младшего возраста или низкого статуса в обществе. Причиной назидательности является сильное событие, имеющее отношение к какому-либо лицу или предмету. Ментальная модель ситуации назидательности в сознании адресанта позволяет ему строить свое речевое поведение в соответствии со степенью морально мотивированного воздействия на адресата.

Опираясь на теорию сказки, а именно при рассмотрении функций действующих лиц в

¹ Данное понятие заимствовано из психологии и введено в научный обиход лингвистики Э. Рош (Дж. Лакофф. Когнитивное моделирование из книги «Женщины, огонь и опасные предметы». С. 154-155, 158).

сказке [10, с. 24-25], мы выдвигаем гипотезу о том, что запрет и его нарушение в тексте сказки номинирует назидательность. При нарушении запрета адресат сталкивается с проблемами, которые для него впоследствии являются опытом.

Обратимся к пониманию запрета, в словарях синонимов зафиксированы следующие дефиниции запрета, который в сумме даёт обобщающее понимание: Verbot = Untersagung = Sperre = Tabu = Prohibition = Interdikt = Vorschrift = Gebot [17, с. 563]. Запрет = воспрещение = преграда = табу = предотвращение = запрет = наставление = приказание / требование (перевод наш. – Л.А.). В немецком универсальном словаре Дудена Befehl, Anordnung имеют одинаковые значения – распоряжение, приказание, предписание; постановление [15]. Данные многочисленные лексемы позволяют заключить, что их значение полностью совпадает. Различия наблюдаются в градации запрета либо ситуативности его использования. В связи с этим можно констатировать, что адресант поучает посредством запрета; приказа, просьбы, совета, предупреждения и угрозы, как иных форм запрета.

Итак, путем запретов в дискурсе сказки персонажи старшего возраста поучают нормам поведения младших (не говорить (громко), не плакать, не идти куда-либо, не открывать дверь и т. д.). Как правило, эти запреты выражают предостережение перед опасностью, адресант манипулирует поведением реципиента. Запрет есть наставление на отказ от действий, субъектом которого является один человек или группа людей, оно может распространяться на отдельную личность или общество с определенной целью.

Согласно лингвистическому исследованию запрета в немецком тексте Библии М.В. Ермоловой, важно указать, что прототипический запрет в подавляющем большинстве случаев выражается формулой sollen + nicht + Infinitiv, и императивные глаголы также присущи выражению запрета, хотя и малочастотны в употреблении. Ермолова указывает, что «запрет – назидание, поучение, урок» актуализируется следующим примером из текста Библии: «**Mein Kind**, wenn dich die bösen Buben locken, so **folge nicht**» (Sprüche 1, 10) [4, с. 35]. Исходя из вышесказанного, мы определяем форму для описания прототипической ситуации назидательности в текстах сказок. Нами рассмотрена прототипическая ситуация, которая репрезентируется императивной конструкцией с глаголом во 2 лице ед. ч. + отрицательная частица «nicht», которая номинирует *призыв-запрет* на совершение какого-либо действия. Также следует отметить тезис

В.Я. Проппа относительно волшебной сказки, гласящий о том, что «обращенную форму запрета представляет собой приказание или предложение: принести в поле завтрак, взять с собой в лес братца» [10, с. 24]. Рассмотрим языковую репрезентацию ситуации назидательности в текстах немецких народных сказок.

(1) «...hüte dich, daß **du** sie **nicht aufschließe**st, sonst wirst du unglücklich!» – «...**не отпирай** ее, не то будешь несчастной!» (Marienkind).

Адресант (Дева Мария) данного высказывания поучает адресата (девочку), которую она взяла к себе на проживание и стала для нее матерью. Путем запрета она предупреждает девочку о несчастном будущем в случае его нарушения. Здесь сохраняются все прототипические признаки ситуации: адресант, адресат, причина поучения, нравственная направленность поучения, морально мотивированная цель адресанта.

(2) «...**weine nicht**, liebe Mutter, wir wollen uns schon helfen und wollen fortgehen» – «...**не плачь**, милая мама, мы хотим уже помочь себе и удалиться» (Die zwölf Brüder).

(3) Da rief das Schwesterchen: «Ich bitte dich, Brüderchen, **trink nicht**, sonst wirst du ein wildes Tier und zerreiße mich» – «Тогда сестрица воскликнула: «Прошу тебя, братец, **не пей**, не то оборотишься лютым зверем и меня растерзаешь» (Brüderchen und Schwesterchen).

Наш материал показывает, что в примерах (2), (3) также имеет место императивная конструкция с глаголом во 2 лице ед. ч. или глаголом во 2 лице ед. ч. + отрицательная частица «nicht» и соблюден набор прототипических признаков. Данная конструкция может номинировать как запрет-приказ, как запрет-просьба, так и запрет-угроза.

Отход от прототипа выражен в высказываниях, в которых отсутствует отрицательная частица «nicht», то есть данная конструкция будет являться непрототипической.

(4) «Ach **schweig stille**», sprach die Wirtsfrau, «so mancher Vorwitzige hat schon sein Leben eingebüßt...» – «Ах, **замолчи!** – прервала его хозяйка. – Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью...» (Märchen von einem, der auszog, das Fürchten zu lernen).

В данной ситуации адресантом является хозяйка трактира, которая адресует поучение своему мужу. Она обращается с просьбой не говорить с молодым человеком о том, как второму добиться желаемого. Причиной поучения послужило то, что у парня отсутствовало чувство страха. Тот ждал каких-либо событий, которые

могли бы вызвать неизвестное для него чувство. Нравственная направленность поучения женщины заключается в ее материнской солидарности, её целью является сохранение жизни мужа и парня.

(5) Es wusch ihm das Blut ab, legte Kräuter auf und sprach: «**Geh auf dein Lager**, lieb Rehchen, daß du wieder heil wirst» – Она смыла кровь с его раны, приложила к ней целебные травы и сказала: «**Ступай на свою постельку**, милый козлик, чтобы поскорее выздороветь» (Brüderchen und Schwesterchen).

Эта ситуация представляет конструкцию не-прототипической ситуации назидательности с утраченной частицей «nicht», которая актуализирует просьбу.

Высказывания с модальными глаголами sollen/ müssen/können + nicht + Infinitiv в форме 2 лица ед. ч. с использованием личного местоимения, номинирующие совет/приказ с разъяснением, являются менее частотными в употреблении в текстах сказок. Следовательно, конструкция ситуации назидательности «Адресат (не)должен выполнить какое-либо действие» является не-прототипической.

(6) «...das ist ein wunderbares Wasser, damit **kannst du** die Kranken gesund machen, **du mußt** nur sehen wo der Tod steht. Steht er beim Kopf, so **gib** dem Kranken von dem Wasser, und er wird gesund werden, steht er aber bei den Füßen, so ist alle Mühe vergebens, er muß sterben» – «Эта водичка не простая; **ты** ею **можешь** лечить всякие болезни, только **ты должен** смотреть, где у больного смерть стоит. Если стоит в головах, то смело **дай** больному хлебнуть этой водицы, и он выздоровеет, а если у больного смерть стоит в ногах, то все труды будут напрасны – он все равно помрет» (Der Herr Gevatter).

Адресантом данного поучения является незнакомец, который учит новоиспеченного кума исцелению больных людей необыкновенной водой. Кум дает советы по применению его подарка многодетному бедняку, преследуя нравственную цель – помочь больному человеку. Новым признаком этой не-прототипической ситуации будет являться не удовлетворение воли адресанта, как в прототипической ситуации назидательности, а воли адресата.

(7) «hier wollen wir wohnen, und du, Benjamin, du bist der jüngste und schwächste, **du sollst daheim bleiben und haushalten**, wir andern wollen ausgehen und Essen holen» – «Здесь давайте жить, а ты, Бенжамин, как самый маленький и слабый, **ты должен оставаться дома и вести**

хозяйство, а мы все остальные будем кругом рыскать, о пище заботиться» (Die zwölf Brüder).

Адресат данного высказывания должен оставаться дома и вести хозяйство по причине его возраста и физических возможностей. Адресант (один из старших братьев) повелевает ему с целью обеспечения безопасности.

Также мы определяем следующие ситуации не-прототипическими, где:

❖ в высказывании адресанта используются Konjunktiv I (для выражения косвенного приказа или просьбы употребляются глаголы sollen и mogen) / Konjunktiv II модальных глаголов во 2 л. ед. ч. + Infinitiv (служит для выражения желания в настоящем или будущем времени или косвенных просьб, советов, приказов).

(8) «Das hast du **dumm** gemacht, Hans, **mußtest** die Ziege an ein Seil **binden**» – «**Ты глупо** это сделал, Ганс; ты **должен был** козочку-то на веревку **привязать**» (Der geschiedte Hans).

(9) «Das hast du **dumm** gemacht, Hans, **mußtest** ihr freundliche Augen zuwerfen» – «**Глупо** ты это сделал, Ганс; ты **должен был** на её лицо ласковые взгляды глазами бросать» (Der geschiedte Hans).

Ситуации в примерах (8), (9) актуализируют поучение адресантом-матерью сына Ганса по причине того, что он неправильно поступал, давая при этом оценку его действиям (прилагательное *dumm*). Адресант указывает адресату на то, как ему следовало бы поступать в определенных жизненных ситуациях. Использование сослагательного наклонения в репликах адресанта имеют назидательный характер.

❖ адресант выражает назидательность имплицитным способом.

(10) Der Mann sprach «wer bist du?» «Ich bin der liebe Gott». «So begehrt dich nicht zu Gevatter», sagte der Mann, «du gibst dem Reichen und lässest den Armen hungern». Das sprach der Mann, weil **er nicht wußte wie weislich Gott Reichthum und Armuth vertheilt**. – Бедняк спросил его: «А кто ты таков?» – «Я – Господь Бог». – «Ну, так я тебя не хочу в кумовья брать, – сказал бедняк, – ты все только к богатым щедр, а бедного голодать заставляешь». Это он говорил потому, что **не знал, как премудро распределяет Бог богатство и бедность между людьми** (Der Gevatter Tod).

Во второй части придаточного предложения причины, пример (10), в скрытой форме номинируется утверждение о справедливом распределении Богом богатств между людьми разного социального уровня. Здесь адресантом высказывания является рассказчик сказки, адресатом

является весь народ. Нравственная направленность поучения состоит в вере в Божью волю и могущество. Отличительным параметром от прототипической ситуации назидательности является утверждение адресанта вне бытовой речи персонажей.

❖ императивное высказывание адресанта не является нравственно направленным.

(11) «**Willst du schweigen?**», – rief die Katze, – «**noch ein Wort, und ich fresse dich auf**». – «**Будешь ли ты молчать?**», – воскликнула кошка, – «**ещё слово, и я тебя съем**» (Katze und Maus in Gesellschaft).

В данном высказывании кошки актуализируется угроза, адресант посредством вопроса ставит адресата поучения соблюдать тишину.

❖ адресант указывает на себя или на третье лицо, по отношению к которым адресат выполняет волю адресата (т.е. в круг назидания включено третье лицо или предмет).

(12) «**Nein**», antwortete Gretel, «**es wird dem Entchen zu schwer, es soll uns nacheinander hinüberbringen**» – «Нет, – отвечала Гретель, – **уточке будет тяжело; она нас обоих перевезет поочередно**» (Hänsel und Gretel).

Адресант, старшая сестра, дает разъяснение брату о том, что третье лицо (уточка) не сможет перевезти их за один раз. Непрототипичность ситуации состоит в том, что в примере (12) отсутствует императивное высказывание.

❖ назидательность имеет контекстуальный характер.

В текстах сказок без употребления императивных высказываний персонажами номинируется назидательность исходя из контекста (например, «Die faule Spinnerin»).

Проведенный анализ позволяет исследователю заключить, что применение элементов прототипического подхода для разбора средств вербализации назидательности является продуктивным. Так, выделение и описание прототипической ситуации назидательности и ее признаков позволило проследить, каким образом реализуются данные признаки в различных ситуациях употребления конструкций и какое значение они имеют при осмыслении говорящим ситуации назидательности и построении высказывания.

Фактологический материал показывает, что прототипической формой выражения назидательности является императивная конструкция с глаголом во 2 лице ед. ч. + отрицательная частица «nicht», которая обладает определенными семантическими и синтаксическими свойствами. Данная конструкция наиболее часто употребляется адресантом поучения при выражении запрета. Рас-

смотрение разнообразных ситуаций употребления императивной конструкции подтвердило существование зависимости интерпретации данной конструкции от реализации признаков прототипической ситуации назидательности, а также характера и степени отклонения от прототипа. Языковые средства, репрезентирующие категорию назидательности и их системное описание в немецком языке, раскрывают понятийную и языковую онтологию категории назидательности.

Литература

1. Авдосенко Е.В. Коммуникативно-прагматическая категория назидания в поучающем дискурсе в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2003. – 222 с.
2. Васева Л.А. К вопросу о назидательности (лингвокультурологический аспект) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конф. молодых ученых (Иркутск, 1-4 марта 2011 г.) – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2011. – С. 36-38.
3. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание. Русские словари. М., 1996. – 416 с.
4. Ермолова М.В. Комплексный анализ семантики запрета в Библии Мартина Лютера // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1-24. С. 33-38
5. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.
6. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. №4.
7. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1996. 624 с.
8. Ма Т.Ю. Классические, прототипические и акцидентные // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5 (1). Филология. – С. 373–377.
9. Нагорная О. В. К вопросу о поэтике литературной сказки (в сопоставлении с поэтикой фольклорной) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. № 3 (17). 2011, 2011. С. 116-121.
10. Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа) / коммент. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой; сост. науч. ред., текстологический коммент. И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
11. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1976. – 330 с.
12. Серкова П.А. Духовно-назидательная литература немецкого протестантизма XVII века: между теологией и благочестием // Вестник РГГУ Сер. Культурология. Искусствоведение. Музеология. – М., 2009. – № 15/09.
13. Субъект и объект практического мышления. Коллективная монография / под ред. А.В. Карпова, Ю.К. Корнилова. – Ярославль: Ремдер, 2004. – 320 с.
14. Die Märchen der Brüder Grimm von Gebrüder Grimm/vollständige Ausgabe. Wilhelm Goldmann Verlag, München, (Sondereinband – 1991). – 608 s.
15. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der

16. Dudenredaktion. – 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1996. – 1816 s.

17. Gebrüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. URL: <https://www.google.ru/search?client=opera&rls=ru&q=http://maerchen.com/grimms-maerchen.htm.&sourceid=opera&ie=utf-8&oe=utf-8&channel=suggest> (дата обращения: 4.05.2012)

Васева Людмила Андреевна – аспирант кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета. 664025, г. Иркутск, ул. Ленина 8, e-mail: lady.lutikg@yandex.ru.

Vaseva Liudmila Andreevna – post-graduate student of Irkutsk State Linguistic University, 664025, Irkutsk, Lenin str. 8, e-mail: lady.lutikg@yandex.ru.

18. Synonymwörterbuch sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache hrsg. von Herbert Görner und Günter Kempcke. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1980. – 643 с.

19. The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1933. – Vol. III D-E. p. 488.

УДК 820.091

© Н.Г. Владимирова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ И ИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОЕКЦИИ В РОМАНЕ МЭРИ ШЕЛЛИ «ФРАНКЕНШТЕЙН, ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ»

В данной статье рассматривается нетрадиционное использование знаменитого прометеевского мифа о творении, получившего актуальную деривацию. Миф вступает в сложные отношения с легендой о докторе Фаусте, сюжетом о Люцифере, поэмой П.Б. Шелли, «Сказанием о Старом Мореходе» С. Кольриджа и др. Прослеживается трансформация прометеевского начала в люциферовскую, фаустовскую модели трагического индивидуализма. Определяются поэтологические функции литературных аллюзий, их способность к созданию универсального философского смысла произведения, его художественно-творческой оригинальности.

Ключевые слова: миф, форма художественной условности, аллюзия, science fiction, предсказывающие мотивы, предупредительная функция.

N.G. Vladimirova

LITERARY ALLUSIONS AND THEIR ARTISTIC PERSPECTIVE IN THE NOVEL MARY SHELLEY «FRANKENSTEIN, OR THE MODERN PROMETHEUS»

In this article we consider non-traditional use of the famous Promethean myth about creation, which has received the actual derivation. Myth enters into a complex relationship with the legend of Dr. Faustus, with the plot of Lucifer, with P.B. Shelli poem, «The Tale of the Old Sailor» by S. Coleridge, and others. Transformation of the Promethean beginning in Luciferian, Faustian models of tragic individualism is traced. Poetic functions of the literary allusions, their ability to create a universal philosophical meaning of the novel with his artistic and creative originality also are defined in this article.

Keywords: myth, a form of artistic involvement, allusion, science fiction, motifs predicting, function of notifying.

Универсальность мифа на протяжении истории его существования сопрягалась с онтологическими представлениями о мире, а романтической космичности как нельзя более соответствовала мифологическая архетипичность.

К XIX веку складывается литературная традиция использования мифологического материала. В связи с этим необходимо отметить два существенных момента, которые определяют новизну и своеобразие интереса к мифу. Во-первых, расширяется палитра изобразительных средств за счет смелого введения форм вторичной художественной условности. Во-вторых, миф приобретает не только устойчивые черты универсализованного инварианта, но и актуальную деривацию в контек-

сте национальной культуры и сложившейся в той или иной литературе модели истолкования самого мифа и мифологического образа. Подтверждает это трансформация мифологического образа Прометея.

«Легко заметить, что изображение Прометея способно вместить широкий спектр интерпретаций; он может быть творцом, спасителем, предсказателем, похитителем, падшим ангелом, бунтарем и так далее», – пишет исследователь классической мифологии в искусстве Филипп Маерсон [6, с. 45]. Разнообразие и новизна интерпретаций этого образа и связанной с ним коллизии демонстрирует роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», в свою очередь высту-

пивший в качестве претекста, воспринятого и творчески пересозданного Брайеном Олдиссом (роман «Франкенштейн Освобожденный») и Питером Акرويدом (Журнал Виктора Франкенштейна). Обратимся к исходному романному тексту.

Роман Мэри Шелли появляется (первая публикация 1818 года) в тесном временном промежутке между стихотворением Байрона «Прометей» (Диодати, июль 1816) и лирической драмой П.Б. Шелли «Прометей Освобожденный» (1819). В предисловии 1831 года автор книги «Франкенштейн, или Современный Прометей», выросшей из повести, пишет: «Все имеет начало, говоря словами Санчо; но это начало, в свою очередь, к чему-то восходит. <...> Творчество состоит в способности почувствовать возможности темы и в умении сформулировать вызванные ею мысли» [3, с. 233; 7, с. 54].

Что же стоит у «начала» произведения? «Текст этого знаменитого состязания в готике ... подчеркивает, сколь многим она обязана возвышенным прометеевским образам Байрона и Шелли», – отмечает Стивен Коннор [5, с. 173]. Роман отразил бурные обсуждения универсальных философских вопросов, в числе которых секрет зарождения жизни и возможность ее воспроизведения, навеянные опытами доктора Эразма Дарвина, а также достижениями английской науки в области химии и естествознания в целом.

Произведение вырастает на структурной основе переосмысленного мифа о современном Прометее. Книга посвящена жизненной истории и судьбе молодого ученого Виктора Франкенштейна и строится по модели романа-биографии, включающего в свою жанровую структуру элементы воспитательного романа. В связи с этим автор выбирает форму повествования от первого лица, которая позволяет углубить психологическую мотивированность рассказа, усилив одновременно впечатление достоверности того, о чем поведали сменяющие друг друга повествователи (вначале это Роберт Уолтон, описывающий свою неожиданную встречу с «демоном» и Виктором Франкенштейном в «краях туманов и снегов» в четырех письмах, адресованных сестре – м-с Севилл; затем рассказывает страшную повесть своей жизни и научных открытий, имевших трагические последствия, Виктор Франкенштейн, а Роберт Уолтон каждый вечер записывает услышанное в дневнике, «стараясь как можно точнее придерживаться его слов» [3, с. 249]. После смерти Виктора он продолжает и завершает эту историю, рассказывая о последней встрече с гомункулусом. Есть в романе и повествовательные фрагменты, которые даются от имени этого «демона».

При всем этом роман М. Шелли – произведение, которое трудно отнести к какому-то определенному литературному жанру, оно дополняется разнообразными жанровыми признаками. Наличие «тайн» и «ужасов» позволяет отнести его к разряду готических. «Мир представляется мне тайной, которую я стремился постичь», – говорит Виктор Франкенштейн [3, с. 255]. Стержневая идея произведения, связанная с изобретением гомункулуса, с поисками ответов на вопросы, имеющие философскую окраску, о пределах познания, допустимости вторжения в тайны живой материи, изучение жизни и природы за гранью известного науке делают роман М. Шелли соотносимым с философским романом и зарождением научно-фантастической литературы. Дальнейшее развитие ее связано с именем Г. Уэллса и научными экспериментами его знаменитого персонажа д-ра Моро. Однако перед читателем романтическая модель *science fiction*. Поэтому весь сложный комплекс нравственно-этических, философских, социальных, психологических проблем, имеющих универсальную значимость, представлен в виде характерных для романтизма антитез: внешняя красота мира – скрытые причины вещей [3, с. 255], дневные – ночные мысли [3, с. 265], жизнь – смерть [3, с. 269], высокие помыслы – ад страданий [3, с. 298], величие природы – преходящие жизненные заботы [3, с. 303], дух добра – рок /злой рок, Дух Гибели [3, с. 262] и др. Есть в произведении и черты романа-притчи, романа-аллегории.

Предельно редуцированный миф выступает в романе Мэри Шелли в парадигматической функции, централизуя и объединяя главные смысловые линии произведения. Такая его функция подчеркнута второй, составляющей заглавие частью («Франкенштейн, или Современный Прометей»). Он выполняет и структурирующую произведение роль. Поскольку смысл мифа сведен к общезначимым проблемам, он редуцирован до универсализованного смыслового ядра – мотива творения, осмысленного с точки зрения нравственно-этической, философской и естественнонаучной.

В отсутствие фабульного развертывания миф трудно узнаваем без специального маркирования, в связи с чем и возникает необходимость выделить его в заглавии, которое, несомненно, является смыслоопределяющим для всего произведения. Пример Ф. Бэкона («Прометей, или Статус человека») представил удачную творческую попытку сюжетно-фабульного развертывания мифа в максимально разветвленном варианте. На аналогичной основе выстраивалась и поэма Г. Лонгфелло «Маска Пандоры». Однако в художественной литературе нередки и случаи «введения «чужого»

героя без опоры на старый сюжет» [2, с. 163]. Этой линии предшествовала протяженная «характероцентристская литературная традиция» [Там же].

Мэри Шелли нарушает обе традиционные модели использования мифологического материала. Она отходит от сложившейся в английской литературе семантики образа мифологического персонажа, сохранив лишь универсальный мотив творческого горения и неизбывных мук, соединенный с мотивом сатанинского бунта. Прославленный литературно-мифологический персонаж в романе М. Шелли не случайно существует вне привычной сюжетной схемы, романтики стремились к обновлению сюжетного фонда. Это приводит к повышенной, акцентированной условности образа, который приобретает философски-универсальную проекцию. Можно наблюдать интересный процесс мифологизации вымышленного персонажа. М. Шелли не только создает, как проницательно замечает Н.А. Соловьева, «интересную метафору автономного существования искусственно созданного существа» [1, с. 93], но и в целом совершенствует и изменяет систему метафор. Эти изменения связаны с тем, что «единичная метафора – продукт фантазии художника – приобретает значение мифа по мере того, как абсолютизируется, абстрагируется, растворяя романтическую индивидуальность, подчиняя ее себе, но возвращаясь к началу начал (монстр уходит в ничто, как и появляется он из ничего)» [1, с. 94]. Не менее существенно эволюционирует и отмеченная Н. А. Соловьевой метафора сознания.

В центре романа – процесс внутреннего развития персонажей. Для изображения сложного мира сознания, напряженных психологических переживаний и их оркестровки используются помимо мифологических литературные аллюзии. Последние играют особую роль в универсализации смысла.

Структурно укрупняя концептуальный план, миф о Прометее в «свернутом» виде не может обеспечить внутреннее «движение» романа, текстовую и подтекстовую многозначность современных универсализованных проблем. Поэтому он соединяется с мотивами легенды о докторе Фаусте, библейскими сюжетами о сотворении Адама, о падшем ангеле и их литературными переработками. Синтез мифологических и литературных аллюзий позволяет показать, как осуществляется переход в сознании и психологии героя от прометеевской восторженной радости познания к трагическим, болезненным, фаустианским страданиям ученого, переступившего границы дозволенного в неукротимом стремлении к раскрытию тайн бытия и живой материи.

Виктору Франкенштейну становится ясно, что на нем не только долг перед гомункулусом, но и ответственность перед людьми за свое творение, и он отказывается от воспроизведения «Евы» для этого изгоя, отвергнув тем самым, как пишет М. Шелли, «мольбу Адама к своему создателю» [3, с. 330]. Засидевшись допоздна в лаборатории, Виктор размышляет о возможных последствиях репродукции женского варианта гомункулуса: «...одним из первых результатов привязанности, которой жаждет демон, будут дети, и на земле расплодится целая раса демонов, которая может создать опасность для самого существования человеческого рода» [3, с. 360]. И он «*впервые*» понял «безнравственность своего обещания» [Там же]. Просветительская гармония пары учитель-ученик не состоялась, несмотря на то, что могла бы прогнозироваться исходной ситуацией: давший жизнь должен был бы научить свое творение пользоваться этим даром.

Симптоматично, что действие романа отнесено к XVIII веку. На смену возможной, однако нереализованной гармонии пришло яростное и мизантропическое противоборство охотника – преследуемой жертвы или раба – господина с ролевой инверсией этих оппозиций на протяжении романа.

Роман М. Шелли сориентирован не только на мир философско-этических размышлений, но и на обширный и не менее универсальный «книжный» мир. Судьба и самосознание главных персонажей во многом определяются книгами, которые случайно или преднамеренно оказываются в их руках. Воздействие **книги** на сознание человека, – проблема, которая займет одно из центральных мест в литературе XX века¹.

Аллюзивный прием, обнаженный и как бы с улыбкой отвергнутый в экспозиции романа, в магистральном развитии повествования функционирует как один из определяющих в его поэтике. Роберт Уолтон, одержимый, как и Виктор Франкенштейн, страстью «совершить нечто великое» [3, с. 238], иронизирует в письме к сестре: «Я отправляюсь в неведомые земли», в «края туманов и снегов», но я не вернусь к тебе разбитым и больным, как «Старый Мореход». И далее, предвидя реакцию адресата, продолжает, делая ценное, с нашей точки зрения, признание: «Ты улыбнешься при этой аллюзии; но я открою один секрет. Мою страстную тягу к опасным тайнам океана я часто приписывал влиянию этого творения наиболее поэтического из современных поэтов» [3, с. 241]. Речь идет, как нетрудно понять, о поэме С. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе» – произведении настолько известном, что аллюзия не нуждается в дополнительной маркировке. Введенная в начале романа в легком ироническом ключе аллю-

зия приобретает подтекстовую глубину и универсальную многозначность, соединяясь в романе с целым рядом других аллюзий.

Мотив чтения **книги** и ее влияния создает **единый** реминисцентный пласт романа. М. Шелли останавливает внимание читателя на трех книгах, оказавших роковое воздействие на ученого-изобретателя и сыгравших роль поворотного момента в судьбе Виктора Франкенштейна. Сначала это томик сочинений Корнелия Агриппы, позже – произведения Парацельса и Альберта Великого. «Книги их казались мне сокровищами, мало кому ведомыми, кроме меня», – рассказывает Виктор. Он воспринял их как руководство своих «новых наставников». («Я во всем поверил им на слово и сделался их учеником») [3, с. 258].

На смену книжным авторитетам вскоре приходят два университетских профессора естествознания и химии из города Ингольштадта: г-н Кремле и г-н Вальдман. Эмоционально-психологическое состояние героя – ему «первому предстояло преодолеть грань жизни и смерти» [3, с. 269] – получает аллюзивную оркестровку и благодаря цитированию поэтических произведений П.Б. Шелли, не менее известных, чем строки из поэмы С. Кольриджа. В романе приводятся три стихотворения П.Б. Шелли: «Минувшие дни», где описывается страх, гнетущий устремленного вперед одинокого пешехода, который «знает, что за ним ужасный враг идет» [3, с. 273]; «Изменчивость», где поэтизируется универсальность поэтически осмысленного состояния, давшего заглавие этому произведению [3, с. 304], и «Облако», являющееся пейзажным аккомпанементом возвышенной любви Франкенштейна к природе.

Первые два содержат предсказывающие мотивы, то есть выступают в предупредительной функции, подготавливая читательское восприятие дальнейшего хода событий. Иронические нотки включений из поэмы С. Кольриджа связаны с тем, что роман дает иной вариант развития событий («я не намерен убивать альбатроса», «я не вернусь к тебе разбитым и больным, как «Старый Мореход»).

Три книги, случайно обнаруженные в кожаной дорожной сумке, повлияли и на сознание искусственно возникшего существа. То был «Потерянный Рай», один из томов «Жизнеописаний» Плутарха и «Страдания молодого Вертера» Гете [3, с. 327]. Мэри Шелли подробно описывает «действие» «этих сочинений», вкладывая рассказ в уста такого необычного и неподготовленного читателя, как монстр: «Они вызвали множество новых образов и чувств, иногда приводивших меня в экстаз, но чаще ввергавших в глубочайшее уныние» [3, с. 327], – признается «демон».

По существу, это авторский дискурс, ибо го-мункулусу с его ограниченными представлениями о литературе, общественном устройстве жизни и неразвитым мышлением вряд ли по силам такого рода критические суждения. Свидетельствует об этом и нечаянный повтор стихотворной строки П.Б. Шелли, с творчеством которого монстр не мог быть знаком, по той лишь причине, что стихотворение английского поэта «Изменчивость» появилось в 1816 году, а описываемые события происходили в 17... годах. Благодаря мифологическим и литературным аллюзиям осуществляется переключение регистра. «Падший ангел становится злобным дьяволом» – к такому итогу изгой приходит в своей исповеди-раскаянии, обращенной к Роберту Уолтону у тела умершего Франкенштейна.

Аллюзии способствуют перемещению центра читательского внимания с занимательной и напряженной фабулы повествования на морально-этические, нравственные и философские проблемы познания. В связи с этим Автор заботится о создании иллюзии достоверности повествования и одновременно разрушает ее. В романе, несмотря на стремление к универсализации проблем, очевидны попытки создания реалистически достоверного хронотопа². Периодически герой-повествователь подчеркивает свою роль очевидца и участника якобы достоверных событий: «Напомню, что эта повесть – не бред безумца. Все, что я рассказываю, так же истинно, как солнце на небесах» [3, с. 268].

В контексте скрупулезно создаваемой иллюзии достоверности поразительны очевидная неточность и явное хронологическое несоответствие времени действия и времени создания использованного аллюзивного материала.

Интертекстуальный материал следующего столетия становится интекстом повествования, отнесенного к предыдущему веку, что является редчайшим случаем в истории межтекстуальных взаимодействий и может быть охарактеризован как прием забегания вперед. Может ли Виктор Франкенштейн, переживающий трагедию ученого в 17... годах, цитировать или мысленно припоминать поэтические строки П.Б. Шелли, написанные в 1816-1820 годах? Ответ очевиден. Однако он вызывает закономерный вопрос о причине этого и выше отмеченного хронологического рассогласования. Думается, что дело не в авторской небрежности. Вышеприведенные примеры свидетельствуют о продуманной и тщательно выстроенной хронопической структуре произведения. Аллюзии в нем выполняют двоякую функцию. Наряду с традиционной, предупредительной, подготавливающей читательское восприятие функцией они

выступают и в роли нетрадиционного приема художественной условности, разрушая столь заботливо созданную иллюзию достоверности повествования. Аллюзии призваны увести читателя от конкретики романной фабулы, не выдерживающей критически придирчивой проверки на подлинность, в область универсальных, умоглядных философских идей, являющихся предметом рефлексии главного героя-ученого и определяющих концептуальный план произведения с притчевыми и аллегорическими чертами. Главное в романе – не столько напряженные изломы и перипетии трагических событий и психологических переживаний, сколько идейно-философская коллизия, которая определяет поступки и действия персонажа, тесно связанные с решением проблем познания, его границ и ответственности ученого.

Структурируя повествование, аллюзии помимо прочего создают и акцентируют параллелизм процесса морально-психологического кризиса, который по-разному переживается создателем и его созданием, детерминируя его. Испытав на себе мстительность и жестокую агрессивность демона, изначально стремившегося к Красоте и Добру, но встретившего враждебное к себе отношение, Виктор, мечтавший о величии подвига во имя науки и человечества, пройдя через выпавшие на его долю испытания, также озлобился.

Виктор словно смотрится в зеркало, но не прямое, ибо речь идет о внутреннем и параллельно протекающем процессе демонизации обоих персонажей. Каждый из них трагически переживает дисгармонию мира в душе, что и подчеркнуто трансформацией прометеевского начала в люциферовскую, фаустовскую модели трагического индивидуализма.

Роман Мэри Шелли не остался лишь достоянием истории литературы. Обозначив контуры нового жанра «в качестве первого романа научной революции» [4, с. 15], он приобрел новое звучание в современной английской литературе.

1. В предшествующей художественной литературе уже звучал мотив «зараженности» (В. Шкловский) книгой. Достаточно вспомнить известную влюбленную пару Данте (Франческу да Римини и Паоло), вовлеченную на грешный путь прочитанной книгой, или «безумства» Дон Кихота, обязанного своими злоключениями воздействию рыцарских романов. Этот ряд примеров можно продолжить, поместив в него «poisonous book» – отравляющую книгу, попавшую в руки Дориана Грея – персонажа знаменитого романа О. Уайльда – и круто изменившего его жизнь, или героев не менее известных романов Г. Грина.

2. Ведется последовательная датировка событий. Письма, которые Р. Уолпол адресует сестре,

дневник, который он ведет, фиксируя эту необычную историю, имеют хронологически определенные пометы: 11 декабря 17..., 28 марта 17..., 7 июля 17..., 5 августа 17..., 18 мая 17... и так далее. В романе создается впечатление движущегося времени и благодаря речевым темпоральным определителям в дискурсе главного персонажа Виктора Франкенштейна и продолжающего повествование Р. Уолпола: «когда достиг семнадцати лет...» [3, с. 260], «так окончился памятный для меня день.» [3, с. 266], «весна в этом году стояла волшебная...» [3, с. 276], «в прошлый четверг...» [3, с. 283], «наступал май...» [3, с. 282], «была середина августа...» [3, с. 301], «так пришла осень...» [3, с. 330], «наступила зима; с тех пор как я пробудился к жизни, природа совершила полный круговорот» [с. 331], «мы покинули Лондон 27 марта и пробыли несколько дней в Виндзоре...» [3, с. 354], «целую неделю слушал я его повесть» [3, с. 400], «Девятого сентября лед пришел в движение» [3, с. 405].

Примечания

1. В предшествующей художественной литературе уже звучал мотив «зараженности» (В. Шкловский) книгой. Достаточно вспомнить известную влюбленную пару Данте (Франческу да Римини и Паоло), вовлеченную на грешный путь прочитанной книгой, или «безумства» Дон Кихота, обязанного своими злоключениями воздействию рыцарских романов. Этот ряд примеров можно продолжить, поместив в него «poisonous book» – отравляющую книгу, попавшую в руки Дориана Грея – персонажа знаменитого романа О. Уайльда – и круто изменившего его жизнь, или героев не менее известных романов Г. Грина.

2. Ведется последовательная датировка событий. Письма, которые Р. Уолпол адресует сестре, дневник, который он ведет, фиксируя эту необычную историю, имеют хронологически определенные пометы: 11 декабря 17..., 28 марта 17..., 7 июля 17..., 5 августа 17..., 18 мая 17... и так далее. В романе создается впечатление движущегося времени и благодаря речевым темпоральным определителям в дискурсе главного персонажа Виктора Франкенштейна и продолжающего повествование Р. Уолпола: «когда достиг семнадцати лет...» [3, с. 260], «так окончился памятный для меня день.» [3, с. 266], «весна в этом году стояла волшебная...» [3, с. 276], «в прошлый четверг...» [3, с. 283], «наступал май...» [3, с. 282], «была середина августа...» [3, с. 301], «так пришла осень...» [3, с. 330], «наступила зима; с тех пор как я пробудился к жизни, природа совершила полный круговорот» [с. 331], «мы покинули Лондон 27 марта и пробыли несколько дней в Виндзоре...» [3, с. 354], «целую неделю слушал я его повесть» [3, с. 400], «Девятого сентября лед пришел в движение» [3, с. 405].

Литература

1. Соловьева Н.А. Английский предромантизм и формирование романтического метода. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 146 с.

2. Чернец Л.В. «Как слово наше отзовется...»: судьбы литературных произведений. – М.: Высшая школа, 1995. – 239 с.

3. Шелли Мэри. Франкенштейн, или Современный Прометей // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. – М.: Правда, 1991. – 260 с.

4. Aldiss Brian Wilson. The Oxford Companion of English Literature. Ed. By Margaret Drabble. N.Y., Tokyo, Melburn: Oxf. Univ. Press, 1985. – 1184 pp.

5. Connor Steven. The English novel in History: 1950-1995. L& N.Y.: Routledge, 1996. – 260 pp.

6. Maerson Philip. Classical Mythology in Literature, Art and Music. – Lexington, Massachusetts, Toronto, 1971. – 528 pp.

7. Shelley Mary. Frankenstein: Or the Modern Prometheus. Harmondsworth: Penguin Books, 1985. – 270 pp.

Владимирова Наталия Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Рабочий адрес: 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. E-mail: natvl_942@mail.ru

Vladimirova Natalia Georgijevna – Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Yaroslav Mudry State University of Novgorod. Address: 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya st., Velikiy Novgorod, 173003, Russia. E-mail: natvl_942@mail.ru

УДК 80.(571.54)

© А.Н. Дамбаева

ПОЭТИКА И СТИЛЬ: ОСОБЕННОСТИ БУРЯТСКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются некоторые вопросы перевода с бурятского языка на английский, в частности перевод парных слов, повторов, каузативов. Анализируются звукоподражательные, звукоизобразительные и фонэстетические слова, а также парадигматико-синтагматические отношения в языке бурятского эпоса.

Ключевые слова: каузативы, звукоподражательные и звукоизобразительные слова, фонэстетизмы, парадигматико-синтагматические отношения.

A.N. Dambaeva

POETICS AND STYLE: PECULIARITIES OF BURYAT-ENGLISH TRANSLATION

Some intricate problems of the Buryat-English translation are considered, particularly the translation of paired words, repetitions, causatives. Onomatopoeical words, i. e. the use of imitative and naturally suggestive words for rhetoric effect are also given attention to as well as phonaesthetic words. Paradigmatic and syntagmatic interrelationship is under review. The method for system analysis and classification has been discussed.

Keywords: causatives, onomatopoeical, phonaesthetical words, paradigmatic and syntagmatic interrelationship.

В современных условиях глобализации культур актуальным представляется перевод бурятского эпоса о Гэсэре на иностранные языки, включая английский. В основном существует несколько кратких англоязычных пересказа Гэсэриады, включая пересказ Е. Куртина. На английский язык был переведен сводный вариант Гэсэриады, составленный Н. Балдано «Абай Гэсэр хубуун» [1969]. Он отличается блестящим языком, изящным слогом. Правда, мы не можем сказать, был ли перевод завершен. Он был осуществлен американской исследовательницей Энн Джулией Стюарт, но пока текст перевода не опубликован. Поскольку автор перевода использовала не аутентичный фольклорный текст и тем более опиралась на стиховую метрику, принятую в произведениях В. Шекспира, то этот перевод не может быть назван фольклористическим, так как он действительно базируется на литера-

турно обработанном источнике, а не чисто фольклорном произведении. Между тем Э.Дж. Стюарт признавала, что английский перевод Гэсэриады очень востребован в силу расширяющихся международных связей, интенсификации научного обмена, а также по причине того, что бурятский эпос – это один из непревзойденных по своим поэтическим качествам монументальных произведений мировой словесности.

В монографии Л. Ц. Санжеевой «Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля», вышедшей в 2011 году, даны некоторые лексико-семантические и структурно-семантические бурятско-русско-английские параллели. Исследование было проведено на основе бурятского эпоса «Абай Гэсэр Богдо хан», который известен как «альфоровский» вариант и был распространен в Прибайкалье среди молькинских бурят. В силу универсальности некоторых средств

образности (синонимии, антонимии) или, напротив, отсутствия таковых в английском языке (богатство парадигматико-синтагматических явлений в бурятском эпосе, отсутствующих в европейских языках), английские эквиваленты привлекались лишь в тех случаях, когда наблюдались сходные явления, обладающие в то же время своими индивидуальными чертами.

Исследователи выделяют парные слова, состоящие из знаменательных слов, незнаменательных слов, формализованных компонентов. К этому можно добавить некоторые уточнения и дополнения, сделанные Л. Ц. Санжеевой в результате проведенного анализа. Автор анализируемой монографии использовала лексико-семантический критерий для выведения суждения о наличии самостоятельного лексического значения в парных словах. Были выделены три группы парных слов: парные слова, в которых оба компонента обладают самостоятельным лексическим значением; парные слова, в которых второй компонент не имеет самостоятельного лексического значения, в силу чего вне парного слова не употребляется; парные слова, в которых оба компонента не имеют самостоятельного значения, поэтому употребляются вместе как парные слова. В основе этих групп парных слов обнаруживаются синонимичные, антонимичные и ассоциативные отношения. Сюда можно отнести парные слова на основе гипонимических отношений, традиционно сложившиеся парные слова, использование усилительных элементов в них. Основное внимание сосредоточено на бурятских парных словах из текста Гэсэриады. Для сравнения и углубления теоретического анализа рассмотрены некоторые примеры английских парных слов. *Chit-chat* – легкая, светская беседа. *Chit* – ребенок, молодой человек, девочка; *chat* – разговор, болтовня, чат. Оба слова обладают самостоятельным лексическим значением. Первое слово усиливает значение второго. Парные слова *chock-a-block* образованы, по всей вероятности, на основе синонимии, оба слова означают блок, блокирование. Общий элемент смысла – зажатый, переполненный, стиснутый (ср. *chock-full*, *chuck-full*, *choke-full*, произошло от средне-английского *chokke-fulle*. *Tip-top* – это выражение, означающее *высшую степень, высшее качество*. *Tip* означает кончик, острие; легкий удар; чаевые, *top* – вершина. Парное выражение возникло на ассоциативной основе. *Tip-toe* означает *ходить на кончиках пальцев* как балерина или ходить осторожно, чтобы не вызвать шума, произошло от *tip* – кончик и *toe* – палец

ноги. Образование парного выражения обусловлено ассоциативной соотнесенностью.

В парных словах *jig saw (пила)* первый элемент означает живой, быстрый танец или музыку, резкие движения, но можно предположить, что он имитирует звук, напоминающий русское *вжик-вжик*. Это сочетание в некоторой степени связано со словами *zig-zag* (зигзаг) и *zig-zagger* (приспособление на швейной машине, с помощью которого можно сделать зигзагообразный шов). Первый элемент основан на кинеме, вербальном изображении движения, то есть резких, быстрых движений, иногда зигзагообразных.

Приведенных пар слов вполне достаточно, чтобы составить суждение о характере английских парных слов и в теоретическом плане сопоставить их с бурятскими.

В эпическом сюжете эпоса повтор выполняет несколько функций: он выступает и как средство композиционного членения текста, и как обрамляющий компонент повествования, и как средство выделения ключевого слова в художественном повествовании. Л. Ц. Санжеева рассмотрела английские повторы с тем, чтобы сопоставить теоретические аспекты их типологии, сравнить виды проведенной классификации. *Chin-chin* – повтор, означающий церемониальную речь, или употребляемый в приветствии или прощании. Этими словами сопровождается тост за чье-либо здоровье. В одном из диалектов китайского языка означает *please – please / пожалуйста-пожалуйста*, происходит от кит. *ch'ing-ch'ing*.

Повтор *chow-chow* означает консервированную смесь из разных фруктов или других пищевых ингредиентов. *Chowder* – блюдо, похожее на уху, или суп из моллюсков или рыбы и разных овощей. *Chow mein* – блюдо из грибов, овощей с креветками, курицей с добавлением жареной лапши. Произошло от китайского слова, означающего *fried dough* – жареное тесто.

Повтор *hush-hush* переводится на русский язык *тише-тише* или *секретно*, основан на принципе звукового изображения побуждения к тишине. Повтор *ha-ha* – междометие, восклицание, означающее смех. Это также ономапоэтическое слово, показывающее изумленный отклик, реакцию, *ha-ha* означает также восклицание, выражающее удивление. *Bla-bla* означает имитацию разговора, как в русском языке ля-ля или тра-ля-ля, повтор основан на звукоизображении. *Hiss-hiss* – звукоизображение шипения, свиста или звука, издаваемого змеей. *Boom-boom* – имитация звука гулко падения чего-либо. *Cuckoo-cuckoo* – имитация звука, издаваем

мого кукушкой. *Bang-bang* – имитация звука, получающегося при взрыве. Ср. *Big bang* – большой взрыв, в результате которого якобы образовалась Земля.

Анализ вышеприведенных английских повторов позволил Л. Ц. Санжеевой сделать вывод, что английские повторы основываются на имитации, звукоизображении или звукоподражании, выражают эмоции, побуждение или являются заимствованными словами.

Особое место в эпическом тексте занимает явление каузативности, а также его вербальное воплощение в языке и поэтике бурятского эпоса о Гэсэре. В монографии Л. Ц. Санжеевой даны переводы каузативов на английский язык и соответствующий комментарий.

В английском языке существуют каузативные отношения, близкие к бурятским. Поэтому для адекватного теоретического осмысления этого явления автор сочла возможным привлечь английские каузативы. Каузативы своеобразны в морфологическом отношении и значительно отличаются от подобных глаголов в других языках, например в русском. Для более глубокого осмысления этого явления и выведения правильного заключения относительно передачи их значения Л.Ц. Санжеева обратилась к английским глаголам побуждения к действию (*verbs of causation and initiation*): *to allow* – дать возможность, позволить, допустить; *to cause* – быть причиной, побудить; *to enable* – сделать возможным, позволить; *to force* – принуждать, заставить; *to get* – получать желаемое, добиваться; *to have* – иметь желаемое, добиться; *to make* – делать так, чтобы ...; заставить; *to permit* – дать возможность, разрешить, позволить; *to require* – побуждать к действию (требовать, чтобы ...); *to want* – хотеть, чтобы ... Каузативные глаголы наряду с глаголами умственно-чувственного восприятия и оценки являются предвестником комплекса «сложное дополнение» (*Complex Object*). Значение комплекса «существительное + инфинитив» определяется значением предшествующего этому комплексу глагола. После глаголов умственного и чувственного восприятия и оценки этот комплекс эквивалентен придаточному дополнительному, присоединяемому союзами *что* и *как*, а после глаголов побуждения к действию возможно либо сохранение структуры английского предложения, либо использование придаточного цели, вводимого союзом *чтобы*. Например: *They get the project (to be) supported.* – Они добиваются того, чтобы проект был поддержан. *They made them come.* – Они заставили их приехать.

Понятие каузативности в поэтике эпоса, как явствует из исследования Л. Ц. Санжеевой, выражает причинно-следственные отношения в сюжетике произведения, когда одно действие становится причиной возникновения другого действия или состояния или когда осуществляется воздействие одного персонажа на другого или действие одного явления, состояния на возникновение иного явления, состояния. Проникновение в суть языковых проявлений помогает осмыслить некоторые сложные вопросы взаимоотношений между людьми, природными явлениями и объектами, которыми изобилует поэтика бурятского эпоса о Гэсэре.

Между бурятскими каузативами, с одной стороны, и русскими и английскими каузативами – с другой, наблюдаются большие различия, в основном в плане их структуры и частотности употребления, что объясняется различиями в системе данных языков. Бурятский каузатив состоит из одного слова (включая соответствующий суффикс), русский каузативный комплекс состоит из двух, а английский – из большего количества элементов. В этом состоит одно из отличий бурятского каузатива от русского и английского. Подобные специальные каузативные суффиксы в русском и английском языках отсутствуют, существуют каузативные слова.

Выявлены звукоизобразительные и звукоподражательные слова. Показано, как можно установить значение слов по методике, разработанной в работе Л.Ц. Санжеевой. Например: *Шууян шааян байба ла* (с.37); *Шууян шэнжэн оробо ло* (с. 20); *Ши юушье мэдэнэбэйш* (с. 20). В трех вышеприведенных строках «обыгрывается» звук «ш», дающий шумовой эффект или неприятие чего- или кого-либо. *Ёлон ёгшон хэбтэбэ лэ* (с. 73, 348). Два первых слова звукоизображают болевые ощущения, стон и жалобу. *Гууы, гууы, гууы!* – гэжэ // *Хуугайдан хашхаран абаба ла* (с. 340). Первое слово, трижды повторенное, звукоизображает выкрики, ауканье, подзывание. К этому выводу можно прийти исходя из контекста, а также из того факта, что в тункинском говоре есть слово *гуугалха*, означающее «кричать, подзывать, громко звать, кликать, аукать». В английском языке шумовой эффект передается другими сочетаниями звуков и слов: *hubbab, hullabalo, murmur, rustle, buzz, hue and stu*.

Звукоподражательные слова – ган-гун – имитируют звуки, издаваемые при езде на коне (*clank, rattle*). *хаб-һэб* – имитация звуков, издаваемых дуновением ветра (*rustle*). *Холд-хулд* – имитация звука, издаваемого человеком, когда

он пьет какую-либо жидкость (gurgle). Нир-нир – имитация звука, издаваемого человеком, когда он брызгает ртом, поперхнулся или подавился слюной (spit and sputter). Хон – имитация звука, когда выпитая жидкость булькает в горле (gurgle); ян – имитация звука при булькании жидкости в желудке (gurgle). Тад – звукоподражание, выражающее стук, грохот (clash and crash). Соб – звук при вдевании ноги в стремя при посадке на коня, когда всадник слегка подпрыгивает при этом (leap, bob). Гүүлд-гүүлд – имитация звука при питье воды, аналогичное русскому «бульк-бульк» (gurgle). Ган – звук, издаваемый собакой (имитация лая) (yelp). Эбэр-абар – звукоизображение разговора. Эбэр [губэр] шэбэр – звукоподражание разговору, перешептыванию (bla-bla, blah-blah). Гүбэд – звукоподражание, имитирующее бормотание, бурчание про себя (mumble). Нир-нир – имитация кашля (cough-cough). Хаар-баар – изображение звуков, издаваемых некоторыми птицами (scoak-scoak).

Анализ показал богатство бурятского языка выразительными фонэстетическими словами. Сочетания определенных звуков помогают понять общий элемент смысла слов с определенной последовательностью фонем. Например, слова нахиима (прогибать(ся), sagging), хотойма (колыхаться, swaying). С ними по смыслу связан также и ряд других слов. Показано, что даже без помощи словаря можно догадаться об их значении, в этом помогает принцип фонэстетики. Фрагмент *Нахиима найр дуунажа, // Хотойма хатар захадажа* можно перевести следующим образом: Закончив богатый [такой, что столы прогибались под тяжестью яств] пир, начали плавно и ритмично танцевать. Таких слов много в улигере: *mahapa* (рваться, *tearing off*), *хахара хухара* (ломаться, *breaking up*), *хуха хухара* (разломаться, *cracking up*), *нахид* или *нахид-нахид гэхэ* (колыхаться, *swaying*), *хэхэс* (слаживать, *rolling up*), *хотогод гэсэрэн* (сгибать, сгинать, *bending up*), *хам* (*up, all of a sudden*), *нахис нахис* (прогибать(ся), *sagging*), *залд байсаран* (*залд гүүлэхээ*) (неожиданно, *all of a sudden*), *мыс байсаран дуугаража* (громко смеяться, *roaring*),

лажаганасаран (хохотать, *roar with laughter*), *тажаганаха* (мелькать, *run to and fro*) и др.

Фонэстетические слова трудны для перевода на английский язык, так как на уровне таких имитационных звуко сочетаний практически невозможно перевести их из-за отсутствия некоторых из них на английском языке, поэтому автору приходилось обходиться полнозначными глаголами и причастиями или существительными. Использованный подход особенно эффективен, если слово не зарегистрировано в словарях или контекстуальное значение и коннотат также не отражены или некоторые значения не указаны и полностью отсутствуют в словаре.

Специальному исследованию подвергнуты средства поэтического синтаксиса – парадигматико-синтагматические отношения. В исследуемом произведении встречаются отрезки высказываний, где нарушаются традиционные для европейской парадигматики и синтагматики правила. Это связано с особенностями бурятского языка. В монографии Л.Ц. Санжеевой, посвященной и многим другим вопросам, не освещенным в этой статье, сделаны очень важные выводы, проливающие свет на сложнейшие вопросы поэтики текста эпоса. Исследование было выполнено на базе источника, которое мало изучено и не переведено на другие языки, включая английский. Проведенное ею исследование является значимым вкладом в фольклористическую и лингвистическую науку.

Литература

1. Санжеева Л. Ц. Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 278 с.
2. Хундаева Е.О. Бурятский героический эпос о Гэсэре (связи и поэтика). – Улан-Удэ,
3. Черемисов К.М. Буряад-ород словарь. Бурятско-русский словарь. – М., 1973. – 803 с.

Источники

1. Абай Гэсэр Богдо хаан. Бурядай морин ульгэр / сост. С.П. Балдаев; подгот. текста: М.И. Тулохонов, Д.Д. Гомбоин; науч. ред. А.И. Уланов; РАН. Сиб. отд-ние. БИОН. – Улаан-Үдэ, 1995. – 525 с.
2. Абай Гэсэр хубуун. Буряад арадай ульгэр / сводный текст и литературная обработка Н.Г. Балдано. – Улан-Удэ, 1959. – 607 с.

Дамбаева Арюна Нарановна – кандидат филологических наук, ведущий специалист АОУ ДПО РБ «Республиканский институт кадров управления и образования», старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета. 670000, Улан-Удэ, ул. Советская, 30. Тел.: 63-63-50 (сот.). E-mail: adambaeva@yandex.ru

Dambaeva Aryuna Naranovna – candidate of philology, leading specialist of the Republican Institute of Management and Education Staff. 670000, Ulan-Ude, Sovetskaya str. 30, tel: 215648, 636350, E-mail: adambaeva@yandex.ru

ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕКСТА: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

В статье обосновывается правомерность постнеклассического подхода к интерпретации текста с точки зрения природы протекания доречевого процесса – мыслительной части семиозиса. Последнюю можно также описать в рамках синергетических измерений.

P.P. Dashinimaeva

TEXT HERMENEUTICS: POST-NEOCLASSIC PARADIGM

The article provides proof of post-neoclassic text interpretation approach. Its relevance is claimed on the basis of prespeech – cognitive – semiosis mode. The author also suggests philologists should correlate the new paradigm to synergy phenomena.

В литературе традиционно считается, что восприятие сообщения не может не быть универсальным, предсказуемым в аспекте тождества понимания объективного и субъективного содержаний, т.е. не может не быть детерминированным актом интерпретации. Прежде всего это связывается уникальностью внешней действительности и схожестью в мотивации познать ее (мол, видим одно и то же, стало быть, понимаем одно и то же).

Презумпция подобного толка вступает в противоречие с синергетическим феноменом, подразумевающим некий постмодернистский хаос, поэтому синергетическое измерение по определению невозможно приложить к интерпретации текста. Попробуем опровергнуть сие убеждение, рассмотрев на «более близком расстоянии» онтологию и предназначение синергетической парадигмы, тем самым обосновать правомерность применения законов синергетики в анализе сферы языка-речи, в частности в декодировании текста.

Отправной точкой обоснования идеи, почему синергетика с природой креативности и нелинейности протекания все-таки как нельзя лучше описывает процесс интерпретации, служит то, что релятивизм как базовое синергетическое измерение сродни природе *истоков* речепродукции, а именно – мыслительной части семиозиса индивида. Итак, далее будем говорить о мышлении-познании и обоснуем правомерность наших выводов с философской точки зрения (здесь мы признаем тот факт, что лучшие знатоки интраперцепции – это философы).

В своем традиционном понимании мы часто упускаем из виду то, что язык лишь *эксплицирует* в знаках «готовое» знание, что познание объекта / явления / понятия происходит посредством доязыковых составляющих семиозиса –

мышления (и внутренней речи), что ментальный процесс – будь то познание или семиозис – это всегда самотрансценденция: субъект ищет, спотыкается, как бы находит, но возвращается в поисках альтернативного пути, останавливается на очередной точке, понимая, что в целом полнота экзистенций недостижима (в терминологии синергетики следствия индивидуальных действий называют флуктуациями).

Из вышеупомянутого релятивизма вытекают следующие презумпции:

- самодостаточность семиотической среды – необязательность референции к феноменам внешнего мира в физическом смысле, необязательность внешней причины трансформаций мыслей (принудительной каузальности) и фундаментальный статус случайности;
- открытость речемыслительного процесса – непредсказуемость следования состояний и стадий в производстве речи, и соответственно, вероятностный характер прогноза восприятия речи.

Данные два фактора обусловлены *личностью* (по)знания. Вспомним, что Кант показывал условие определения индивидуального бытия в «Критике чистого разума»: в трансценденции «общее понятие о вещи полностью определяется самим собой и познается как представление об индивидуальности» [5, с. 507]. Это значит, что субъект актуализирует в речи себя как Эго и в этом смысле речемыслительная сфера самодостаточна и открыта, каждая объективация мысли в речи есть уникальный, неповторимый когнитивный акт.

Вопреки популярному мнению о том, что индивид активизирует, прежде всего, некую базовую / первичную / прототипическую составляющую знания, общую для всего этноса, затем – периферийные элементы, которые носят идиолект-

ный характер, наша позиция прямо противоположна: речемыслительный процесс структурирован личностно, уникально, т.е. становление и развитие мысли всегда личностно, где общесемантический «сухой осадок» занимает достаточно скромное, минимальное положение. Разница лишь в степени *эго*: от индивида к индивиду оно разнится от суперэго до разумной степени эгоцентризма.

Вернемся непосредственно к герменевтике текста, письменного или устного. Субъект, читая или слушая текст, не может беспристрастно выступать в одном качестве метанаблюдателя: он одновременно проявляется и как «самонаблюдатель», осуществляя интроспективные операции «здесь и сейчас», с одной стороны, и основывая это самотрансцендирование на своих представлениях, убеждениях и верованиях – с другой.

Наиболее выпукло данный фактор показан в описании роста знания у венгерско-английского физико-химика и философа Майкла Полани в программной работе «Личностное знание. На пути к посткритической философии» (1985), во многих отношениях противостоящей критическому рационализму К. Поппера, но сходящейся с последним в использовании принципов биологической эволюции в теории самоорганизации коммуникативной активности субъекта в познании.

У Полани вместо критического рационализма – некоторая форма веры, присутствующая в молчаливом, неартикулированном знании, с одной стороны, и субъективном, личностном знании – особом эпистемологическом гештальте – с другой: «потому что, будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения» [6, с. 20]. Отождествление в новой языковой онтологии проходит в бессознательном и осознаваемом *личностном* самотрансцендировании.

Рассмотрим в связи с этим две цитаты Жилия Делёза: 1) «Язык никоим образом не возможен без субъекта, выражающего и манифестирующего себя в нем, без объекта денотирования, без классов и свойств, которые означаются в соответствии с фиксированным порядком» [2, с. 113]. 2) «... безличные и доиндивидуальные номадические сингулярности конституируют подлинное трансцендентальное поле. Способ, каким индивидуальное порождается этим полем, представляет первый этап генезиса... индивидуаль-

ность бытует в мире всегда как цикл схождения» сингулярностей, которые «сворачивают конечное число этой системы» в «конечную энергию» [Там же, с. 153-154].

Если адаптировать философский язык автора применительно к семиозису, это значит: 1) каждый субъект выражает в языке *свои* представления и образы того или иного денотата (которые сформировались независимо от языковой номинации); 2) индивидуальность проявляется на миг во время «схватывания» смысла «здесь и сейчас» в виде «фиксированного и необратимого направления», при этом всё это происходит только внутри трансцендентального поля.

Иначе говоря, благодаря «нонсенсу»-бифуркации происходит пусть хаотичное, но становление мысли, при этом речь не идёт о единственно возможной версии обретения смысла [Там же, с. 198-224]: нонсенс выполняет функцию инициации *версификации* (появления версий) смысловых серий. На наш взгляд, Ж. Делёз очень удачно иллюстрирует на протяжении всей книги речемыслительные флуктуации и бифуркации ссылками из «Алисы *в стране чудес*» *Льюиса Кэрролла*. Так, Шляпный Болванщик и Мартовский Заяц живут в своем направлении, но эти направления нераздельны, ибо они переходят «в другое в точке, где оба обнаруживаются друг в друге».

Как представляется, метафора Кэрролла стоит в озвучивании, экспликации парадоксального алгоритма, движения человеческой мысли в языковых знаках, т.е. то, что трансцендентно, становится у него нетрансцендентным в игровом, комичном, но всегда символическом формате. В этом и состоит, по-видимому, гениальность мысли английского философа, математика и писателя Чарльза Лютвиджа Доджсона, писавшего свои оригинальные произведения под псевдонимом.

М. Фуко считает, что *Логика смысла* Ж. Делёза должна иметь подзаголовок *Что такое мышление?*¹ Сам он неоднократно подчёркивает двусоставность мышления – мысль-событие и мысль-фантазм, из которых первая сингулярна «как бросок кости», вторая – множественна-циклична. Мысль конструирует понятия, а внутри понятий действуют повторения, которые становятся организующим принципом для уподоблений. Так, неограниченные повторения замедляются в событие сингулярной точкой – мысль состоялась как интенсивная иррегулярность. Относительно процесса мышления Фуко использует метафорическое сочетание *мораль доброй воли*, которая является фундаменталь-

ным фактором, защищающим «мысль от её «генитальной» сингулярности»: лиши мысль данной морали, «тогда различие исчезло бы как общий признак, ведущий к всеобщности понятия, и стало бы – различенной мыслью, мыслью о различенном – чистым событием» [7, с. 458-459].

Таким образом, в современной постмодернистской философии содержание термина «нон-сенс» сводится к отсутствию заданного и стабильного смысла, т.е. термин по определению подразумевает потенциал множественного означивания и специфическую структуризацию.

Что касается структуры смысла в классической и неклассической парадигмах, вспомним, что она представляла неизменную и устойчиво-центрированную, осевую ориентацию. Генетически заложенное в когнитивной базе индивида синтагматическое дерево Хомского, производящее ветви в соответствии с заданным алгоритмом, может быть иллюстрацией осевой структуры, хотя, воздавая должное генеративной теории, оговорим, что структура относится не к семиозису, а к сфере внешней речи.

В постмодернизме древовидной форме обычно противостоит «ризом» (термин *от фр. rhizome* – корневище, введён в обиход Жилем Делёзом и психоаналитиком Феликсом Гваттари в 1976 г.), подразумевающая структурное единство множественного: «Понятие единства (*notion d'unité*) появляется только тогда, когда во множестве происходит захват власти означаемым» [2, с. 136]. Недаром итальянский теоретик У. Эко определяет ризому как прообраз символического лабиринта, т.к. у неё нельзя выделить ни начала и ни конца, ни генетической оси и ни центрирующего критерия, тем не менее можно выделить, по мнению создателей понятия, такие основные свойства, как связность, гетерогенность, множественность, незначущий разрыв, картографическое свойство (пространственное расположение) и декалькоманию (от-тиск-перевод) – все то, что характеризует синергетически организованные системы как речемышление.

Нелинейная ризоморфность структуры текста обосновывается апеллированием к «Смерти автора» Ролана Барта, который, называя литературу письмом, постулировал незаданность означаемого: «в многомерном письме все приходится распутывать, но расшифровывать нечего», ибо «невозможно достичь дна»; «письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улетучивается, происходит систематическое высвобождение смысла». Так, в отсутствии окончательно-

го смысла, заложенного в письме (что подразумевает также и смерть критики), правомерно постулировать свободу контртеологической мысли, отвергнув «бога и все его ипостаси – рациональный порядок, науку, закон» [1, с. 389-390].

Интересна идея Жака Деррида об «обозначении лика означаемого по ту сторону лика означающего» [4, с. 122], т.е. идея об асимметричности означающего и означаемого. Это значит, что он подвергает критике фоноцентрическую концепцию знака Соссюра с самоприсутствием субъекта в речи, хотя, с другой стороны, в представлении языка как «поля играющих различий» он опирается на постулат о произвольности знака. В подобной критике Деррида во многом следует за Ницше и Хайдеггером. В частности, принимая хайдеггеровские онтоко-онтологическое² различие и деконструкцию метафизики присутствия, он ставит цель «расшатать механическую, линейную систему соответствий между полем означаемых и цепочками означающих» [3, с. 424]. Данная цель мотивирована убеждением в том, что бытие, которое выступает в качестве означаемого, существует в разных проявлениях: до его локального определения следует дифференцировать бытие «идеальное», «которое *есть* и отличается от реального, которое *не есть*, а также и от фиктивного, которое принадлежит области возможного реального» [там же: 170]. Локальное понимание бытия, семиотическая специфика индивида, внутренняя интенция, смысл и другие мнимые, отсутствующие в языке точки, создают основу для предписания смещений в означивании и развеивания соссюровского мифа соответствия.

Исследователям свойственно описывать явления под нажимом «стремления к центру» – предприсутствующего в мышлении, что всегда якобы бывает помыслен в форме некоего сущего. По Хайдеггеру, определения бытия как присутствия характеризует поверхностное толкование явлений и забвение Бытия сущего.

Так, вместо метафизики присутствия постулируется метафизика отсутствия – отсутствия заданного предсуществующего. Последнее, как мы убедились, служит аргументом в пользу того, что интерпретация текста обусловлена пределами и законами игры означивания. Для искоренения подобных «центризмов» необходимо осуществлять деконструкции на целом ряде уровней: этимологическом, социокультурном, семантическом, синтаксическом и других. Данное воззвание Деррида может служить инструкцией к руководству для всех тех филологов, ко-

торые постулируют законность множественности интерпретации смысла и, так скажем, «созрели» для работы в рамках постнеклассической парадигмы.

Примечание

1. Процесс и пространство мышления сам философ называет «театром».
2. По Хайдеггеру, онтический – относящийся к сущему (Seiendes), т.е. предметно-чувственному миру, онтологический – относящийся к условию возможности сущего (Sein), к пониманию предельной смысловой возможности всякого вопрошания. Место, в котором может быть поставлен вопрос о смысле бытия, – это сущее, называемое Dasein, которое характеризуется в «Бытии и времени» как «онтически самое близкое», но «онтологически самое далекое» [8].

Дашинимаева Полина Пурбුවена – доктор филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16, тел: 8 (301-2) 210060, 89146349821, e-mail: polinadash58@mail.ru

Dashinimaeva, Polina Purbuevna – doctor of sciences, associate professor at the chair of translation and intercultural communication, Buryat State University, Faculty of Foreign Languages, Address: 670000, Ulan-Ude, Sukhe-Bator st., 16, tel: 8 (301-2) 210060, 89146349821, Email: polinadash58@mail.ru

УДК 81

© Т.М. Дей

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД КАК СРЕДСТВО ФИКСАЦИИ НОВОГО ЗНАНИЯ О МИРЕ

Статья посвящена исследованию синонимического ряда, обозначающего процесс кражи в немецком языке. Синонимический ряд с доминантой stehlen представлен как динамическое явление, отражающее происходящие изменения в обществе и рассматривается в качестве средства фиксации новых знаний о мире, обусловленных новыми способами, объектами и процессом кражи.

Ключевые слова: синонимия, синонимический ряд, познание, динамика, кража, красть, внеязыковая действительность

T. M. Dey

SYNONYMIC ROW AS A MEANS OF FIXING NEW KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD

The article investigates the synonymic row of words meaning the process of theft in the German language. The synonymic row with the dominant word «stehlen» (to steal) is described as a dynamic phenomenon, reflecting changes in the society, and is viewed as a means of fixing new knowledge about the world, connected with the new ways, objects, and other indications of theft.

Keywords: Synonymy; synonymic row; cognition; dynamics; theft; steal; extralinguistic reality.

Diebstahl (кража) является древнейшим феноменом, представляющим острую социальную проблему современности в любом обществе на любой стадии развития. Лингвистическому описанию феномена кражи посвящен ряд исследований на материале разных языков. Так, в синхронном плане систематизированы и описаны глаголы приёма и изъятия nehmen, entnehmen, entreißen, rauben, stehlen, их синтаксическая и

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384-391.
2. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
3. Деррида Ж. Письмо и различие / сост. и общая ред. В. Лапицкого. – СПб.: Академический проект, 2000а.
4. Деррида Ж. О грамматологии / вступ. ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000б.
5. Кант И. Собрание сочинений. – Т. 3 – М.: Мысль, 1964.
6. Полани М. Личностное знание. На пути к посткристической философии. – М.: Прогресс, 1985.
7. Фуко М. Theatrum philosophicum: пер. с фр. Я.И. Свирского // Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 441-473.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997.

лексико-семантическая сочетаемость, выделены тематические группы слов, с которыми сочетаются эти глаголы [23]. На материале немецкого языка описана категория отчуждения, среди языковых средств её выражения выявлена лексико-семантическая группа предикатов с семантикой отчуждения в процессе кражи [15]. Diebstahl является объектом анализа в сопоставительном плане, в результате которого уста-

новлены общие и отличительные признаки в восприятии и оценке явления воровства на основе фольклорных текстов, а именно народных сказок, пословиц, поговорок русского и английского языков [11] и русского и немецкого языков [16]. Однако существующие в данный момент исследования не в полной мере отражают потребности лингвистики иметь систематизированное представление о языковых средствах описания Diebstahl в их взаимодействии в плане диахронии и синхронии, что обусловило обращение к синонимическому ряду с доминантой *stehlen* с общим значением «*widerrechtlich und heimlich in seinen Besitz bringen*» [32, с. 511].

Обращение к целому ряду объясняется, во-первых, необходимостью комплексного исследования заложенного в синонимический ряд набора возможных языковых средств описания феномена кражи, которые, сохраняя свою особенность, так переплетены между собой, что нередко трудно отличить их один от другого. Наряду с отмеченными недочетами однородность смыслового пространства имеет безусловные достоинства: «... живое единство им небезразлично, а, напротив, представляет собой субстанцию, в которой и через посредство которой они только и могут сохранять свою собственную индивидуальность» [3, с. 124]. Во-вторых, осознание и знание имеющихся в распоряжении человека возможных средств выражения одного и того же позволяет ему выбрать ту языковую единицу, которая наиболее соответствует конкретному моменту. В-третьих, это обусловлено ещё и тем, что «синонимические ряды «заложены» в когнитивную модель носителя языка. Чем шире синонимический ряд, тем больше синонимов может номинировать явление действительности, тем глубже оно познано, тем больше мыслительных операций, являющихся результатом намеренного ментального задания, может быть осуществлено носителем языка» [21, с. 98]. В-четвертых, синонимический ряд представляет собой динамичную, гибкую систему с гибкой системой противопоставлений между объединенными в нём языковыми единицами, отражающими каждую эпоху жизни языка [17, с. 99], следовательно, в нём сконцентрирован многовековой опыт общества о способах, объектах, субъекте кражи, а также их культурологические и аксиологические характеристики. Данное обстоятельство позволяет характеризовать синонимический ряд на основе известного определения языка, согласно которому он является «не только средством выражения уже познанной

истины, но и, более того, средством открытия ранее не известной» [4, с. 16].

Собственность выступает «одной из универсальных категорий культуры» [5] и принадлежит к числу «первичных социальных институтов» [12, с. 7], представляя собой объект, непосредственно относящийся к личной сфере каждого человека. Поэтому отчуждение собственности в результате кражи переживается каждым человеком, поскольку взаимодействие своего и чужого миров, то есть притяжение или отталкивание между ними и объектами их сфер, определяется двумя максимумами *bonum* и *magnum*, интерпретируемыми как «хорошо», следовательно, желательно, и как «плохо», т.е. нежелательно для человека [13, с. 44].

Основополагающим для описания синонимического ряда является тезис о неодинаковости характера мышления человека во все времена становления и развития человечества. Характер мышления отражал особенности отдельных этапов развития психики и культуры человека [7, с. 16]. Об этом свидетельствует первоначальное значение наиболее древней по происхождению лексемы из рассматриваемого ряда *stehlen*, имеющей такой компонент, как «*das heimliche Wegnehmen einer Sache*» [27, с. 804]. Вполне очевидно, что в значении *stehlen* «*heimliches Wegnehmen einer Sache*» нет указания на негативную оценку совершения действия. Однако в дальнейшем тайный, скрытый способ изъятия чего-либо стал толковаться как нежелательное явление, и, как следствие, тайное изъятие вещи получает оценку, которая «не просто экспрессивно выражает чувства одобрения и возмущения общности, но и устанавливает, в каком отношении находится совершенное действие к нормативу» [8, с. 256]. Изменение в миропонимании человека обусловлено процессом развития социально-правовых отношений в обществе, где тайное изъятие вещи стало рассматриваться уже как нарушение правовой нормы, представляющей собой «... жестко закрепленные социальные оценки со строго фиксированной санкцией» [10, с. 156]. А в значении лексемы *stehlen* появляются смысловые компоненты «*widerrechtlich*» [34, с. 3549] и «*unerlaubterweise*» [28, с. 887], следовательно, тайное изъятие вещи стало расцениваться в обществе как противозаконное действие.

Аналогична картина с одним из близких доминанте синонимов анализируемого ряда – *gauben*. Известно, что в сознании человека первоначально фиксируется только то, что доступно зрению [7, с. 66]. Германские войска, совер-

шавшие захватнические походы, кормились постоянными войнами, разбойничьими набегами и грабежами [9, с. 21], т.е. изъятию подвергалось то, что попадало в поле зрения воина. Образ жизни древних германцев, совершавших захватнические походы, в результате которых добывались трофеи, одежда, военное снаряжение, отражен в значении глагола *rauben*. Так, в его значении есть смысловые компоненты «*reißen*», «*zerreißen*», которые соотносятся со значением имён существительных *Abreißen*, *Entreißen*, обозначающих процесс изъятия у противников и убитых врагов во время военных действий военного снаряжения и одежды. Глагол *rauben* соотносим с существительным *Raub*, которое в древневерхненемецком языке (*roub*) имело значение «*Beute, Raub*» (добыча), «*Kleidung, Rüstung*» (одежда, снаряжение), а в средневерхненемецком слово *roup* означало «(Kriegs)beute» (военные трофеи) [27, с. 654].

Нельзя понять отношение древних германцев к собственности, если подходить к этому вопросу с узко экономической точки зрения. «Захваченные богатства – драгоценности, одежды, оружие – превращались в свидетельства героической жизни, становились важнейшими знаками высокой доблести вождя и его дружины ... Следовательно, богатство, полученное от войны, приобретало значение социального отличия. В варварском обществе оно было не средством товарного обмена и не источником накопления, не сколько пускалось в оборот, сколько выполняло знаковую функцию» [6, с. 230]. Доминирующая модель поведения свидетельствует «... о преобладающей мотивации человеческого поведения на данном этапе этнического развития» [Шапошникова, 2003: 33].

Их основной деятельностью в условиях общественно-родового строя являлось скотоводство и примитивное земледелие. Именно это было главным богатством германцев, поэтому слова *fihu*, *Vieh* употребляются в значении «имущество», «деньги». Их изъятие могло вызывать взаимную вражду между родами. Есть данные, что с 300 г. формируются правовые нормы и вместе с тем институт права истребования движимого имущества собственником из чужого незаконного владения (под движимым имуществом понималась краденая лошадь и т.п.) [1, с. 11-16]. Откликом на изменения в обществе явилось расширение смыслового объема за счет появления смыслового компонента «*widerrechtlich*» у глагола *rauben*. Таким образом, произошедшие изменения обусловили появление у *rauben* значения «*Eigentum eines*

anderen widerrechtlich und unter Anwendung oder Androhung von Gewalt in seinen Besitz bringen» [26]. Причём глагол употребителен для описания процесса изъятия имущества и в мирное время: «*Am ersten Tag der Freiheit griff er zwei Jugendliche mit dem Messer an und raubte ihnen Geld*» [Spiegel, 21.04.1999].

Расширение знаний человека о феномене Diebstahl способствовало образованию дериватов. К числу дериватов глагола *rauben* относится *ausrauben*: «*Denn im Gegensatz zu den smarten Casino-Räubern um George Clooney gingen die Berliner Täter nicht wie Gentlemen-Gangster vor, sondern eher wie brutale Kriminelle, die einen Supermarkt ausrauben*» [Spiegel, 08.03.2010]. В отличие от *rauben* глаголом *ausrauben* подчёркивается объём и масштаб кражи, поскольку у префикса *aus-* в семантическом объёме зафиксированы смысловые компоненты «расширения, увеличения чего-либо», «значение охвата действием определенного пространства» [19, с. 74-75].

В средневерхненемецкий период развития языка появляется глагол *plündern*, в дальнейшем *plündern*, который понимается немецким языковым сознанием в этот период как «*Hausgerät, Kleider, Wäsche wegnehmen*» [27, с. 615]. Глагол *plündern* появился как производная от слова *Plunder*, означающая «*Hausgerät, erbeutetes Kleid*» [29, с. 556]. Со временем глагол *plündern* расширяет своё значение «*(unter Ausnutzung einer Ausnahmesituation) in Geschäfte, Wohnungen raubend und zerstörend eindringen*» [28, с. 718], «*aus Geschäften und Häusern Dinge stehlen (besonders im Krieg oder während einer Katastrophe)*» [31, с. 758]. Согласно данным словарных дефиниций, у глагола *plündern* появляются компоненты «*stehlen*», «*raubend und zerstörend eindringen*», при этом подчёркивается, что присвоение чего-либо происходит во время чрезвычайной ситуации «*unter Ausnutzung einer Ausnahmesituation*», или «*besonders im Krieg oder während einer Katastrophe*», например: «*Ich aber habe befohlen, dass in meinem Heer während einer Schlacht nicht geplündert werden darf. Heute werde ich euch zeigen, weshalb ich dieses Gesetz erließ*» [Kurt David, 1966: 159].

Глаголу *plündern* свойствен смысловой компонент «*leeren*» [Duden, 1985], что предполагает совершение кражи в пределах какого-либо пространства, причём как минимум несколько предметов: «*In der Nacht von Freitag auf Samstag wurden in der Gegend mehrere Geschäfte geplündert und Menschen bedrängt*» [Spiegel, 29.01.2011].

Для описания захвата или присвоения самой территории или местности могут использоваться *stehlen* и *wegnehmen*, которые в отличие от *plündern* не имеют смыслового компонента «leeren», ср.: (1). «Die Weißen hatten ja den Indianern das Land weggenommen, alles Land an der Juniata und an der großen Straße nach Philadelphia bis ans Meer» [Anna Jurgen: 141]. (2). «Ich habe einen Garten gestohlen», sagte sie sehr schnell. „Er gehört keinem Menschen. Niemand will ihn haben, keiner kümmert sich um ihn, keiner geht hinein» [Frances H. Burnett, 1978: 75].

С появлением товарно-денежных отношений в обществе расширяется круг объектов незаконного приобретения. В первую очередь речь идет о денежных средствах, которые могут быть присвоены путём махинаций и обмана. Следствием использования высоких компьютерных технологий является незаконный перевод денежных средств со счёта или растрата доверенного имущества. Субъект кражи приобретает иные, отличные от древнего человека качества, это человек, обладающий высоким интеллектом и осваивающий современные инструменты и новые способы кражи: растрата доверенного имущества, компьютерные махинации, взламывание банковских счетов, личных данных владельцев банковских карт. Таким образом, субъект кражи может быть человеком не только с низким интеллектом, нередко настроенным агрессивно по отношению к окружающим людям, но и человеком, обладающим высоким интеллектом и образованием [18, с. 283]. Для обозначения такого способа кражи используются в немецком языке синонимы *unterschlagen* и *veruntreuen* [24, с. 780; 34, с. 649].

В средневерхненемецком языке *unterschlagen* означало «für beiseitelegen, (unter etwas) verbergen». В XVII в. имеет место расширение значения за счёт появления компонента «rechtswidrig behalten». В современном немецком языке под словом *unterschlagen* понимается «meist Geld oder wertvolle Dinge, die anderen gehören (besonders solche, die man aufbewahren oder verwalten soll), stehlen» [31, с. 1043]. Отмечается также обманный способ присвоения имущества «Gelder, Werte, die einem anvertraut sind, die man verwaltet, nicht für den vom rechtmäßigen Eigentümer gewollten Zweck verwenden, sondern sich auf betrügerische Weise selbst aneignen» [26, с. 1617]. Это относится к действиям, уголовно наказуемым, и понимается как «Zueignung einer fremden beweglichen Sache. Doch eignet sich der Täter in diesem Fall eine

Sache zu, die er bereits in Gewahrsam hat» [30, с. 156].

Следующим синонимом рассматриваемого ряда является глагол *veruntreuen*. Предположительно глагол возник от слова *treu*, которое изначально означало «wahr, richtig, echt», а также префиксов *un-* и *ver-*. Согласно этимологическим данным, префикс *ver-* произошел от индоевропейского префикса *per-*, который имел значение «unternehmen, wagen» [27, с. 864, 888]. Таким образом, есть основания полагать, что первоначально слово *veruntreuen* означало «нечестно, неправильно предпринимать что-либо». В современном немецком языке лексема *veruntreuen* имеет похожее значение с синонимом *unterschlagen* «(anvertrautes Geld oder Ähnliches für sich oder andere Zwecke unrechtmäßig behalten)» [28, с. 1045]. Однако в отличие от слова *unterschlagen* подчёркиваются злоупотребления должностными полномочиями и нарушение возложенных на кого-либо обязанностей соблюдать интересы чужой собственности [30, с. 156].

Кроме синонимов *veruntreuen* и *unterschlagen* кражу способом обмана и махинаций обозначает лексема *betrügen* [Wahrig, 2006; Bulitta, 2007], которая трактуется «bewusst täuschen, irreführen, hintergehen», «durch Betrug um etwas bringen» [28]. В другом словаре немецкого языка уточняется значение «j-n bewusst täuschen, meistens um damit Geld zu bekommen» [31, с. 160].

Обратимся далее к описанию объекта кражи. В процессе освоения мира человеком меняется его отношение к некоторым явлениям и процессам, которые ранее не были столь для него значимы. Ценными для человека становятся не только материальные, но и нематериальные объекты. Отражением этих изменений является сочетаемость глаголов данного ряда с именами абстрактной семантики *Gedanken*, *Ideen*, *Zeit*, *Schlaf*, являющимися актантами глаголов *stehlen* и *rauben*. Отметим, что лексема *rauben* в значении «die Zeit, den Schlaf rauben» употребляется чаще, чем в значении «etw. unter Androhung von Gewalt in seinen Besitz bringen». Как известно, мышление и сознание древнего человека отличались от человека средневековья или современного человека. В древности и раннем средневековье «человеческое время рисуется как малоценное или вовсе ничтожное» [6, с. 239]. Иными словами, абсолютная ценность придавалась событиям, которые были отделены от времени. Происходившие события, совершающиеся ранее и сейчас, воспринимались архаическим сознанием как явления одного плана, проте-

кающие в одной временной длительности. Так, «в XIII же столетии автор «Песни о Нибелунгах» создаёт сложную композицию, в которой легендарная древность, окрашенная мифом и сказкой, сплавляется с историческим временем» [6, с. 68]. Однако в этот период «нет представления о непрерывно текущем потоке времени, оно дискретно, прерывисто» [6, с. 123]. Изменение самосознания повлекло за собой изменение состояния когнитивной системы в целом. С того момента в сознании человека начинают формироваться понятия времени и пространства, он пытается интерпретировать их связь и оценить свое место в этом пространстве и времени. Современный человек, осознавая изменчивость бытия, стремится наполнить его глубоким содержанием и реализовать себя в нем. Во многих употреблениях слово *die Zeit* символизирует определенное дело, которому должно быть отведено данное время. Так, например, тратить время означает не выполнить определенного дела, ничего не делать полезного. Понятие времени наполняется понятием «имущество, владение». Работа, совершаемая человеком в определенный отрезок времени, может приносить блага, капитал [2, с. 325], при этом ««скорость» приобретает высокую ценность и это отчетливо проявляется в нашем поведении» [20, с. 139-168]. Так, в романе Томаса Манна «Будденброки» подчеркивается значимость времени «Die Zeit ist kostbar – verlieren wir sie nicht mit Bedenken!» [Mann, Th. 578].

Потеря времени может происходить при его нерациональном использовании: «Lassen Sie uns ganz nüchtern zur Sache kommen, wir wollen uns nicht gegenseitig die Zeit stehlen.» [Steinberg, 1983: 473]. Лексема *stehlen* употребляется в значении «отнимать время», «напрасно тратить время». Это же значение свойственно другому синониму *rauben*: «... er zieht stark an der Pfeife, drei Einladungen allerdings, er notiert die Termine, das wird ihm Zeit rauben, zumal wenn er nichts über diese Veranstaltungen berichtet, und er wird natürlich nichts darüber berichten» [Steinberg, 1983: 495].

Выбор синонима *rauben* обусловлен в большей степени негативными эмоциями, вызванными нежеланием тратить свое время на запись встреч, на их планирование. Эмоции актуализируются такими смысловыми компонентами глагола *rauben*, как «Gewalt», «fressen», «fangen» [31, с. 790], поэтому выбор *rauben* в отличие от *stehlen* обусловлен переживаниями человеком сильных негативных эмоций.

В современном обществе значимость приобретает интеллектуальная собственность. Для того чтобы присвоить или украсть интеллектуальную собственность, например, идеи, новинки и т.п., как правило, первостепенной задачей является узнать об этих разработках: «Wenn eine Regierung wirklich unser Know-how stehlen will, kann sie das auch bei uns zu Hause in Kalifornien versuchen. Wir müssen unser geistiges Eigentum weltweit schützen» [Spiegel, 07.04.2008].

В словосочетании *Geheimnisse stehlen* у глагола *stehlen* актуализируется смысл «узнать, выведать», поскольку лишить тайны нельзя, она является достоянием кого-либо субъекта, её можно только узнать: «Die Technik hat auch neue Wege geschaffen, wie Staaten Angriffe gegeneinander führen können, indem sie die Infrastruktur lahmlegen oder Geheimnisse stehlen, so dass die Angst vor einem «Cyber-Krieg» zunimmt. Die Bedrohung ist echt. In den Computernetzen der britischen Regierung gehen pro Monat rund 20.000 bösartige E-Mails ein; tausend davon sind gezielte Angriffe auf diese Netze» [Spiegel, 18.10.2011].

Нередко в профессиональной среде музыкантов, актеров и телеведущих употребляется словосочетание *die Show stehlen*: «Vielleicht hatte sich Schmidt aus Respekt vor dem 80-Jährigen die Show stehlen lassen, vielleicht hatte er seine eigene Show auch einfach nur satt. Wahrscheinlich beides» [Spiegel, 13.09.2011]. Другой пример показывает, что у словосочетания *die Show stehlen* появляется смысл «лишить», «оборвать»: «Das Erfolgsprinzip von Lady Gaga heißt Originalität: Stars können noch so tief ausgeschnittene Kleider tragen, noch so viel Intimes auf dem roten Teppich ausplaudern – wenn Gaga in einem Kleid aus Fleischlappen auftritt, stiehlt sie allen die Show» [Spiegel, 20.07.2011].

Вне профессиональной сферы актёров и телеведущих сочетание лексем *die Show stehlen* актуализирует значение «прервать, прекратить или лишить какое-либо действие, замысел», это можно пронаблюдать в следующем примере: «Ich rief: „Ilse, die Mama hat mit den Eltern der Evi telefoniert!“ Die Mama schaute mich böse an und rief: „Verswinde, aber sofort!“ Sie war wütend auf mich, weil ich ihr die Show gestohlen hatte. Ich bin aus dem Wohnzimmer gegangen. Doch hinter der Tür bin stehen geblieben. Ich wollte ja wissen, was weiter geschieht» [Christine Nöstlinger: 22].

Немаловажным фактором в жизни человека является его физиологическое состояние – сон. При этом различные причины могут вызывать беспокойство и тревогу, как следствие, человек

лишается сна. Лишение чего-либо против желания, воли человека ассоциируется в сознании человека с кражей, это актуализируется в немецком языковом сознании сочетаниями лексем *den Schlaf stehlen/ rauben*: «Aus dem «Leben auf Pump» ist für viele ein «Leben auf Sicht» geworden. Unsicherheit und Ungewissheit rauben vielen Familien den Schlaf» [Spiegel, 02.09.2010].

Другой пример с глаголом *rauben* со значением «лишить чего-либо»: «Bis zum Klimagipfel im Dezember wird die Wirtschaftskrise noch brutal wüten und Millionen Menschen ihren Arbeitsplatz rauben» [Spiegel, 20.04.2009].

Сочетание лексем рассматриваемого синонимического ряда с именами абстрактной семантики является отражением значимости какого-либо явления, процесса, действия в жизни общества или отдельного человека, а также отражением культурологических особенностей немецкоязычного пространства в процессе познания и освоения мира человеком.

Результаты анализа глаголов синонимического ряда с доминантой *stehlen*, показывают, что сознание человека и его представление о краже менялись на протяжении длительного времени. При этом менялись как способы, объекты, так и сам субъект кражи. Все происходящие изменения во внеязыковой действительности и во внутреннем мире человека фиксируются в лексической системе языка и, прежде всего, в гибкой и динамичной системе синонимических рядов, в которых отражаются новые формы ментальности и новый опыт человека в освоении мира.

Литература

1. Аннерс Э. История европейского права: пер. со швед. – М.: Наука, 1996. – 395 с.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. – Изд. 2-е, исп. – М.: Либроком, 2010. – 408 с. (Из лингвистического наследия В. Г. Гака.)
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Соч. в 12 т. Кн. 1. – М.; Л.: ГИЗ, 1938. – 431 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Просвещение, 1984. – 344 с.
6. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
7. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г. Основы антропологической лингвистики. – М.: Академия, 2008. – 128 с.
8. Дробницкий О.Г. Моральная философия. Избранные труды. – М.: Гардарики, 2002. – 523 с.
9. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 385 с.

10. Ивин А.А. Аксиология. – М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.
11. Кирияк О.А. Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород: Изд-во БГУ, 2009. – 230 с.
12. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. – М.: Прогресс, 1977. – 262 с.
13. Малинович Ю.М. Семантика эгоцентрических категорий: категория воли // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: тез. докл. и сообщ. IV науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. – С. 44-45.
14. Романов В.В. Юридическая психология: учебник. – М.: Юристъ, 1998. – 488 с.
15. Орлянская Е.Г. Категория отчуждения и её языковая онтология в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2002. – 171 с.
16. Павлова О.В. Концепт «воровство» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2009. – 12 с.
17. Палевская М.Ф. Проблема синонимического ряда, его границ и возможности выделения доминанты // Лексическая синонимия. – М.: Наука, 1967. – С. 99.
18. Романов В.В. Юридическая психология: учебник. – М.: Юристъ, 1998. – 488 с.
19. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка (ССЭНЯ) / А.Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р.З. Мурашов и др.; под рук. М.Д. Степановой. – М.: Рус.яз., 1979. – 536 с.
20. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 139-168.
21. Хантакова, В.М. Теория синонимии: опыт интегрального анализа: монография. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. – С.211.
22. Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте. – Иркутск, 1999. – 243 с.
23. Щербакова А.В. Синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость глаголов приема и изъятия в современном немецком языке (на материале глаголов *nehmen, ergreifen, entnehmen, entreißen, rauben, stehlen*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин: Изд-во КГУ, 1975. – 29 с.
24. Erich und Hildegard Bulitta. Das große Lexikon der Synonyme. Über 28 000 Stichwörter. Über 300 000 sinn-und sachverwandte Begriffe. – Fischer Taschenbuch Verlag, 2007. – S.1049.
25. Duden. Bedeutungswörterbuch, Bd 10. – Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1985. – S.797.
26. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 3 neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim., Dudenverlag, 1996. – S. 1816.
27. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Band 7, 4., neu bearbeitete Auflage. – Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2007. – S. 960.
28. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. Band 10, 4., neu bearbeitete Auflage. – Mannheim – Zürich: Dudenverlag, 2010. – S. 1151.
29. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin, 1995. – S. 556.
30. Die Rechtsordnung der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Zweite, neubearbeitete Auflage schriftenreihe Band 333. – Bonn, 1997. S. 240.
31. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin und München: Langenscheidt KG, 1998. – 1216.

32. Synonymwörterbuch, sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / Hrsg. Von Herbert Görner und Günter Kempke. – Leipzig: VEB Bibl. Institut, 1973. – S. 643.

33. Wahrig. Deutsches Wörterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprache: Mosaik Verlag GHBH, 1980.

34. Wahrig. Synonymwörterbuch / neu bearbeitet und aktualisiert von Dr. Ulrich Adolphs, Herausgegeben von der Wahrig-Redaktion, 2006. – S. 800.

Список источников примеров

1. Jürgen A. Blauvogel. Der Wahlsohn der Irokesen. – Berlin: Der Kinderbuchverlag, 1965. S. 261.

2. Mann Th. Buddenbrooks. Moskau: Verlag für Fremdsprachige Literatur, 1959. S. 752.

3. Nöstlinger Ch. Die Ilse ist weg. – Berlin-München-Wein-Zürich-New York: Langenscheidt. S. 105.

4. David K. Derschwarze Wolf. – Berlin : Verlag Neues Leben, 1996. – 264 S.

5. Frances H. Burnett. Der geheime Garten. – Taschenbuch Verlag, 1978, 191 S.

6. Steinberg W. Ikebana oder Blumen für den Fremden – Und nebenbei: Ein Mord. Kriminalroman. – Halle-Leipzig : Mitteldeutscher Verlag, 1983.

7. Der Spiegel, [Электронный ресурс] URL: <http://www.spiegel.de>. – (даты изданий: 21. 04. 1999/ 07. 04. 2008/ 20. 04. 2009/ 08. 03. 2010/ 02. 09. 2010/ 29. 01. 2011/ 20. 07. 2011/ 18. 10. 2011).

Дей Татьяна Михайловна – аспирант кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета. Адрес: 664007, г. 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, e-mail: dejtanja@rambler.ru

Dej Tatiana Mikhailovna – post-graduate student, Irkutsk State Linguistic University, German Philology Department. Address: 664025, Irkutsk, Lenin str. 8, e-mail: dejtanja@rambler.ru

УДК 81'25

© Г.П. Дондукова

ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ

Статья посвящена определению границ переводческого комментария в дискурсе переводчика. Доказывается, что переводческий комментарий – это речевое действие, целью которого является изменение оценки высказывания текста ПЯ адресатом. Выдвигается гипотеза организации комментария по принципу ядра и периферии, объем которых зависит от принадлежности комментария либо к дискурсу согласования, либо к дискурсу экспертного сообщества.

Ключевые слова: переводческий дискурс, переводческий комментарий, иллокутивная цель, дискурс согласования, дискурс экспертного сообщества.

G.P. Dondukova

PRINCIPLES OF DEFINING BOUNDARIES OF TRANSLATOR'S COMMENTARY

This article is devoted to defining the boundaries of translator's commentary in translator's discourse. I argue that translator's commentary is a speech act, with the illocutionary purpose aimed at changing the addressee's evaluation of the utterance in target language. The hypothesis that commentary is organized according to principles of core and periphery is developed. The volume of core and periphery is dependent on whether the commentary belongs to the discourse of concord or the discourse of expert community.

Keywords: translator's discourse, translator's commentary, illocutionary purpose, discourse of concord, discourse of expert community.

Переводческий дискурс (ПД), согласно Г.Д. Воскобойнику, определяется как одна из разновидностей аргументативного дискурса, где цель протагониста (то есть переводчика) – используя рациональные средства и приемы, убедить антагониста (то есть читателя) в приемлемости / неприемлемости своего или чужого перевода, или, другими словами, убедить читателя в «правильности» / «неправильности» принятых переводчиком решений. Можно заключить, что ПД – это дискурс переводчика, посвященный оценке перевода в терминах «хороший» или «плохой» (перевод) [1, с. 52].

ПД представлен такими жанрами, как предисловие к переводу, комментарии, примечания, аналитическая научная или научно-популярная статья, переписка переводчика с издателем, критиком [4, с. 11]. В нашем исследовании мы рассматриваем ПД только на примере переводческого комментария.

Рассмотрим понятие переводческого комментария с точки зрения теории речевых актов (далее ТРА). Единый речевой акт представляется в ТРА как трехуровневое образование. Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный

акт. Речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления выступает как иллокутивный акт. Наконец, в отношении к своим результатам речевой акт выступает как перлокутивный акт.

Главным новшеством трехуровневой схемы речевого действия, предложенной Дж. Остином, несомненно, является понятие иллокуции. Локуция была объектом изучения всех семантических теорий в лингвистике, моделировавших соответствие между изолированным предложением и его смыслом, а точнее, псевдосмыслом – теоретическим конструктом, абстрагированным от целого ряда аспектов содержания, передаваемого предложением при его употреблении в общении. Перлокуция – воздействие речи на мысли и чувства аудитории и посредством этого воздействие на дела и поступки людей. Это тот аспект речевого акта, которым издавна занималась риторика. Только понятие иллокуции фиксирует такие аспекты акта речи и содержания высказывания, которые не улавливаются ни формальной семантикой, ни риторикой в ее традиционном понимании. Естественно, что именно разъяснению понятия иллокуции, иллокутивной цели в ТРА уделяется главное внимание [3, с. 14].

Рассматривая понятие «переводческий комментарий» с точки зрения ТРА, необходимо определить, какова же будет иллокутивная цель переводческого комментария. Рассмотрим пример. В автобиографической книге «Язык мой – друг мой» В. Суходрев вспоминает случай, когда президент Никсон попросил его зачитать русский перевод своего выступления в прямом эфире. Однако переводчик не был уверен, какой линии политического поведения ему стоит придерживаться:

«...со своими сомнениями я обратился напрямую к Громыко. Тот ответил не сразу. Подумал и после паузы сказал, что, пожалуй, посоветуется с Генсеком. Через некоторое время Громыко сказал мне, что раз уж высокий гость просит, то его надо уважить...»

Рано утром от помощника президента по печати я получил текст обращения Никсона к советскому народу по телевидению и вместе с моими коллегами из МИДа перевел его. Однако я считал, что было бы не лишним, чтобы в окончательной редакции перевода приняли участие и наши американские коллеги – переводчики госдепартамента.

Во второй половине дня мы собрались с ними в одной из комнат кремлевской резиденции президента и приступили к окончательной редакции

русского текста. Вместе со мной в этой работе участвовали А. Вавилов и Т. Сиротина, а с американской стороны – А. Акаловский и Уильям Краймер, с которыми я давно был знаком. Работали мы продуктивно, стараясь, чтобы текст выигрышно звучал на русском языке, то есть хорошо воспринимался на слух.

Не обошлось и без курьеза. Дело в том, что в тот период американская пропагандистская служба порекомендовала «Голосу Америки», вещающему на русском языке, не употреблять словосочетание «советский народ». Лучше, дескать, будет звучать: «люди, живущие в СССР». Намек был ясен: народы республик СССР не по своей воле живут в составе Советского государства. Вот и Никсон в своем телеобращении использовал фразу: «люди, живущие в Советском Союзе». Не залезая в высокую политику, я стал убеждать американских коллег, что по-русски эта фраза звучит топорно, неуклюже, непривычно для русского уха. Если уж не «советский народ», то пусть будут «советские люди». Но американцы не соглашались. Возник спор. В конце концов пришлось обратиться к одному из высоких чинов госдепартамента, после чего спор был решен в мою пользу» [5, с. 280-281].

В данном комментарии у В. Суходрева возник когнитивный диссонанс, обусловленный тем, что адресат перевода – русский слушатель, который может неадекватно воспринять перевод фразы «люди, живущие в СССР». Автор критикует этот перевод: «по-русски эта фраза звучит топорно, неуклюже, непривычно для русского уха», и предлагает свой вариант: «если уж не «советский народ», то пусть будут «советские люди».

Кроме того, следует отметить, что в данном комментарии используется *argumentum ad veresundiam* – вид аргументации, представляющий собой обращение к авторитету. Вначале переводчик ссылается на Громыко, с которым он советовался переводить ли речь Никсона в прямом эфире или нет. Далее, он указывает, что в процедуре перевода участвовали квалифицированные переводчики, А. Вавилов и Т. Сиротина, а с американской стороны – А. Акаловский и Уильям Краймер. Наконец, отстаивая оптимальность своего переводческого решения, он обращается к «одному из высоких чинов госдепартамента» как к высшей инстанции, который в конце концов разрешает спор в его пользу. Тем самым автор подчеркивает, что все важные решения принимались по решению высших должностных лиц и что эти лица были на его стороне. Таким образом, у читателей не возникает

сомнений, что перевод, предложенный В. Суходревым, является оптимальным».

Проанализировав данный комментарий, можно предположить, что иллокутивная цель переводческого комментария заключается в том, чтобы постараться изменить оценку читателя к переводу, причем в пользу переводчика. В своем комментарии В. Суходрев подверг критике первоначальный вариант перевода, предложил и аргументировал свое переводческое решение. В связи с этим оценка текста ПЯ читателем изменилась в сторону положительного полюса. Таким образом, можно заключить, что переводческий комментарий может представлять собой речевой акт, целью которого является изменение оценки определенного высказывания текста ПЯ адресатом.

Рассмотрим еще один пример. А. Д. Швейцер в книге «Перевод и лингвистика» в главе «Семантические проблемы перевода» приводит следующий пример:

«Harry Tenebaum, St. Louis investment banker, told today of conversation with members of the Federal Communication Commission (FCC) but denied engaging in behind-the-scenes activities to win a television channel award».

Далее следует весьма подробный комментарий переводческих проблем и предлагается вариант перевода:

«В этом предложении особый интерес представляет сочетание television channel award. Поскольку связи между его компонентами не уточняются с помощью служебных слов, в принципе возможны две интерпретации его смысла. Если использовать терминологию семантического анализа, то можно сказать, что в этой фразе television channel может быть как субъектом, так и объектом того процесса, который обозначается словом award. В первом случае смысловой структуре этой фразы будет соответствовать ядерное предложение A television channel awards (something), а во втором – (Somebody) awards the television channel. На стадии анализа переводчику необходимо решить, какая из этих версий подтверждается контекстом, и в зависимости от этого сделать вывод о том, чего же добивался Тенебаум – получения телевизионной премии или права на эксплуатацию телевизионного канала. Иными словами, мы должны определить, в каком значении используется award, а для этого необходимо определить смысловые отношения между award и television channel. Если television channel – объект процесса означаемого словом award, то речь идет о решении передать Тенебауму телевизи-

онный канал. Если же television channel – субъект, то речь идет о премии.

Обращение к более широкому контексту (в одном из последующих абзацев употреблена фраза An investment banker tried to get a television channel) и знание вневлигвистической ситуации (известно, что Федеральная комиссия по средствам связи выдает разрешения на право эксплуатации телевизионных каналов) приводит нас к выводу, что award в данном случае означает «разрешение на эксплуатацию». Окончательный вариант перевода может быть сформулирован следующим образом:

Гарри Тенебаум, владелец инвестиционного банка в Сент-Луисе, сообщил сегодня о своих беседах с членами Федеральной комиссии по средствам связи, но при этом отрицал, что занимался закулисной деятельностью, с тем, чтобы добиться разрешения на эксплуатацию телевизионного канала» [6, с. 80].

Рассмотренный отрывок из книги В. Суходрева строился вокруг концепта «советские люди» и комментировал собственно переводческое решение, объясняя его особенностями культуры («по-русски эта фраза звучит топорно, неуклюже»). Аналогичным образом ПД А. Д. Швейцера строится вокруг концепта «television channel». Однако в отличие от первого примера, в котором проблема явно культурного порядка, А.Д. Швейцер комментирует преодоление трудностей, относящихся скорее к языку. Автор разрешает спор о значении синтаксической конструкции типа существительное + существительное, в которой сложно определить связь между компонентами.

В своих рассуждениях он подробно описывает, какими способами могут быть переведены подобные конструкции: «Если television channel – объект процесса означаемого словом award, то речь идет о решении передать Тенебауму телевизионный канал. Если же television channel – субъект, то речь идет о премии». Однако автор сталкивается с невозможностью аргументации какого-либо варианта перевода в пределах того предложения, к которому они употреблены. Поэтому, как и в случае с примером В. Суходрева, ключом к решению вопроса становится широкий контекст: «на стадии анализа переводчику необходимо решить, какая из этих версий подтверждается контекстом», а в конечном итоге знание культур: «известно, что Федеральная комиссия по средствам связи выдает разрешения на право эксплуатации телевизионных каналов».

С точки зрения иллокутивной цели мы вновь наблюдаем, что, комментируя перевод синтак-

сической конструкции, А. Д. Швейцер стремится изменить оценку текста ПЯ читателем, убедить нас, исходя из широкого контекста, что предложенный им вариант перевода является наиболее близким к оригиналу.

Изучив эти и другие комментарии переводчиков с точки зрения их структуры, мы пришли к выводу, что все они строятся по принципу ядра и периферии. Центральной частью, то есть ядром переводческого комментария, является собственно комментарий к переводу, в котором автор аргументирует свои или чужие действия, меняет оценку читателя к переведенному высказыванию. У В. Суходрева таким ядром является отрывок, в котором он описывает неадекватность перевода фразы «люди, живущие в СССР», предлагает свой вариант – «советские люди», который благодаря одному из высоких чинов в конце концов и был выбран в качестве перевода. У А. Д. Швейцера ядро комментария передается двумя абзацами, в которых он подробно описывает семантический анализ слов «television channel» и «award», а также анализирует широкий контекст и внелингвистическую ситуацию. На периферии же переводческого комментария находятся тексты ИЯ и ПЯ.

Изучив практический материал, мы заметили некоторую разницу в объемах ядра и периферии. Так, в некоторых комментариях, в том числе и в комментарии В. Суходрева, объем периферии значительно превосходит собственно комментарий и представляет собой по большей степени контекст комментируемого высказывания. В других же примерах, как и у А. Д. Швейцера, почти весь комментарий состоит из ядра, в котором аргументируется переводческое решение. Периферия же ограничена текстами ИЯ и ПЯ, контекст ситуации минимален.

Чтобы пояснить эти различия в объемах ядерных и периферических высказываний, обратимся к понятиям «дискурс согласования» и «дискурс экспертного сообщества».

Совокупной иллокутивной целью дискурса согласования является «согласование дефиниции, определяющей содержание понятия, соединение разрозненных признаков силой суждения о всеобщем» [2, с. 119]. Для дискурса согласования не обязательно обладать специальными знаниями, его можно использовать, например, объясняя ребенку понятие «скорость», не прибегая к сложной терминологии. Комментарий В. Суходрева направлен на широкий круг читателей. Автор подробно описывает ситуацию, в которой возникли трудности перевода, где, когда и при каких условиях с ним произошел перево-

дческий казус. При этом автор не дает исходную фразу на английском языке, «звучавшую топорно, неуклюже, непривычно для русского уха». Кроме того, полностью отсутствуют какие-либо лингвистические термины. Очевидно, что этот комментарий является частью дискурса согласования, то есть выполнен с учетом того, что с ним должны познакомиться люди неспециального лингвистического знания.

Рассмотрев этот и другие примеры переводческих комментариев, принадлежащих к дискурсу согласования, мы заметили, что их структура была одинакова. Большую часть комментария представляла периферия, контекст ситуации, из которого читатели и могли понять смысл переводческого комментария. Ядро же комментария выражалось буквально в 1-2 предложениях.

Развивая понятие дискурсивного сообщества, введенное Дж. Суэйлзом [7], А. М. Каплушенко вводит термин «дискурс экспертного сообщества», объединяющий носителей специального знания, в котором образуется, развивается и модифицируется термин [2, с. 119]. Это такой дискурс, который создается определенным дискурсивным сообществом, имеющим достаточно высокий общий уровень осведомленности в определенной сфере общения и обладающим знаниями специальной терминологии. Применительно к рассмотренным выше примерам можно утверждать, что комментарий А. Д. Швейцера относится к дискурсу экспертного сообщества, так как он изобилует лингвистической терминологией: «имплицитные средства выражения ПЯ не тождественны по смыслу сходным средствам ИЯ», «семантический анализ», «синтаксические конструкции» и т. д. Очевидно, что данный комментарий не предназначен для широкого круга читателей, а лишь для определенной группы людей, сообщества, владеющего специальными лингвистическими знаниями, не обладая которыми, невозможно дать правильную интерпретацию этого комментария. Изучив этот и другие комментарии дискурса экспертного сообщества, мы пришли к выводу, что такие комментарии обладают структурой, прямо противоположной структуре комментариев дискурса согласования: незначительный объем периферии, главный акцент – на собственно единице комментирования.

Из вышесказанного можно заключить, что структура переводческого комментария зависит от того, является ли он частью дискурса согласования либо частью дискурса экспертного сообщества.

Таким образом, определив содержание понятия «переводческий комментарий», его иллокутивную цель как сложного речевого акта, изучив структуру переводческого комментария, строящегося по принципу ядра и периферии, мы можем выявить переводческий комментарий в ПД, обозначить его границы в ПД. Эти границы будут располагаться там, где начинается и заканчивается речевое действие, целью которого является изменение оценки определенного высказывания ПЯ адресатом, состоящее из контекста ситуации комментирования, текстов ИЯ и ПЯ, а также собственно комментария перевода.

Литература

1. Воскобойник Г.Д. Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестник МГЛУ. – Вып. 499. – Сер. Лингвистика. – М., 2004. – 181 с.

Дондукова Галина Петровна – аспирант кафедры перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Бурятского государственного университета. Адрес: 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, Тел. 89148425909, E-mail: mggn@mail.ru, galina.dondukova11@gmail.com

Dondukova Galina Petrovna – postgraduate of Translation and Cross-cultural Communication Chair of the Buryat State University, Address: Smolina str., 24a, Ulan-Ude, 670000, tel: 89148425909, E-mail: mggn@mail.ru, galina.dondukova11@gmail.com

УДК 413.11:44

© Г.С. Доржиева

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена этнолингвистическому исследованию топонимии Квебека как отражения эволюции в этническом сознании лингвокультурных сообществ Квебека.

Ключевые слова: этнолингвистика, топонимика, этническое сознание.

G.S. Dorzhieva

ETHNOLINGUISTIC ASPECT OF TOPONYMIC RESEARCH

The article is devoted to the study of ethnolinguistic toponymy of Quebec as a reflection of the evolution of consciousness in ethnic communities linguocultural Quebec.

Keywords: ethnolinguistics, place names, ethnic consciousness.

Этнолингвистическое исследование топонимии показывает язык в разных формах его существования в тесной связи с историей этноса, положением того или иного этноса в обществе в конкретный исторический период, отношением к языку в различных языковых ситуациях, в разных этносоциальных слоях и группах. Всякий этнический процесс, этническое явление имеют свою социальную сторону, а на большинстве социальных явлений и процессов лежит отпечаток этничности. Особое место среди лингвистических источников по этногенезу занимают ис-

2. Каплуненко А. М. Концепт – понятие – термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур. – Иркутск, 2007. – С. 115-120.

3. Кобозева И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 7-21.

4. Куницына Е. Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2011. – 35 с.

5. Суходрев В.М. Язык мой – друг мой. – М.: Олимп; Изд-во АСТ, 1999. – 480 с. – (Мемуары).

6. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

7. Swales, J. M. Genre Analysis. English in Academic and Research Settings. – Cambridge and New York: Cambridge Univ. Press, 1990. – 260 p.

следования по ономастике (этнонимика, топонимика, антропонимика).

Этнолингвистика зародилась в США в трудах Ф. Боаса и Э. Сепира по исследованию языков американских индейцев. Среди разных идей американских учёных наиболее популярна гипотеза Б. Уорфа о том, что каждый язык не только по-своему неповторимым образом воссоздает природу и социальную действительность, но и закрепляет неповторимое мировоззрение. Для осознания задач современной этнолингвистики весьма существенной является теория Г. Шухардта, известная под названием «Wörter und

Sachen» («Слова и вещи») и ориентированная на изучение истории слов в тесной связи с историей реалий. Сюда же примыкают труды итальянских неолингвистов Дж. Бонфанте, В. Пизани, Н. Бартоли. У истоков этнолингвистики в России стояли такие выдающиеся отечественные ученые, как А.А. Шахматов, С.Ф. Карский, Д.К. Зеленин, Н.П. Гринкова, Б.А. Ларин и др. На её дальнейшее становление в нашей стране особенно повлияли работы А.А. Потебни, В.М. Жирмунского, И.Г. Гердера и серия конференций и трудов, осуществлённых по инициативе М.А. Бородиной и С.И. Брука под названием «Ареальные исследования и этнография». Большое значение для развития отечественной этнолингвистики имела теория языковых союзов разных типов, изложенная в работах Н.С. Трубецкого. Самоопределению этнолингвистики как особой дисциплины немало способствовал Н.И. Толстой. Кроме славянской, романской, германской этнолингвистики учёный, сужая объект исследования, выделяет польскую, шведскую этнолингвистику. Значительным прогрессом это направление отличалось благодаря многочисленным исследованиям А. Вежбицкой.

С позиции этнолингвистики категории и факты языка и текстов на языке используются только как средство более глубокого проникновения в собственно этнические и социальные процессы. Топонимическая лексика с национально-культурной семантикой даёт мелкую детализацию и дробление понятий, которые хорошо представляют характер мышления представителей этноса: *Pikogan* инд. 'чум, крытый шкурой', *Iqiattavialuk* инуит. 'место ловли рыбы на крючок', фр. *Lac en Dentelle* 'озеро, похожее на кружево'. Диахроническая этнолингвистика использует языковые факты как средство познания далёкого прошлого, этнической истории народа, истории его материальной и духовной культуры. Синхроническая этнолингвистика рассматривает языковые процессы как орудие и средство проникновения в актуальные национальные и социальные проблемы современности. В наше время этнолингвистика не теряет свое значение.

Проведя анализ подходов отечественных и зарубежных учёных к вопросу соотношения понятий *язык – мышление – культура*, С.Г. Тер-Минасова так сформулировала основные положения: «Язык – свидетель культуры. Культура может меняться под влиянием многих социально-исторических факторов, например идеологии, пропаганды, политических требований времени. Язык – свидетель всех этих изменений, он, как известно, не только отражает, но и хранит

культуру, передает ее от поколения к поколению» [6, с.19-20]. В определённые моменты исторического развития язык нередко ощущается, прежде всего, как символ национального единения, как фактор и орудие борьбы за национальное возрождение. В такие исторические периоды массовые переименования превращают топонимию в средство идеологической борьбы, чем она не должна быть по своему назначению, например: инд. *Tscheshasipi* > англ. *Big River* > фр. *La Grande Rivière* 'большая река'. С точки зрения семиотики язык в целом приобретает особое значение в ряду различных знаков, связанных с национальным сознанием, культурой. При наличии в стране районов с компактным иноязычным населением всякое минимальное ущемление прав и сужение жизненно важных сфер применения языка этого населения всегда таит в себе ростки взаимного недоверия и ущемления национальных прав. Как справедливо отмечает Л.Б. Никольский, язык может выполнять как интегрирующую, так и разъединяющую функцию [3].

В.И. Козлов пишет о существовании некоторых связей между психологическим складом, температурными и природными условиями, хотя причинно-следственные закономерности здесь не всегда чётко прослеживаются. По мнению исследователя, механизмы психологической адаптации более гибки и действенны, чем физической, и такая адаптация идёт быстрее, но и она требует времени [2, с.13]. Люди постепенно привыкают к определенному ландшафту, и с течением времени, со сменой поколений он представляется им родным. Человек, выросший в холмистой лесной полосе, чувствует себя неудобно при переселении на равнинную степь или морское побережье, даже если климатические условия их очень близки. Многими исследователями отмечено, что в разных регионах земного шара в условиях миграции в иную географическую и культурную среду переселенцы приносили с собой привычки и традиции родных мест, их названия, чтобы ослабить острое чувство ностальгии (Д.Н. Егоров, Е.М. Поспелов, А.В. Суперанская, М.В. Горбаневский и др.). В Квебеке многочисленны вторичные, перенесенные французские названия: *Paris* (ороним), *Nantes*, *Bretagne* (ойконимы) и пр.

П. Рикёр, исследуя проблему памяти, истории и забвения, цитирует известную метафору христианского богослова и политика Августина (354-430) – «огромные палаты памяти». Эта стержневая метафора получает подкрепление со стороны родственных образов: «вместилище»,

«кладовая», откуда «берутся, как из резервуара», воспоминания. Учёный пишет, что памяти дано вспоминать без радости то, что когда-то вызвало радость, без печали то, что прежде печалило. Сила памяти велика до того, что «я помню, что я помнил» [4, с. 136, 139]. С позиции изложенных идей девиз Квебека «Je me souviens...» (Я помню...) приобретает особую символическую значимость. Топонимия Квебека – это «палаты многовековой памяти» североамериканского континента. По мнению А.В. Суперанской, онимическому пространству, которое отличается чрезвычайной широтой и разнообразием входящих в его сферу единиц именования, присуща культурная непрерывность, определяющаяся связью имен, созданных людьми разных культур и времен. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации [5, с. 15].

Конфессиональные различия во многом определили конфронтацию франко- и англоканадцев. Для католиков-франко-канадцев англичане-протестанты оставались «еретиками и богоотступниками». С позиции англичан англо-французское соперничество в колониальной Северной Америке трактовалось только в одном ключе – как противостояние сил феодальной католической реакции, «бесплодного абсолютизма» и клерикализма, которые старались привить на американской земле французы, и протестантского прогресса, свободы и демократии, носителями которых являлись англичане и жители их колоний. Политика англичан получила идеологическое обоснование в проповедях религиозного лидера колонии К. Мэзера, утверждавшего, что война в Северной Америке – это битва между Христом и Сатаной [1, с.27].

После завоевания Канады в 1763 г. англичане стали переводить для собственного использования наиболее важные франкоязычные географические названия. Смена идеологии имеет свои закономерности и вызывает необходимость выражения культурной традиции на новом языке, с этим процессом тесно связаны топонимические переименования.

В 1791 г. создание *Верхней* и *Нижней Канады* подтвердил двунациональный характер будущего канадского государства, в последующем именуемые *Французская* и *Английская Канада*. Борьба английского и французского языков за сферы влияния велась в течение всего времени сосуществования франко- и англоканадцев. Она протекала в разных формах: на ранних этапах это была борьба французского языка за выжива-

ние, проявлявшаяся в стремлении франко-канадцев сохранить свой язык в семье, богослужении, образовании, а также в топонимическом пространстве: английский инсулоним *Wood Island* был калькирован на французский язык *Ile au Bois* ‘лесной остров’.

В 40-х гг. XIX в. и во второй половине XX в. франкоканадцы приступили к новому духовному возрождению, осознанию своей самобытности во многом благодаря историческим личностям (Ф.-К. Гарно, Л.-Э. Бурасса, Л. Гру, Р. Левек), которые способствовали победе «своего» над «чужим». Мемориальные топонимы *Garneau*, *Bourassa* (ойконимы), *Groulx* (ороним), *Levesque* (урбаноним) – дань благодарной памяти квебекцев своим видным государственным и политическим деятелям, идейное вдохновение и поддержка которых помогли им выстоять в трудные периоды истории.

60-е гг. XX в. – это время усиления борьбы квебекцев за расширение функций французского языка в жизни общества и государства. В Конституции 1982 г. юридически закрепилось равенство английского и французского языков. Мы согласны с Т. Ю. Загрязкиной, что это естественная этноцентрическая реакция на угрозу культурного выравнивания, связанная с новым определением идентичности человека и коллектива: активным поиском «чужого», на фоне которого определяется «свое».

«Чужие» имена с помощью французских термино- и словообразовательных средств (*Lac Blue Sea*, *Waterville*, *Le Mons'sen*) предстают в сознании квебекцев уже как «свои», так как понимание «своего» и «чужого», по мнению Н. И. Толстого, не неизменно, не стабильно, оно изменяется во времени и в своем «объеме» и во многом зависит от изменения форм и функций этнического и национального самосознания. Топонимическая картина мира представляет собой определенный ракурс этнической культуры и определенный вариант кристаллизации этнической традиции, которые находят свое выражение в разных топонимических модификациях.

Литература

1. Акимов Ю.Г. Доктрина двух сфер и международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вып. 3. – С. 126-131.
2. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Этнографическое обозрение. 1983. – №1. – С. 11-27.
3. Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика. – М., 1985.
4. Рикер П. Память, история, забвение. – М., 2004.

5. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985.

6. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.

Доржиева Галина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета. 670000 Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, тел. (8-3012) 210-411; (8-3012) 231-867; 8-951-633-27-82, E-mail: galdor@yandex.ru

Dorzhiyeva Galina Sergeevna – Buryat State University, Centre of Strategic Orient Research, Head of the Laboratory of Cultural Anthropology and Cross-Cultural Communication, Candidate of Philology, Associate Professor. Address: 24a Smolin ul., Ulan-Ude, Russia, 670000, tel. (8-3012) 210-411; (8-3012) 231-867; 8-951-633-27-82, E-mail: galdor@yandex.ru

УДК 81'342.3, 81'44, 81'246.2

© **В.Л. Завьялова**

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЦЕПТИВНОЙ АДАПТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы восприятия акцентной речи в условиях межкультурной коммуникации на английском языке в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Приводится описание фонетических трансформаций в речи носителей. Описываются перцептивные стратегии, позволяющие адекватно интерпретировать информацию в принимаемом звуковом сообщении.

Ключевые слова: английский язык в странах Восточной Азии, фонетические трансформации, стратегии восприятия, перцептивная адаптация.

V.L. Zavyalova

PROBLEMS OF PERCEPTIVE ADAPTATION IN THE CONTEXT OF ORAL COMMUNICATION

The article discusses the problems of perceiving the accented English speech in the context of intercultural communication in the Asia Pacific Region. Description of phonetic transformations in non-native English speech is given. Perceptive strategies bound to contribute to adequate interpretation of information in the sound message received are described.

Keywords: English in the East Asian countries, phonetic transformations, perception strategies, perceptive adaptation.

С появлением новой парадигмы мировых разновидностей английского языка (*World Englishes*) и развитием лингвоконтактологии в круг исследовательских задач лингвистов стали входить способы описания региональных разновидностей английского языка, функционирующего в качестве посредника в межкультурной коммуникации стран Востока и Запада, проблемы вариативности, вероятностной организации речевой деятельности и языка [3]. Становление новых вариантов и разновидностей английского языка в странах, где этот язык традиционно выступал как иностранный (Япония, Корея, Китай и др.), сопряжено с процессами привнесения лингвокультурного своеобразия родного языка в изучаемый. Неповторимая индивидуальность каждого языка, или его идиоматичность, которая, по мнению А.А. Реформатского, является признаком любой языковой системы, очень ярко сказывается в фонетике [4,510]. Именно идиоматичность фонологической системы родного языка оказывается достаточно устойчивым фак-

тором, препятствующим усвоению фонологических категорий второго языка. Результатом такого противостояния является возникновение фонетического акцента в речи на неродном языке, зачастую приводящего к коммуникативным сбоям в условиях межкультурной коммуникации. Знание и учет своеобразия контактирующих в сознании и речи билингва фонетических систем, значит, и понимание причин и закономерностей формирования акцентной речи позволяют выработать определенные стратегии восприятия, направленные на адаптацию к получению искаженного фонетического сигнала, оперативное осуществление акустико-фонологических вычислений и подстроек, необходимых для успешной «фокусировки» размытого акустического образа.

Чтобы понять причины звуковых трансформаций в речи носителей, важно осознать процесс формирования фонологической системы изучаемого языка. Выстраивание вторичных фонологических категорий в сознании взрослого

человека неизбежно происходит по принципу сходства-отличия с категориями родного языка. На начальном этапе все фонетико-фонологические единицы изучаемого языка сливаются с имеющимися в родном языке фонологическими эталонами. Следует отметить, что в силу относительной универсальности слухо-произносительного аппарата человека звуковая материя языков мира характеризуется некоторой общностью акустических свойств. Однако акустическое сходство мирового инвентаря фонетических единиц оказывается нерелевантным при сопоставлении фонетико-фонологических категорий внутри отдельной языковой системы, поскольку фонологическая значимость обретается звуковой единицей только в оппозиции к другим звуковым единицам одной системы.

Например, в английском и русском языках имеются достаточно похожие по акустико-артикуляторным признакам твердый и мягкий звуки /l/ и /l'/, однако только в русском языке контраст между данной парой является фонологически релевантным, так как может использоваться для различения так называемых минимальных пар слов, типа *мел-мель, ел-ель, сел-сель* и т.д.; в английском языке два этих звука находятся только в отношении дополнительной дистрибуции (являются комбинаторными вариантами, или аллофонами, одной фонемы [l]): *lap-lip, load-lead, etc.* Поэтому для носителя английского языка, изучающего русский язык, акустико-артикуляторное сходство звуков /l/ и /l'/ не позволяет сформировать отношения фонологического контраста до того момента, пока указанные звуки не будут противопоставлены друг другу как автономные фонологические категории, способные участвовать в репрезентации разных смыслов русского языка.

Можно заключить, что завершение процессов вторичной фонологической категоризации происходит тогда, когда звуковые категории второго языка выстраиваются уже не в оппозиции к звуковым категориям родного языка (по аллофоническому принципу), а друг к другу в пределах системы второго языка (по контрастивному принципу). До этого момента закономерна недифференциация фонологических контрастов в изучаемом языке, являющаяся причиной возникновения акцента в речи неносителей. Фонологическая категоризация не ограничивается созданием в сознании билингва четкой системы оппозиций сегментных единиц изучаемого языка, но включает также ассимилятивные и супraseгментные звуковые процессы, которым подчиняются схемы более крупных единиц: слогов,

морфем, слов и словосочетаний, фраз и целых текстов. На завершающей стадии вторичной фонологической категоризации происходит, по видимому, формирование интонационных категорий, поскольку интонация представляет собой наиболее устойчивый идиоматичный признак просодической системы языка.

Исследования акцентной английской речи носителей восточных языков, проводимые на материале корпуса звучащей речи RACE¹, позволяют проследить процессы переноса идиоматичных свойств слоگو-ритмических единиц фонетических систем восточных языков в английский язык на стадии становления билингвальных фонологических категорий. Данные сравнительной типологии английского и восточных (китайского, корейского, японского) языков, привлекаемые к анализу, позволяют определить отличительные свойства их слогового строя, лежащие в основе фонетической трансференции. Слоговой код данной подгруппы азиатских языков не допускает стечения согласных в пределах слога, характеризуется отсутствием слогаобразующих сонантов, предписывает открытый тип слога (структура СГ) в качестве доминантного, ограничивает качественную и количественную редукцию слогаобразующего гласного, в то время как в английском языке бифонемные и многофонемные консонансы в составе слога и слоговой цепочки являются нормативными, доминантным типом слога определяются структуры СГС и СГ, сонорные согласные могут формировать ядро отдельного слога, гласные (и некоторые согласные) подвергаются значительной редукции вплоть до полного выпадения в безударном слоге. В результате структурного и функционального несоответствия слоговых категорий, контактирующих в сознании билингвов родного и иностранного языков, в английской речи азиатов наблюдается тенденция к регулярной трансформации сложных многофонемных консонансов одним из нескольких возможных способов.

Наиболее частотным способом является *плюс-сегментация*, т.е. переструктурирование элементов английского слога в многосложную цепочку по типу СГ+СГ+.... Подобная трансформация вызывает значительную модификацию акцентно-ритмической структуры (АРС) английского слова. Например: *spring* (АРС англ. – 1/1²) > ['safa'rin] (АРС кор.англ.- 2/1, 1,1), *stretches* (АРС англ. – 2/1) > [situ'rechi] (АРС яп.англ. – 4/3), *swept* (АРС англ. – 1/1) > [sa'wepata] (АРС кит.англ.- 4/2). Второй по частотности способ фонетических трансформаций англий-

ской слоговой структуры – *минус-сегментация*, т.е. опущение согласных (за исключением сонорных) в составе английского слога в начальной и конечной позициях, также недопустимых фонетическими правилами восточных языков. Например: *halves* ['hɑ:l], *English* ['ɪnɪ], *grant* ['grɑn] (кор.англ.), *sold* ['sɒl], *ground* ['graʊn], *soup* ['su] (кит.англ.). Данный вид фонетической трансформации в английской речи носителей восточных языков не вызывает изменения типа ритмической структуры, характерной для английского языка, но приводит к модификации темпоральных параметров слогов в пределах ритмической структуры, что является яркой характерной чертой английской речи носителей восточных языков [1].

Вследствие вышеописанных трансформаций происходит деформация звуковых образов анг-

лийских слов и фраз в речи носителей-азиатов, которая может иметь различные коммуникативные последствия, поскольку восприятие измененного речевого фрагмента может осуществляться только путем «синхронизации» эталонного, имеющегося в сознании реципиента, и акцентного вариантов звучания. В случае успешного «выравнивания» звуковой образ соотносится с соответствующим смысловым содержанием, что, несмотря на определенную временную задержку, приводит в конечном итоге к правильной интерпретации сообщения.

В качестве примера расхождения звуковых образов ниже представлены акустические параметры звуковых отрезков акцентной и эталонной английской речи, визуализированные с помощью программы Praat³.

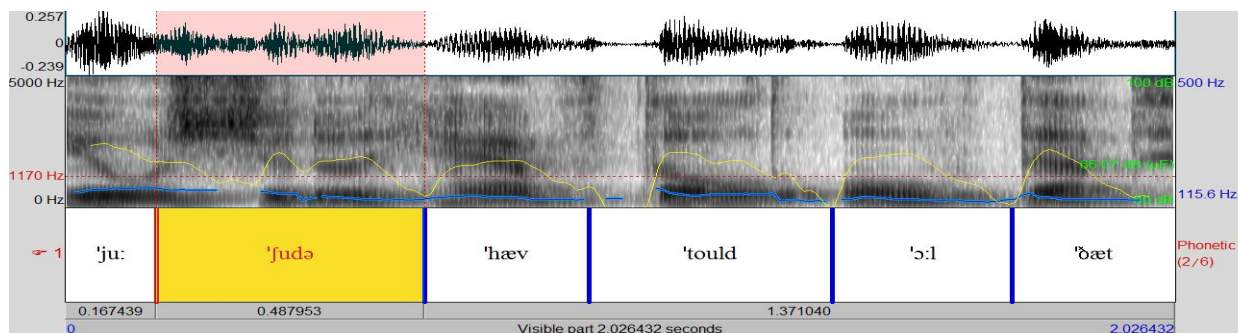

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма, графики ЧОТ⁴ и интенсивности, фонетическая транскрипция речевого отрезка *You should have told all that* в реализации диктора – носителя японского языка (База данных RACE)

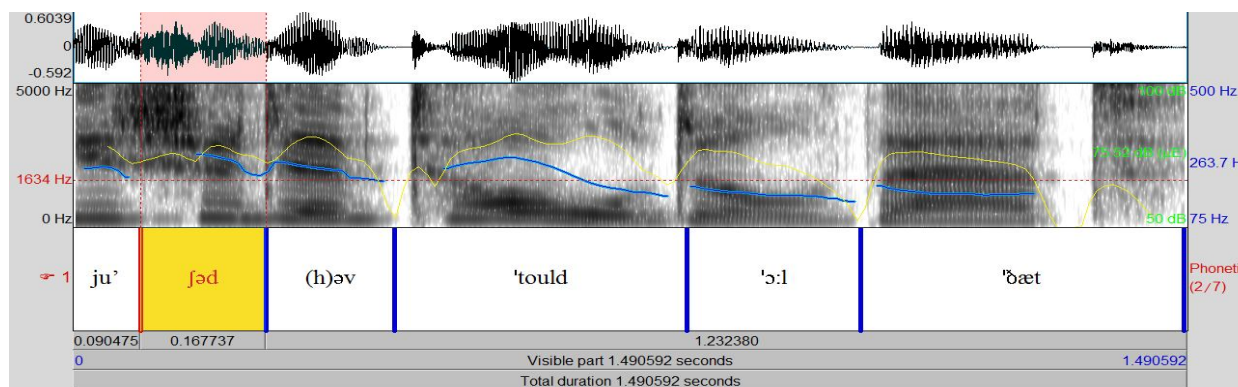

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма, графики ЧОТ и интенсивности, фонетическая транскрипция речевого отрезка *You should have told all that* в реализации диктора – американца (База данных RACE)

Нормативное звучание речевого отрезка, представленного на рис. 2 (американский английский – АА), характеризуется целым рядом отличительных черт по сравнению с акцентной речью диктора-японца (японский английский – ЯА). Во-первых, общая длительность звучания в АА составляет 1490 мс, что почти на 500 мс

меньше, чем длительность отрезка в ЯА (2026 мс). Высота тона в АА вариативна, имеет общую тенденцию к понижению (диапазон ЧОТ – 140 Гц), в то время как в ЯА она практически неизменна и монотонна (диапазон ЧОТ – 40 Гц). Заметим, что контрасты по интенсивности присутствуют в обоих фрагментах: средний диапа-

зон контраста в АА – 31 дБ, в ЯА – 46 дБ, однако распределение максимумов интенсивности (ударения во фразе) различно: в АА ударение получают 3 слога, в ЯА – 6, причем акценты в ЯА приходятся не только на полнозначные слова, но и на слова, несущие исключительно функциональную нагрузку. В результате изменяются хронометрические параметры слов во фразе ЯА: так, длительность реализации модального глагола *should*, как правило, не ударного в нормативной нейтральной английской речи, составляет 487 мс (по сравнению с 167 мс в образце АА). Увеличение длительности и соответственно других акустических параметров слова *should* вызвано двумя факторами. Во-первых, имеет место появление гласной эпитезы после конечного смычного взрывного согласного [d], что приводит к формированию дополнительного слога в составе слова и нарушению его ритмической структуры в целом. Данная трансформация закономерна и достаточно регулярна для японского английского, что объясняется принципом *конформности* при организации звуковой материи иностранного языка, которая на этапе становления билингвальной личности осуществляется сообразно базовым звуковым эталонам и правилам их организации в речевой последовательности в родном языке: по данным специалистов, правила фонотактики в японском языке не допускают появления согласных в конечной слоговой позиции [5]. Во-вторых, в нормативной английской речи имеет место четкая дифференциация длительности служебных и знаменательных слов, которая достигается распределением ударения во фразе, а также соблюдением требований ритма, имеющего тенденцию к изохронности, т.е. выравниванию длительности *фонетических слов*⁵. Специфика речевого ритма японского языка заключается в уравнивании *слов* по длительности, что вызывает перенос явлений ритма родного языка в изучаемый, а значит, и отклонения при производстве (и восприятии) английской речи японцами на уровне ритмической организации высказывания.

В психоакустике и психолингвистике установлено, что способность человеческого уха классифицировать звуки по высоте, интенсивности и другим акустическим параметрам зависит от длительности речевого сигнала, причем минимальный интервал составляет 50 мс. Это означает, что изменения в интервале 320 мс (разница в длительности звучания слова *should* в АА и ЯА) регистрируются слушателем и могут вызывать ощущение *слухового диссонанса* – дискомфорта, вызываемого противоречием ме-

жду имеющимся звуковым образом (эталонном) и поступающим акустическим сигналом.

Таким образом, трансформации звуковых образов в английской речи неносителей-азиатов, возникающие на стадии становления вторичных фонологических категорий, могут создавать определенные трудности при восприятии в условиях межкультурной коммуникации в АТР. Перцепция модифицированного звукового образа возможна за счет подключения механизма «тонкой/точной настройки» (*fine tuning*), т.е. достраивания до имеющегося в сознании реципиента четкого базового акустического эталона. В случае успешной «фокусировки» звуковой образ соотносится с соответствующим смысловым содержанием, и потери смысла не происходит, однако в любом случае процесс перцептивной адаптации требует дополнительных временных затрат. Коммуникативные неудачи возможны в ситуации, когда деформированный звуковой образ активизирует иные семантические связи, например, при формировании в английской речи неносителей-азиатов омонимичных пар слов, типа *but–butter*, *of–over* (при появлении гласной эпитезы после конечного согласного), *call–coal*, *rod–road* (при недостаточной акустической дифференциации моно- и дифтонгов), *cord–core*, *cart–car* (при опущении конечного согласного для облегчения произносительных усилий) и т.д. Важнейшими стратегическими приемами, используемыми в целях адекватной интерпретации, в случае принятия сообщения, содержащего подобные звуковые трансформации, служат опора на контекст, общее понимание ситуации, а также коммуникативная стратегия переспроса (за исключением ситуаций официального последовательного и синхронного перевода). Тотальный коммуникативный сбой может возникнуть в случае, если реципиент как субъект коммуникативной деятельности неправильно истолковывает всю ситуацию в целом и продолжает распознавание звуковых образов сообразно своей ошибочной интерпретации. В контексте общения на языке-посреднике неносителей значимость распознавания акустических образов для понимания еще более возрастает.

Значительные девиации в фонетической реализации смыслового сообщения в речи билингвов – носителей восточных языков – требуют дидактического осмысления в плане выработки методик, направленных на развитие гибких стратегий восприятия, расширение перцептивных фонетико-фонологических моделей в перцептивной базе специалистов-коммуникантов, т.е. формирования глобальной фонетико-

фонологической компетенции. Формирование относительно устойчивых фонологических схем восприятия позволяет включить узнаваемую информацию в адаптивную систему коммуникантов. Особое значение развитие адаптивных навыков восприятия приобретает для переводчиков-синхронистов, регулярное отставание в переводной речи которых от оратора, необходимое для ориентирования в условиях очередной переводческой задачи и принятия переводческого решения, допускается в среднем на 2-3 секунды, что приблизительно соответствует продолжительности звучания очередного речевого звена [6, с. 16]. Отработка навыков восприятия акцентной речи способствует устранению когнитивного диссонанса, возникающего при первичном коммуникативном опыте с неносителями и препятствующего принятию своевременного переводческого или коммуникативного решения.

Примечания

1. RACE – Russian-Asian Corpus of English – Корпус английской речи ДВ России и стран АТР.
2. Акцентно-ритмическая структура традиционно записывается в виде дроби, числитель которой соответствует количеству слогов в слове, а знаменатель – порядковому номеру ударного слога.
3. Praat – программа для проведения акустического анализа речевого сигнала.
4. ЧОТ – частота основного тона – акустическая характеристика звука, воспринимаемая как его высота, измеряется в Герцах (Hz)

Завьялова Виктория Львовна – кандидат филологических наук, докторант, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, 690062, г. Владивосток, ул. Днепровская 38-39 E-mail: zavyalova_v_l@pacific.dvfu.ru, zavyal@mail.ru

Zavyalova Victoria L'vovna – candidate philological of sciences; post-doctoral degree applicant; associate professor, linguistics and cross-cultural communication dept., Regional and International Research School, Far Eastern Federal University, 690062, Vladivostok, Dneprovskaya St. 38-39, E-mail: zavyalova_v_l@pacific.dvfu.ru, zavyal@mail.ru

5. Фонетическое слово представляет собой совокупность одного ударного слога и примыкающих к нему безударных слогов. Например: *in the 'city, at the 'bank, 'some of us*. Изохронность ритма английской фразы достигается за счет повторяемости ударных слогов через относительно равные промежутки времени и необходимого сокращения длительности безударных слогов в составе фонетического слова (*stress-timed rhythm*).

Литература

1. Завьялова В.Л. Интерференция звуковых систем английского и восточных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер. Лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 94-101
2. Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР: Russian-Asian Corpus of English (RACE) / Пер. номер 2011620408 (01.06.2011) / сост. В.Л. Завьялова, С.А. Горбенко, Л.П. Бондаренко, М.А. Полянская, Н.Л. Ищенко // Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам «Программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем». RU ОБПБТ № 3(76). – М.: ФГУ ФИПС, 2011. – С. 630.
3. Прошина З. Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2005. – №1 (5). – С. 124-128.
4. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М.: Наука, 1970. – 528 с.
5. Рыбин В.В. Звуковой строй японского языка: сегментная и супraseгментная фонетика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2011. – 56 с.
6. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода: переводчикам-синхронистам, организаторам конференций, преподавателям, психологам, лингвистам. Изд. 3-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.

**ДИСКРЕТНОСТЬ И КОНТИНУАЛЬНОСТЬ СМЫСЛА
В СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ С ДОМИНАНТОЙ TAPFER**

В статье рассматривается проблема дискретности и континуальности смысла на примере синонимического ряда с доминантой tapfer. Выявлены общие смысловые компоненты, свойственные для всех членов синонимического ряда, и специфические для каждого синонима смыслы, что позволяет представить модель описания человека храброго в немецкой лингвокультуре.

Ключевые слова: дискретность, континуальность, синонимический ряд, доминанта ряда, храбрость, храбрый.

DISCRETENESS AND CONTINUITY IN A SYNONYMIC ROW WITH THE DOMINANT TAPFER

The article discusses the problem of discreteness and continuity of meaning by the example of the synonymic row with the dominant tapfer. The common semantic components inherent to all members of a number of the synonymic row with specific meanings for each, which allows to present a model describing a brave man in the German Linguistic Culture.

Keywords: discreteness, continuity, synonymic row, row dominant, bravery, brave, fearless, valiant.

Язык, представляя собой сложную и многоэлементную систему с широким набором различных параметров и сечений при описании и характеристике этого мира, недостаточно точен, четок и строг [Ф. Бэкон, 1935; Т. Гоббс, 1936; Дж. Локк, 1985]. Значения языковых единиц подвижны, шатки, неустойчивы [Куртенэ I, 179; II, 232, 300]. Вследствие этого любая точность в языке является относительной и приблизительной, воплощающей в себе черты континуальности и дискретности.

Особенно ярко это проявляется в организации синонимического ряда, состоящего из двух и более языковых единиц, в смысловом объеме которых имеются общие, тождественные для всех синонимов смысловые компоненты, свидетельствующие о континуальности смысла и, следовательно, плавности его перехода от одного синонима к другому. В этом отражается особенность человеческого мышления, позволяющая человеку оперировать расплывчатыми понятиями с твердым ядром и нечеткими границами [Гак, 2003, с. 16], что делает рамки значений условными и размытыми [Шведова, 2004, с. 242]. Непрерывность в синонимическом ряду (или континуальность), противопоставляется дискретности, в их соотношении обозначаются новые реалии [Лыкова, 1999, с. 57], и вследствие этого новые смыслы.

Объектом анализа настоящей статьи является синонимический ряд с доминантой tapfer. Ее синонимами являются beherzt, couragiert, draufgängerisch, entschlossen, frisch, furchtlos, heldenhaft, kühn, mannhaft, mutig, resolut, schneidig, unerschrocken, unverzagt, verwegen, wagemutig, zupackend; heroisch; herzlich, wacker; streitbar; beherrscht, diszipliniert, klaglos, ohne zu klagen; stoisch; cool [Bulitta, 2005, с. 806; Duden, 2007, с. 345]. Здесь континуальность смысла проявляется в том, что каждый из синонимов ряда имеет смысловые компоненты доминанты. К их числу относятся «sich furchtlos und zum Widerstand bereit mit Gefahren und Schwierigkeiten auseinandersetzen, mutig»; «nicht wehleidig; beherrscht, Schmerzen und seelische

Regungen, Gefühle nicht sichtbar werden lassend»; «ohne zu klagen, was als lobenswert angesehen wird» [Duden 1981, с. 2564; Duden 1996, с. 1514].

Известно, что синонимический ряд кумулирует знания людей, приобретенные в результате отражения ими окружающего мира, и накопленный обществом опыт познания мира, который может быть зафиксирован в последующем в виде синонимического ряда [Хантакова, 2008, с. 123]. Данное обстоятельство позволяет применить к синонимическому ряду тезис В. фон Гумбольдта о том, что «язык есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 1984, с. 68]. Вполне очевидно, что анализ рассматриваемого ряда может внести определенный вклад в реконструкцию и описание национально-специфического своеобразия проявления храбрости в немецкой лингвокультуре. Это представляется возможным, поскольку tapfer и его синонимы, имея в смысловом объеме общее для целого ряда значение, характеризуется способностью к тонкой дифференциации смысла [Мечковская, 2007, с. 95, 214], следовательно, существуют тонкие «неуловимые», взаимопереходящие оттенки между синонимами, которые позволяют им выражать дискретные смыслы [Цыганова, 1966, с. 170].

Дискретность смысла проявляется в противопоставлении синонимов heroisch, stoisch, wacker другим членам ряда. Они имеют в слове помету «veraltet» [Wahrig, 1980, с. 4086]. Другие лексемы – beherzt, diszipliniert, heroisch, mannhaft преимущественно используются в письменной речи и обозначены пометой «geschrieben» [Langenscheidts, 2008, с. 171, 271, 526, 710], что также отличает их от других синонимов. Лексемы frisch [Wahrig, 1980, с. 1350], cool [Duden, 2007, с. 345] употребительны в разговорной речи. Согласно словарям, лексема schneidig используется в южнонемецком и в австрийском вариантах немецкого языка [Langenscheidts, 2008, с. 941; Wahrig, 1980, с. 3288]. Как показал анализ фактологического материала, наиболее частотными являются стили-

стически нейтральные лексемы *tapfer* и *kühn*, *mutig*, с опорой на которые представляется возможным языковое моделирование человека храброго в немецкой лингвокультуре.

Храбрость человека была значимой во все времена человечества, поскольку жизнь любого общества с настоятельностью требовала его безопасности, защита которой в первую очередь ложилась на людей храбрых. Особенно это важно в настоящее время, когда мировое сообщество захлестнул терроризм, которому необходимо дать отпор во всех его проявлениях. А это может сделать человек, обладающий определенными качествами, соотносимыми с храбростью. Причем это не только представитель силовых структур, чьей основной функцией является обеспечение безопасности, но и любой человек, который в экстремальных ситуациях проявляет данное качество.

Установлено, что одной из парадигмальных черт современного языкознания, согласно Е.С. Кубряковой, является экспансионизм [Кубрякова, 1995, с. 207]. Современная лингвистика выходит за рамки своей области исследования и привлекает данные других гуманитарных наук (в нашем случае это философия, этика, психология) и тем самым стремится расширить область исследования для более полного и четкого описания объекта.

Так, в философии храбрость определена Аристотелем как одна из добродетелей, которая характеризует готовность и способность личности сознательно и твердо следовать добру [<http://de.wikipedia.org/wiki/Tapferkeit>]; как цельная совокупность внутренних, душевных и интеллектуальных качеств, воплощающих человеческий идеал в его моральном совершенстве [Апресян, 2001, с. 671]. Для актуализации этих качеств в наибольшей степени соответствует доминанта рассматриваемого ряда *tapfer*, о чем свидетельствует ее смысловой объем:

Tagtäglich sind Tausende unserer Soldaten zu Hause und in aller Welt ein Vorbild an Pflichterfüllung. Sie sind tapfer in Afghanistan, im Kosovo, im Mittelmeer vor Beirut, in Afrika. Ja, und man darf es nicht verschweigen: Es gibt Verletzte und Tote. Unsere Soldaten riskieren ihre Gesundheit und ihr Leben. Für uns und für andere [<http://www.bild.de/07.03.2008>].

Речь идет о гордости за солдат, которые в трудные минуты выполняют свой долг. Они проявляют храбрость в опасных местах: Афганистан, Косово, район Бейрута, Средиземное море, Африка. Здесь солдаты могут получить ранения или же погибнуть. Но они рискуют сво-

им здоровьем и жертвуют своей жизнью ради других. В данном примере актуализируется семантический компонент лексемы *tapfer* «*sich furchtlos und zum Widerstand bereit mit Gefahren und Schwierigkeiten auseinandersetzend*» [Duden, 1981, с. 2564; Duden, 1996, с. 1514], который характеризует солдат как бесстрашных людей, готовых идти на преодоление любых опасностей и трудностей.

С этической точки зрения, храбрость рассматривается как ценность, где мудрость – направляющая инстанция в человеке, а храбрость – исполняющая [Гартман, 2002, с. 413]. Наиболее яркое проявление этой ценности – внешняя «храбрость», то есть способность пролить кровь и отдать жизнь, обладать спокойствием перед опасностью. В данном случае имеют место решительность, настойчивость и выдержка; то есть храбрость повсюду там, где есть риск, где требуется сила личности или настоятельно необходима жертва. Это реализуется смысловым компонентом «*stoisch*», свойственный *tapfer* [Duden, 2007, с. 345]. Стойкость отражает такие ценностные доминанты, как воинственность и преодоление страха, сочетание которых создает образ храбрых героев [Шапошникова, 1999].

Лексема *tapfer*, отражающая внешнюю храбрость, изначально имела в своем значении смысловые компоненты «*groß*», «*hoch*» [Kluge, 1989, с. 721]. Это позволяет предположить, что человек, наделенный таким качеством, как *tapfer*, был, как правило, высокого роста. Этот признак внешности сохраняется и в наши дни, при этом может иметь место его переосмысление, поскольку в глазах современного общества человек, характеризующийся качеством *tapfer*, выделяется на фоне других. Выявленные смысловые компоненты в семантической структуре слова *tapfer* позволяют считать, что личность, обладающая этим качеством имела определенное положение в обществе. Об этом же свидетельствует также регистрация смыслового компонента «*bedeutend*» у данного слова в словарях Дудена, М.М. Маковского [Duden, 1989, с. 734; Маковский, 2004, с. 630]. Следовательно, такие люди обладают уважением, авторитетом, престижем, что актуализируется выдвиганием на первый план одного из признаков смыслового объема лексемы *tapfer*.

Анализ фактологического материала наряду с внешней храбростью позволяет выделить внутреннюю, соотносимую с волей, присутствием духа. Такая храбрость проявляется человеком, прежде всего, в запланированных, хорошо обдуманных действиях, с полным осознанием

последствий опасности. Этот человек испытывает страх перед грозящей опасностью, но не поддается ему. Данное качество может быть отражено лексемой *mutig*, имеющей в своем смысловом объеме компоненты «Fähigkeit, in einer gefährlichen, riskanten Situation seine Angst zu überwinden; Furchtlosigkeit angesichts einer Situation, in der man Angst haben könnte» [Duden, 1996, с. 1047].

В психологии храбрость рассматривается как волевая черта характера человека, под которой понимается индивидуальное сочетание устойчивых психических особенностей человека, обуславливающих типичный для данного субъекта способ поведения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах [Мещеряков, 2006, с. 536]. Здесь часто используется тест Кеттелла, в котором выделяется три шкалы смелости. Храбрость связана с риском, угрозой, которая требует от человека волевой активности. Именно в соотношении с ними разработаны шкалы оценок смелости, представленные в тесте Кеттелла: «С», «F» и «Н».

Данные этого теста показывают, что смелость бывает разной. Человек с высоким уровнем эмоциональной стабильности (шкала «С») способен к хорошо продуманным героическим поступкам, вытекающим из убеждений личности. К данной шкале можно отнести людей, характеризующихся лексемами *tapfer*, *unerschrocken*, *furchtlos*, поскольку они имеют такие смысловые компоненты, как «entschlossen, resolut» [Bullita, 2005, с. 806, 867, 339]:

Zehn Jahre später, im Dezember 1997, wählen ihn die Südkoreaner zu ihrem Präsidenten. Beim vierten Anlauf hat er es geschafft: Endlich zieht er ins Blaue Haus ein, den pompösen Präsidentenpalast im Norden Seouls. Für dieses Amt hat der Sohn eines Kleinbauern aus der armen Provinz Cholla seine Gesundheit geopfert. Der furchtlose Demokrat Kim Dae Jung ist auch ein kompromissloser Machtpolitiker, von brennendem Ehrgeiz getrieben. Wehe dem Weggefährten, der sich ihm nicht unterordnet [<http://www.zeit.de/02.10.2006>]!

Лексема *furchtlos*, имеющая семантический компонент «entschlossen», характеризует решительные обдуманные действия политика. Благодаря своим целеустремленным поступкам бескомпромиссный Ким Дэ Чжун после четвертой попытки стал президентом Южной Кореи.

Люди с высоким показателем смелости (шкала «Н») совершают безрассудные поступки, идут на риск, сознательно игнорируя угрозу. Человек храбрый, оцениваемый по шкале «Н»,

может быть описан лексемами *kühn*, *mutig*, *tollkühn*, так как в них присутствуют компоненты «riskant, vermessen» [Bullita, 2005, с. 504]:

Wir wurden darum keine Meuterer, keine Deserteure, keine Feiglinge – alle diese Ausdrücke waren ihnen ja so leicht zur Hand —, wir liebten unsere Heimat genauso wie sie, und wir gingen bei jedem Angriff mutig vor; – aber wir unterschieden jetzt, wir hatten mit einem Male sehen gelernt [Remarque, 1956, с. 30].

И, наконец, люди с высоким уровнем беспечности (шкала «F») могут прослыть смелыми, не проявив должной осторожности. Они необдуманно ввязываются в рискованные ситуации, в которые благоразумный человек не попадет. Людей храбрых, относящихся к шкале «F», следует описать прилагательными *draufgängerisch*, *verwegen*, *wagemutig*, поскольку они имеют в наличии семантический компонент «ohne auf Gefahren zu achten oder an die Konsequenzen seines Handels zu denken» [Langenscheidts, 1998, с. 233], характерный для людей, относящихся к данной шкале:

Denn Cruise drehte gerade einen Film, in dem er einen draufgängerischen Rennfahrer spielte, der sich vor einer Spritztour gern mal einen Drink genehmigt [<http://www.zeit.de/17.04.2009>].

Здесь лексема *draufgängerisch* описывает безрассудно смелого, беспечного человека, отличающегося своей безответственностью, который лишь случайно не причинил вред себе и другим.

Согласно данным этимологических словарей, происхождение лексемы *tapfer* восходит к XV в. и характеризуется наличием в его смысловом объеме таких семантических признаков, как «fest», «gedrungen», «gewichtig» [Duden 1989, с. 734; Kluge 1989, с. 721; Маковский 2004, с. 630]. В словаре Дудена лексическая единица *tapfer*, кроме названных в предыдущих источниках, включает в себя признаки «mutig», «kühn» [Duden, 1981, 2564].

Прилагательные, как правило, в своей атрибутивной функции сочетаются с именами существительными, следовательно, необходим анализ семантики определяемых ими имен существительных. Как показал анализ нашего фактологического материала, лексема *tapfer* преимущественно сочетается с существительными, обозначающими лиц мужского пола – *der Einzelgänger*, *der Held*, *der Kämpfer*, *der Kapitän*, *der Krieger*, *der Mann*, *der Männer*, *der Offizier*, *der Reiter*, *der Ritter*, *der Soldat*, *der Streiter*, *der Verteidiger*, *der Widerstandskämpfer*: *der tapfere Held*, *wie ein tapferer Krieger*, *dieser tapfere Mann*.

Отметим также, что лексема *tapfer* сочетается с существительными, обозначающими лиц женского пола. Нами выявлено два существительных *die Frau, die Soldatenfrau: eine tapfere Frau verteidigt die Kinder; tapfere kleine Soldatenfrau.*

Женщина проявляет храбрость зачастую не в военных действиях, а на мирном поприще. Она бывает храброй при преодолении страшной болезни, оставаясь спокойной, решительной, мужественной. Так, главный герой романа «Три товарища» Робби называл свою возлюбленную Пат, страдающую ужасной болезнью, никак иначе как *mein geliebter, tapferer, alter Bursch* [Remarque, 1960, с. 111].

Лексема *kühn*, в отличие от *tapfer*, имела в своем смысловом объеме значение «*jemand, der verstehen kann; erfahren, weise*» [Duden, 1989, с. 392]. В средневековье лексема получила значение «*mutig, stark*» (в X-XI вв.). Затем приобрела значение «*im Kampfe erfahren oder tüchtig*». Как видно из определения, лексема *kühn* характеризует не просто смелого, сильного человека, а человека решительного, опытного, мудрого. Рассматриваемая лексема чаще употребляется, когда речь идет об интеллектуальной смелости, о способности человека на неожиданный интеллектуальный ход, позволяющий по-новому взглянуть на проблему: *kühne Idee, kühne Konstruktionen, kühne Pläne:*

Die einst trostlose Hafenstadt Bremerhaven hat sich neu erfunden. Mutig setzte man viel Geld auf kühne Pläne, die sich alle als Volltreffer erwiesen. Mit den Museen und anderen Attraktionen der Havenwelten lockt die ehrgeizige Stadt einen stetig wachsenden Besucherstrom [<http://www.managermagazin.de/17.12.2010>].

Несколько лет назад Бремерхафен был перспективным городом с высоким уровнем безработицы, бедностью, чрезмерной задолженностью. Магазины были пусты, судостроительный завод не работал. Благодаря смелым действиям инвесторов город-порт Бремерхафен начал процветать. Успех сопутствовал финансовым вложениям, и в городе появилось большое количество посетителей. Речь идет не только о смелом человеке, но и опытном, мудром финансисте, который, несмотря на определенный риск, проявляет инициативу (что свидетельствует об актуализации компонентов «*erfahren*» и «*weise*» у рассматриваемой лексемы).

Для следующей лексемы *mutig* свойственно значение «*Kraft des Denkens, Empfindens, Wollens; Sinn, Seele, Geist; Gemüts (zustand), Stimmung, Gesinnung; Über-, Hochmut; Gedanke einer Tat, Entschluß, Absicht*». Данные признаки

являются определяющими для прилагательного. Рассматриваемая лексема сочетается с существительными, обозначающими ментальные процессы *Alleingang, Auftreten, Bekenntnis, Eingreifen, Eintreten, Entscheidung, Entschluß, Experiment, Initiative:*

Ziegler habe bei seinem schnellen und mutigen Eingreifen auch eigene Verletzungen in Kauf genommen, um das Mädchen vor Schlimmerem zu bewahren [<http://www.welt.de/26.01.12>].

В данном примере речь идет о Штефане Зиглер, спасшем девочку во время пожара. Его быстрые и мужественные действия спасли ее от увечий. Данный пример отражает быстроту принятия решения, а именно – оценку происходящего. Здесь актуализируется семантический компонент лексемы *mutig* «*Furchtlosigkeit*», которая характеризует человека, не поддающегося страху в опасной ситуации.

Таким образом, анализ исследуемого синонимического ряда, в котором совмещены континуальность и дискретность, позволяет описать человека храброго в немецкой лингвокультуре в разные периоды развития общества. Следовательно, синонимический ряд с доминантой *tapfer* является мощным многомерным инструментом анализа и представления человека храброго.

Литература

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. – 391 с.
2. Бэкон Ф. Новый органон. – Л.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1935. – 384 с.
3. Гоббс Т. Левиафан. – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 503 с.
4. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т.1.– 622 с.
5. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
6. Гартман Н. Этика. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 707 с.
7. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук, проф. Г.В. Рамишвили. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века. под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144-238.
9. Лыкова Н.А. Континуальное и дискретное в языке // Филологические науки. – 1999. – №6. – С.55.
10. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. Курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 432 с.
11. Хантакова В. М. Синонимический ряд как соотношение континуального и дискретного в языке // Вопросы теории текста, лингвистические интертекстуальности: сб. науч. статей. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. – С.119-127.
12. Цыганова, В.В. Синонимический ряд (на материале глаголов современного русского языка) // Очерки по сино-

нимике современного русского литературного языка. – М., 1966. – С.170.

13. Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. – 243 с.

14. Шведова Н.Ю. Три заметки о смысловых пересечениях // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 880 с.

15. Щербатых Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия. – М.: Эксмо, 2005. – 512 с.

16. Апресян Р.Г., Гусейнов А.А. Этика: энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.

17. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Прайм-еврознак, 2006. – 672 с.

18. Erich und Hildegard Bulitta. Das große Lexikon der Synonyme. Über 28 000 Stichwörter. Über 300 000 sinn-und sachverwandte Begriffe. – Fischer Taschenbuch Verlag, 2005.- S.1049.

19. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 6 Bd. – Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1981- S.2992.

20. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 3 neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim: Dudenverlag, 1996. – S. 1816.

21. Duden. Etymologie Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2 völlig neu bearb.u. erw. Aufl. – Mannheim/ Wien/ Zürich: Bibliographisches Institut, 1989. – S.839.

22. Duden. Das Synonymwörterbuch Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter. Bd.8., 4. Aufl. – Mannheim/ Leipzig/ Wien/ Zürich: Dudenverlag, 2007. – S. 1104

23. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin, 1989. – S. 822.

24. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin und München: Langenscheidt KG, 2008. – S. 1307.

25. Wahrig. Deutsches Wörterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprache: Mosaik Verlag GHBH, 1980. – S. 4358

26. Wikipedia. Die freie Enzyklopädie [Electronic resource] – URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Tapferkeit> (дата обращения: 17 апреля 2012 г.)

Список источников примеров

1. Remarque E.M. Drei Kameraden: Roman. – М.: Verlag für fremdspachige Literatur, 1960. – 454 S.

2. Remarque E.M. Im Westen nichts Neues. – М.: Verlag für fremdspachlige Literatur, 1956. – 223 S.

3. URL: <http://www.bild.de/news/standards/kommentar/kommentar-3950358.bild.html>

4. URL: <http://www.manager-magazin.de/lifestyle/reise/0,2828,734530,00.html>

5. URL: <http://www.welt.de/regionales/hamburg/article13835301/Krippenspiel-Tragoedie-Verletztes-Maedchen-darf-heim.html>

6. URL: http://www.zeit.de/2000/43/200043_headline_kim_s_.xml

7. URL: <http://www.zeit.de/2009/17/M-Zusammen-Netzwerke>

Зудаева Вероника Вячеславовна – аспирант кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета. 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, тел: 89500654913, e-mail: veronikaz2007@mail.ru

Zudaeva Veronika Vjacheslavovna – postgraduate student of chair of German philology, Irkutsk State Linguistic University. 664025, Irkutsk, Lenin str. 8, tel: 89500654913, e-mail: veronikaz2007@mail.ru

УДК 81'27

© Т.Г. Карымшакова

СТРАТЕГИЯ СБЛИЖЕНИЯ И ЕЕ НАРУШЕНИЯ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

В статье рассматривается стратегия сближения врача с пациентом как важнейшее условие завоевания доверия в медицинском дискурсе. Для достижения этой цели представитель дискурса экспертного сообщества входит в дискурс различий пациента и формирует дискурс согласования – наиболее оптимальный режим реализации лечебной деятельности.

Ключевые слова: стратегия сближения, дискурс экспертного сообщества, дискурс различий, дискурс согласования.

T.G. Karymshakova

STRATEGY OF APPROACHING AND ITS VIOLATION IN A DOCTOR-PATIENT INTERCOURSE

The main condition of patient's trust to a doctor in medical discourse is a strategy of approaching to a patient. For this purpose a representative of medical community discourse (a physician) penetrates into patient's diversity discourse forming concord discourse, the latter being the most favourable mode for treating a patient.

Keywords: strategy of approaching, community discourse, diversity discourse concord discourse.

Одной из центральных проблем современной лингвистики является изучение процесса коммуникации в связи с деятельностью в различных социальных сферах. В условиях институционального дискурса, в нашем случае медицинского, речевая коммуникация не просто сопровождает деятельность, а является одним из средств ее осуществления.

Функционально (и в широком социокультурном аспекте) на уровне речевой деятельности различают три вида дискурса.

Дискурс различий (ДР) – это множество дискурсов, в которых выражаются расхождения в суждениях и оценках в определенных областях социальной практики. Целью участников ДР является «установление признаков всеобщего, вылавливание их в бесконечности феноменологических рассуждений, интерпретаций. Общего языка в дискурсе различий не бывает» [Каплуненко, 2007].

Дискурс экспертного сообщества (ДЭС). Дискурс сообщества объединяет людей по роду занятий или интересов. Понятие дискурсивного сообщества, контролирующего дискурсивную деятельность субъекта, получило развитие в работах ряда зарубежных исследователей [Swales, 1990; Bizzell, 1992; Wenger, 1998 и др.]. А.М. Каплуненко ввел новый термин – дискурс *экспертного* сообщества – для обозначения объединения носителей специального знания, порождающих дискурс, в котором образуется, развивается и модифицируется термин [Каплуненко, 2007]. Представители экспертного медицинского сообщества владеют терминологией в результате специального образования и клинической практики. Экспертное сообщество определяется нами как иерархически организованная группа экспертов в той или иной области, подчиняющихся определенным конвенциям.

Цель медицинского дискурса – не только диагностировать заболевание, осуществлять лечебный процесс, но также дать знания о здоровье и болезни, о физическом и духовном потенциале пациента. Цель врача-носителя ДЭС состоит в том, чтобы согласовать свои профессиональные знания с наивным знанием Другого (пациента). Участники коммуникации должны прийти к **дискурсу согласования (ДС)**.

ДС в медицине создается врачом-носителем ДЭС и приближает его к ДР пациента. Врач наделен социальной и эскулаповой властью (принадлежит к общественному институту медицины, имеет социальный, профессиональный статус) и добивается коммуникативной цели посредством набора коммуникативных стратегий.

Коммуникативная стратегия – это тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, комплекс речевых действий, направленных на достижение определенной цели [Иссерс, 2008]. Стратегия в медицинском взаимодействии направлена на изменение модели мира пациента, на убеждение в необходимости определенного метода лечения и создание терапевтической атмосферы комфорта, доверия к врачу.

Авторитетный носитель ДЭС в медицине занимает позицию власти по отношению к носителю ДР и реализует лечебный процесс, направленный на выздоровление пациента; известно, что советы и назначения врача следует строго выполнять. Фактически, такое взаимодействие строится по модели командного дискурса, до сих пор существующего в военном социуме.

Однако в реальной клинической практике, содержанием которой является взаимодействие врача и пациента, эти властные отношения приобретают диалектический характер. Наши результаты наблюдения за общением врача и пациента показали, что реальная модель – более сложная и гибкая. Она включает ряд манипулятивных характеристик, первой из которых является завоевание доверия пациента. Она реализуется в стратегии сближения. Здесь и далее под стратегией сближения, с лингвистической точки зрения, понимается использование версии языка (жанров, устойчивых речевых формул, равно как и прочих референций к личным ценностям адресата), характерной для коммуникации с людьми «близкого круга»: членами семьи, знакомыми, друзьями. Иными словами, стратегия сближения предполагает вхождение носителя ДЭС в ДР собеседника.

Особый исследовательский интерес при рассмотрении медицинского дискурса представляет раскрытие механизма сближения коммуникантов. Сближение способствует формированию коммуникативной общности, обратной связи между врачом и пациентом, обозначает позиции участников общения. Например:

Пациент:

– *Здравствуйте.*

Врач:

– *Здравствуйте, Ольга Николаевна, как жизнь?*

Пациент:

– *Ах, ну как жизнь? Я все с рукой, второй уже начала делать это, как сказать...*

«Здравствуйте, Ольга Николаевна, как жизнь?» – этот вопрос является прототипическим в среде знакомых, друзей, соседей. Таким

образом, врач вместо того, чтобы сразу переходить к реализации лечебного процесса, устанавливает отношения, аналогичные отношениям с друзьями, коллегами. Врач создает ДС, приближается к ДР пациента, применив элементы стратегии сближения, а именно, типовые высказывания социальной среды людей «близкого круга».

Врач:

– *Здравствуйте, проходите!*

Пациент:

– *Здравствуйте.*

Врач:

– *О, красавица! Похорошела!*

Пациент:

– *Спасибо, Лариса Константиновна, я же поступила на закройщика-портного с прикладным искусством по пошиву национальных костюмов!*

Врач:

– *Поздравляю!*

Актуализация стратегии сближения способствует более высокому уровню доверия. «Красавица, похорошела» определяется как комплимент, как знак сближения, прототипический для данной стратегии. О значительном совместном контексте интерпретации свидетельствует информация о событии, не связанном с профессиональным взаимодействием врача и пациентки: «поступила на закройщика». Комплимент – весьма эффективный инструмент стратегии сближения, он вызывает ответную реакцию пациентки: «если врач начинает разговор с приятной характеристики моей внешности, то я поделюсь с ней информацией «близкого круга».

Как утверждает В.В. Жура [Жура, 2008], «... во время контактоустанавливающего этапа (представленного в 89,5% проанализированных первичных консультаций) происходит обработка невербальной информации – внешнего вида больного, жестикуляции и т.п., выступающих отправным пунктом диагностики болезни». В связи с этим интересен следующий пример, который иллюстрирует, как в рамках стратегии сближения реализуется переход на языковую версию, близкую к идиолекту пациента.

Врач:

– *Здравствуйте.*

Пациент:

– *Здравствуйте.*

Врач:

– *Сама прибыла, но как жизнь?*

Пациент:

– *Да ничего, так-то вроде бы все нормально, я пролечилась там, на Верхней Березовке.*

По вербальным и невербальным признакам пациентки для врача очевидно, что она имеет низкий социальный статус. Несмотря на институциональность коммуникации, ею используется разговорный язык (*да ничего, вроде бы*). Врач принимает идиолект пациента, входит в ее ДР, добившись необходимого эффекта сближения.

Следующей тактикой, в которой врач активно использует предварительную обработку невербальной информации, является тактика апробации профессиональных знаний пациента. Технически эта тактика сходна с режимом тестирования. Ориентируясь на полученную информацию и на более широкий контекст ситуации, врач строит предположение о потенциальных профессиональных знаниях пациента. Это позволяет строить взаимодействие более точно и эффективно.

Nurse:

– *His name is Monty; he says he is HIV-positive.*

Dr. Lewis:

– *Are you on any medications, Monty? AZT, DDI, Bactrim?*

Monty:

– *AZT, and some white and red ones...*

Dr. Lewis:

– *Dilantin? Have you been taking them?*

Monty:

– *Sometimes I forget.*

При осмотре ВИЧ-позитивного пациента врач делает предположение о давности заболевания, о нерегулярности или полном отсутствии лечения (*Are you on any medications, Monty?*) Ответы пациента подтверждают недостаточный контекст интерпретации, минимальное владение медицинской терминологией (*and some white and red ones...*), нерегулярность терапии (*Sometimes I forget*). Пациент, несмотря на серьезное заболевание, практически не имеет профессиональных медицинских знаний и опыта лечебного процесса, и этот вывод делается на основании тестирующих вопросов врача. Как показывает анализ нашего материала, методика тестового общения значительно повышает эффективность коммуникации «врач-пациент». Это позволяет быстрее выявить уровень профессиональных знаний пациента и приступить непосредственно к лечению.

Также весьма популярной разновидностью стратегии сближения является наращивание совместного контекста интерпретации. Участники медицинской коммуникации, являясь носителями ДР и ДЭС, имеют различные по объему и качеству дискурсы. Врач-эксперт в силу его ин-

ституционального статуса. Однако и пациент, находясь в ситуации болезни, также имеет свой уникальный ДР в медицинской области. В основе его восприятия лежит концепт «боль», бедный по содержанию, и весьма неопределенный по объему. Соответственно, вступая в коммуникацию, врач (носитель ДЭС) и пациент (носитель ДР) уже имеют совместный, в каждом случае разный, контекст интерпретации.

Врач:

– *А вы лекарства-то, какие пьете, нет?*

Пациент:

– *Я пью прилан. Ну, так, он слабый.*

Врач:

– *А какую дозировку пьете?*

Пациент:

– *Десятку пил, сейчас двадцатку пью. А так, когда 190 – 180, я знап пью.*

В данном примере врач беседует с пациентом-гипертоником, имеющим длительную историю болезни. Больной уверенно владеет необходимой медицинской терминологией. Опыт соответствующей интерпретации подтверждается использованием жаргонных слов, относящихся к дозировке лекарственных средств (*десятка, двадцатка*), умением варьировать препараты в зависимости от показателей артериального давления (*прилан, знап*). Это позволяет врачу строить профессиональное взаимодействие по приближению к ДР больного без дополнительных усилий и не подыскивать упрощенных формулировок для сокращения коммуникативной дистанции. Таким образом, врач и пациент могут устанавливать совместный контекст с целью более эффективного взаимодействия.

Отсутствие совместного контекста интерпретации создает коммуникативные помехи и неудачи во взаимодействии врача и пациента. Показателен следующий пример:

Врач:

– *Как болит? Сжмает, давит, горит...*

Пациент:

– *Нет, не горит...*

Врач:

– *Колет?*

Пациент:

– *Колет? ммм...нет, не колет.*

Врач:

– *А как?*

Пациент:

– *Просто боль. Вот стоит, и все.*

Врач:

– *Ну, какого характера? Вы мне объясните.*

Пациент:

– *А вы так, перечисляйте, я попробую сказать.*

Характерно, что пациент пытается побудить врача к тактике тестирования, рассмотренной выше. Носитель ДР вправе предполагать, что представитель ДЭС обладает более богатым репертуаром наименований концепта «боль». Однако врач отказывается использовать тактику тестирования, считая, что все варианты уже были исчерпаны.

Врач:

– *Я вам всё сказала: сжмает, давит, горит, режет, колет...*

Пациент:

– *Сжмает, может, ... наверное, ... но не совсем сжмает. Ну, трудно сказать...*

Этот пример демонстрирует, как отсутствие совместного контекста интерпретации приводит к неудаче в коммуникации (*Ну, трудно сказать...*). Несмотря на попытки врача войти в ДР пациента и применение тестовой методики коммуникации, ДС не достигнут. Пациенту не удалось сформулировать характер боли в области сердца. Врачу сложно диагностировать патофизиологические изменения и процессы, происходящие в организме больного. Стратегия сближения не реализована.

Таким образом, в силу способности разума диалектически преодолевать различия, врач выверяет различный в каждом случае совместный контекст интерпретации. Он достигает эффекта сближения, устанавливает ДС, соединив разрозненные признаки явлений и симптомов, оперирует или терминами (при значительном совместном контексте интерпретации), или понятиями (при малом совместном контексте интерпретации).

Властная функция врача, его высокий коммуникативный статус позволяют ему доминировать во взаимодействии, актуализируя как стратегию сближения, так и стратегию дистанцирования. Прототипическими для последней стратегии является использование весьма сложных медицинских терминов, вызывающих у пациентов затруднения; стратегия дистанцирования почти всегда влечет за собой нарушение принципов кооперации.

Врач:

– *А вы на хеликобактер пилори-то сдавали, нет?*

Пациент:

– *Я даже...ну... ну, это вы...на маркеры, вы мне говорите?*

Врач:

– *Нет.*

Пациент:

– Это на что? Вы мне объясните, пожалуйста. Я же...

Врач:

– Ну, на такие, эти самые...

Пациент:

– А, на бактерии?

Пациентка подтверждая, что не знакома с термином «хеликобактер пилори», запрашивает у врача дополнительную экспертную информацию. Врач уходит от ответа, дистанцируясь от пациента. Очевидно, что врач либо не владеет языковыми средствами обеспечения ДС, либо по каким-то причинам не желает формировать совместный контекст интерпретации.

Таким образом, проведенный анализ примеров коммуникативного взаимодействия врача и пациента позволяет сделать следующие выводы:

1. Дискурсивная деятельность врача носит диалектический характер и направлена на создание дискурса согласования. Актуализация стратегии сближения врача и пациента формирует коммуникативную общность и эффективную обратную связь между врачом и пациентом.

Карымшакова Татьяна Геннадьевна, аспирант, старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16, тел. 8(9021)68-98-62; раб. 22-07-57. E-mail: ktanya123@inbox.ru

Karymshakova Tatyana Gennadievna – post graduate student of Translation and Crosscultural Communication of Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Sukhe-Bator St., 16, Foreign Languages Faculty, Buryat State University, tel: 89021 -68-98-62; раб. 22-07-57. E-mail: ktanya123@inbox.ru

УДК-81'373.612.2; 811.11-112

© Л.В. Кульчицкая

ПОНЯТИЯ «КОГНИТИВНАЯ» И «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ» МЕТАФОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ РАННЕКОГНИТИВНОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается трактовка терминов «когнитивный» и «концептуальный» применительно к метафоре в ранний период утверждения когнитивной парадигмы в России (начиная с 80-х гг. XX в.) и в американской когнитивной лингвистике. Показано, что в тот период термины имели разное содержание.

Ключевые слова: когнитивная метафора, концептуальная метафора, ментальная проекция, нейронные связи.

L.V. Koulchitskaya

COGNITIVE AND CONCEPTUAL METAPHOR IN RUSSIAN LINGUISTICS IN EARLY PERIOD OF COGNITIVE LINGUISTICS

The article discusses the use of the terms «cognitive metaphor» and «conceptual metaphor» in the last decades of the 20th century in Russian and American linguistics. It argues that the terms had quite different meanings in Russia and abroad.

Keywords: cognitive metaphor, conceptual metaphor, mental projection, neural nets.

Термины «когнитивная» и «концептуальная» метафора вошли в обиход отечественных лингвистов в середине 80-х гг. XX в. задолго до широкого признания когнитивной парадигмы и теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа [13, с. 12]. Проникновению терминов во многом способствовали переводные работы зарубежных авторов о метафоре в рамках направления, которое в дальнейшем получило название «первого этапа когнитивной лингвистики» (примерно в 1960–1980 гг., до появления работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980). Труды некоторых из ведущих представителей этого направления вошли в сборник «Теория метафоры» (1990). Идеи когнитивной семантики стали революционными для американской лингвистики, находившейся прежде под влиянием структурной лингвистики Н. Хомского. Когнитивные исследования нашли отклик и в российской среде. Так, идея о метафоре как, прежде всего, идеальной сущности (когнитивного явления), реализующейся в языковой форме, оказалась созвучной советским и позднее российским лингвистам, которые привыкли в силу лингвистических традиций и идеологических установок материализма мыслить в терминах связи языка и мышления.

Когнитивное направление отечественной лингвистики на современном этапе имеет существенные отличия как от исследований американской школы когнитивной лингвистики (где оно зародилось и оформилось), так и от европейских работ. Объяснение причин различий и сути самого направления можно найти в работе Т.Г. Скребцовой, которая пишет: «отечественные лингвисты ... в силу недостаточной осведомленности... зачастую искаженно представляют суть данного (когнитивного – Л.К.) направления» [7, с. 4].

В полной мере это относится и к метафоре. Если кратко, то на сегодняшний день в России имеются фундаментальные отечественные работы, выполненные в рамках собственно когнитивной парадигмы. Они во многом строятся на постулатах когнитивной метафорологии и соответствуют заявленной проблематике [2; 3]. С другой стороны, накоплено множество ценных работ, созданных в докогнитивный период в рамках традиционной теории метафоры [1; 6; 8; 9; 10]. Их авторы – авторитетные исследователи – тоже пользовались терминами «когнитивный» и «концептуальный» применительно к метафоре, но вкладывали в них иной смысл. Наконец, появляются работы, синтезирующие оба направления. Таким образом, наблюдается столк-

новение двух парадигм лингвистического знания, в которых одни и те же термины имеют разные значения. Складывается ситуация, когда факт называния метафоры когнитивной или концептуальной служит поводом причислять употребивших этот термин лингвистов к сторонникам когнитивного направления. Такова в общих чертах проблематика рассматриваемой в данной статье темы.

Ниже мы изложим суть понимания этих двух терминов в западной и отечественной лингвистике в конце 1970-х – в 1980-е гг. (начало собственно когнитивного периода за рубежом) с тем, чтобы показать, что факт использования терминов «когнитивный» и «концептуальный» не свидетельствует о единстве теоретической платформы исследователей. Цитируемые в данной статье работы зарубежных авторов относятся к 1990-м гг. XX в., но содержание указанных терминов в них по сравнению с 1980-ми гг. XX в. и современным периодом сохраняется неизменным.

Когнитивная лингвистика в том виде, в котором она возникла в Калифорнии в исследованиях лингвистов из Беркли и Сан Диего, отводит метафоре, по мнению М. Джонсона и Дж. Лакоффа, ведущую роль первичного когнитивного механизма, который упорядочивает и структурирует мышление и опыт человека, формирует абстрактное мышление [11; 12]. Утверждается, что метафора определяет мышление, поведение, научное познание и наиболее наглядно выражается в языке и речи. В этом состоит ее вездесущность (*ubiquity*, *(all)omnipresence*). Метафора в когнитивной лингвистике как явление, прежде всего, идеальное (в отличие от материальных проявлений в языке / речи) получила терминологические наименования «когнитивная метафора» и «концептуальная метафора» [12]. По Дж. Лакоффу, метафора – это «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления». («*Metaphor is a cognitive tool we use to comprehend abstract concepts and perform abstract reasoning*» [12, с. 244]); «один из ведущих когнитивных механизмов осмысления одного через другое» (досл.: «*The cognitive mechanism for such conceptualizations is conceptual metaphor*») [14, с. 45]. Термином «концептуальная метафора» Дж. Лакофф именуется ментальные проекции между концептуальными областями источника и цели («*cross-domain mappings from a source domain to a target domain*») [14, с. 58]. Понятийная (концептуальная) область цели представлена понятиями, тре-

бующими осмысления, область источника состоит из понятий, посредством которых происходит осмысление нового. Когнитивной и концептуальной метафора признается в силу того, что она «реальность либо *нейронного*, либо *концептуального* уровня» («a reality at either the neural or conceptual level») [14, с. 58]. Из объяснений в главе 4 [14, с. 45-59] можно понять, что обсуждаемые термины относятся к двум уровням функционирования головного мозга. Когнитивная метафора как механизм соотносится с процессами, протекающими на уровне активации нейронных связей (уровень нейрофизиологической активности на языке нейропсихологии), концептуальная метафора – с уровнем мышления человека в понятиях, суждениях, умозаключениях. «Местом обитания» (локусом) первой является нейрофизиологический субстрат головного мозга, локусом второй – понятийное мышление, умственная деятельность. Концептуальная метафора объективируется в языке и речи лингвистической метафорой, а не наоборот. По лингвистическим метафорам (др. термины – метафорические выражения, объективации, реализации, рефлексии) можно опосредованно судить о метафоре в мышлении и о действии когнитивных метафорических процессов. Метафора – прежде всего в мышлении, а затем в практической деятельности, в том числе речевой. Таково понимание метафоры – когнитивной и концептуальной – в американской когнитивной лингвистике и за пределами США среди последователей когнитивного направления.

Эти же термины можно встретить в работах лингвистов Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, Е.О. Опаринной, позднее у О.Ю. Буйновой. Отечественная трактовка когнитивной метафоры в тот период существенно отличалась от американской школы когнитивистики. Когнитивной и концептуальной метафора в отечественных работах того времени была только по названию, но не по целям и методам исследования. Общее, что роднило отечественных исследователей с зарубежными коллегами-когнитологами, было признание связи и взаимообусловленности языка и мышления. Если для американцев эта идея была революционным достижением, ознаменовавшим переход от генеративной грамматики к когнитивной семантике, то приоритет в признании связи языка и мышления, а также разработка многих вопросов семантики принадлежит, несомненно, отечественной лингвистике (хотя научные достижения советского периода не выходили за пределы страны). Ниже покажем суть трактовки указанных терминов лингвистами,

которые внесли весомый вклад в развитие отечественной метафорологии.

Когнитивная метафора у Н.Д. Арутюновой [1] выступает одним из функциональных типов языковой метафоры наряду с такими метафорами, как номинативная (перенос названия), образная идентифицирующая (переход дескриптивного значения в предикатное) и генерализирующая. Последнюю Н.Д. Арутюнова считает конечным результатом развития когнитивной метафоры. Когнитивная метафора служит созданию новых значений, как, например, изначально у слова *острый* в сочетании со словами *ум, нужда, слово*. Метафорический перенос возникает в сфере предикации и касается признаков слов: при переходе «Ум *острый*» в «*острый ум*» *уму* присваивается чужой признак. Таким образом, метафоризация «возникает в результате сдвига в сочетаемости признаков слов и создает полисемию» [1, с. 340]. В приведенных ниже цитатах Н.Д. Арутюновой подчеркивается основное назначение когнитивной метафоры – создавать новые значения: «[И]з средств создания образа метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений. Метафора – орудие не только наименования признака, но и самого выделения признака. Метафора и создает значение, и дает ему имя». «Вторичная предикация направлена на достижение гносеологических целей». «Предикатная метафора <...> служит задаче создания признаковой лексики «невидимых миров» – духовного начала человека» [1, с. 336].

Таким образом, характерными чертами когнитивной метафоры, по Арутюновой, являются следующие: 1) метафоризация предикатного значения признаков слов; 2) создание новых значений (понятий) в ходе метафорического переноса; 3) роль инструмента познания (гносеологическая роль). Подводя итог, когнитивная метафора, по Н.Д. Арутюновой, – это, во-первых, метафорический перенос в сфере предикатных слов, сопровождаемый появлением новых значений; во-вторых, результат такого переноса (когнитивная метафора понимается как старый знак, вторично наполненный новым содержанием).

Понимание когнитивной метафоры В.Н. Телия сходно с пониманием Н.Д. Арутюновой в том, что когнитивная метафора признается языковой метафорой. Типология метафор по выполняемой функции у В.Н. Телия включает идентифицирующие (или индикативные), предикативные, оценочные, эмотивные (оценочно-экспрессивные) и образ-

ные. Она считает, что некоторые из этих типов «приводят к формированию нового значения» [9, с. 193], то есть обладают «когнитивной функцией». Их она называет когнитивными.

Особый интерес вызывают рассуждения о «разведении номинативных значений» метафоры. Основная идея выглядит следующим образом. Метафора дает имена объектам двоякого рода: объектам физически воспринимаемого, «видимого», мира (данного в ощущениях и познаваемого опытным путем) и объектам, постигаемым умозрительно. В первом случае (*коленная чашечка, козырек крыши, голова поезда*) метафоризируемые объекты познаны на практике, конкретны и имеют сходство с другими конкретными объектами. Они не нуждаются в допущении их подобия другим объектам, поскольку сходство реально. Модус фиктивности («как если бы») в них переходит в сравнительный модус «как», например, *колени, как чашечка* (=похоже на чашечку). Их В.Н. Телия называет идентифицирующими (индикативными) метафорами. Во втором случае метафоры, моделирующие отображение объектов невидимого мира (*жизнь газеты, рождение новой эры, плоды просвещения, память компьютера*), обладают гипотетико-когнитивной модальностью «как если бы X обладал признаками Y-а» [9, с. 191]. Между *памятью машины* и *памятью человека* нет реального подобия, но оно устанавливается в результате допущения на основе общего признака «способность к долговременному хранению информации» – как если бы у компьютера был человеческий мозг [9, с. 194]. Кроме того, метафорическое наречение непредметных объектов сопровождается формированием новых (абстрактных) значений, что позволяет В.Н. Телия считать эту часть метафор когнитивными. Индикативная метафора есть «продукт лингвокреативной техники в сфере эмпирической деятельности человека, а не собственно когнитивного процесса» [9, с. 193]. Другими словами, индикативная метафора, по В.Н. Телия, не может быть когнитивной (у Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора в языке – это проявление действия когнитивного метафорического механизма в структурах мозга. Это явления двух разных уровней.)

Далее в своей работе она предлагает классифицировать метафоры на основе модификации модуса фиктивности: «Идентифицирующая и когнитивная метафоры – это два базовых типа, а третьим можно считать образную метафору. На ее почве в совокупности с функцией идентификации или когнитивного отображения действи-

тельности, приводящего к формированию нового понятия, образуются оценочная и оценочно-экспрессивная метафоры» [9, с. 196]. Подчеркнем, теперь В.Н. Телия ведет речь не о типологии, а о классификации. Мы не беремся судить, насколько продуктивной в дальнейшем оказалась идея классифицировать метафоры на основе этого принципа. Ясно одно: в таком виде эта классификация логична. Непонятно другое: почему не признать два типа индикативных метафор, один из которых имеет конкретное значение, а другой формирует абстрактные понятия. Другими словами, если *типология* языковых метафор и их *классификация* основаны на разных принципах, то почему метафоры типа «память компьютера», формирующие абстрактные значения и выделяемые в класс когнитивных в классификации (с. 196), нельзя признать индикативными в типологии. Ведь и индикативная метафора (*коленная чашечка*) и метафора *память компьютера*, не являющаяся индикативной, по В.Н. Телия, выполняют одну и ту же функцию в языке.

В другой работе В.Н. Телия того же года индикативные, концептуальные, оценочные и эмоциональные метафоры именуется «разными функциональными типами метафор» [8, с. 42], то есть действует иной упорядочивающий принцип, и это объединение метафор не претендует на роль классификации. Кроме того, вместо термина «когнитивный» использован термин «концептуальный». Различия между индикативной и концептуальной метафорами (последняя иллюстрируется примером *волна знаний*) становятся почти неосознаваемыми, тем более, если под функцией понимать синтаксическое функционирование единицы в языке и речи (именно эта функция, по В.Н. Телия, объединяет типы метафор).

Таким образом, когнитивная (она же концептуальная) метафора, по В.Н. Телия, – это один из функциональных типов языковой метафоры, способный формировать «новые концепции в области обозначения непредметной действительности» [9, с. 193]. Показательно то, что рассуждения В.Н. Телия о когнитивной метафоре становятся той точкой роста нового знания, которому требуется иная парадигма, без которой оно оказывается уже несовместимым с породившими ее функционально-структурными и семиотическими взглядами на метафору, отсюда возникают противоречия. Время показало, что когнитивную метафору следует рассматривать в ряду других объектов и с иных методологических позиций.

Постулирование гносеологической роли когнитивной метафоры определило ей основным местом обитания язык научного описания [9, с. 195], где когнитивная метафора стала синонимом научной метафоры и концептуальной метафоры, и где ей отводилась роль орудия преодоления ограниченности языкового ресурса при описании научных феноменов: «[М]есто и роль метафоры в *языковом оформлении нового значения* рассматривается в контексте философских проблем, связанных с изучением процесса *вербализации концептуального содержания*» (Курсив наш. – Л.К.) [10, с. 170]. Как явствует из последней цитаты В.Н. Телия, приведенной выше (тот же год), термин «концептуальный» появляется вместо термина «понятийный»: когнитивный = концептуальный = понятийный. В дальнейшем, говоря о когнитивной метафоре и новых понятиях, лингвисты все чаще обращаются к терминам «концепт» и «концептуальный».

Термином «концептуальный» вместо «когнитивный» пользуется Е.О. Опарина, тоже применительно к способности метафоры порождать новые значения. Она переносит название «концептуальный» по смежности с функции на саму метафору. Придерживаясь взглядов В.Н. Телия, Е.О. Опарина устраняет противоречивость концепции В.Н. Телия в вопросе об идентифицирующих метафорах. Факт двойственности некоторых идентифицирующих метафор, способных выступать в качестве когнитивных, она объясняет тем, что «[в] метафорах, обозначающих непредметные сущности (*круг понятий, зерно истины, ..., way of life, generation gap*), направленность на формирование концептов обуславливает совмещение функций: номинативной и концептуальной» [6, с. 66]. Е.О. Опариной удалось устранить противоречивость концепции В.Н. Телия возвращением метафоры в русло традиционной лингвистики, признающей, что в акте номинации знак схватывает некое ментальное содержание.

Так, в отечественной лингвистике понимание когнитивной функции метафоры как способности формировать новое значение, а в науке – понятия (или концепта), привела к возникновению ряда ассоциативно связанных между собой терминов: «когнитивная функция метафоры» (перенос по смежности) → «когнитивная метафора» (научная метафора) → «концептуальная метафора».

Спустя десятилетие встречается несколько иная трактовка понятий, но она по-прежнему в пределах лингвистической теории метафоры. О.Ю. Буйнова исходит из дихотомической опло-

зиции метафор: метафора в языке и метафора в мире. Метафора в языке порождает новые оттенки значения и выступает в качестве механизма развития семантической структуры слова. Метафора в мире, для которой она предлагает альтернативное название «концептуальная метафора», создает новые понятия и образы. На начальном этапе такая метафора воспринимается как семантически двуплановое образование. Она стремится избавиться от образа, с течением времени он стирается, а значение имеет тенденцию к генерализации [4, с. 57]. Термин «когнитивная метафора» Буйнова употребляет синонимически наряду с термином «концептуальная метафора» [4, с. 61].

Как мы видим, введенные в лингвистический обиход термины «когнитивная метафора» и «концептуальная метафора» в последние десятилетия XX в. соотносились с их зарубежными аналогами только формально (по названию). Впервые, они употреблялись синонимично [5, с. 28]), во-вторых, рассматривались в качестве орудия преодоления ограниченности языкового ресурса для выражения новых понятий, особенно научных, в третьих, природа метафор *a priori* признавалась лингво-когнитивной вследствие традиции отечественных лингвистов мыслить в терминах связи языка и мышления. Для зарубежных лингвистов – последователей Дж. Лакоффа – когнитивная метафора – это механизм активации нейронных связей (нейрофизиологический уровень функционирования головного мозга), а концептуальная метафора – это проекция между понятийными областями (уровень понятийного мышления).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. Литература и языковедение. – 1978. – Т. 37. – №4. – С 333-343.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
3. Будаев Э.В. Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. – М.: Наука, 2008 – 248 с.
4. Буйнова О.Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г.Гака. Дубна: Феникс+, 2001. – С. 49-65.
5. Кимов Р.С. Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. – 183 с.
6. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65-78.
7. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2011. – 256 с.
8. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26-52.

9. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.

10. Телия В.Н. Послесловие // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 170-172.

11. Johnson M. The Body in the Mind: The bodily Basis of Meaning, Reason and Imagination. – Chicago: Chicago University Press, 1997. – 272 p.

12. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought, edited by Andrew Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 202–51.

13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. / J. Lakoff, M. Johnson, 2nd edition. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 276 p.

14. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. / G. Lakoff, M. Johnson. – New York, NY: Basic Books, 1999. – 624 p.

Кульчицкая Лариса Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, школа региональных и международных исследований, ДВФУ, 690000, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56. E-mail: koulchitskaya@mail.ru

Koulchitskaya Larissa Valentinovna, candidate of filological sciences, associate professor, department of Linguistics and Intercultural Communication, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (DVFU). 690650 Vladivostok, Aleutskaya str, bld. 56. E-mail: koulchitskaya@mail.ru

УДК 81'25

© М.Н. Макрова

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА ПЕРЕВОДЧИКА НА РЕЗУЛЬТАТ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблеме влияния личности переводчика и его умения решать коммуникативные задачи на результат его деятельности. В статье рассматривается вопрос о том, нужны ли сдерживающие факторы для творчества переводчика, и можно ли считать перевод отдельным стилистическим фактором в системе функциональных стилей.

Ключевые слова: устный переводчик, письменный переводчик, коммуникативная задача, влияние, сдерживающий фактор, жанр.

M. N. Makrova

THE INFLUENCE OF THE CREATIVITY OF THE INTERPRETER UPON THE RESULT OF HIS WORK

The article is devoted to the influence of the interpreter's or translator's individuality and ability to realize a communicative task in the process of translation or interpretation. It answers the question whether there should be some deterrent factors in the process of translating or the result of translation should be studied as a separate genre in the system of functional stylistics.

Keywords: interpreter, translator, communicative task, influence, deterrent factor, genre.

Спор о роли переводчика в процессе коммуникации между представителями разных культур ведется в течение ряда лет. С одной стороны, переводчик ограничен рамками материала, на который направлена его деятельность; с другой стороны, процесс перевода всегда носит характер творчества и является, в определенной степени, независимым и свободным видом человеческой деятельности. А.Попович пишет следующее о роли переводчика: «Переводчик одновременно и меньше, и больше, чем писатель. Меньше потому, что его искусство – «вторично», больше потому, что он должен быть на уровне писателей, которых переводит, познать то, что познали они, уметь соединять аналитическое познание с творческими способностями, творить в соответствии с наперед данными и

ввести текст оригинала в новый контекст» [4, с. 54].

Переводчик действительно выступает посредником в процессе двуязычной коммуникации между носителями двух различных культур, которые нуждаются в его помощи для успешного установления коммуникации. Переводчик обеспечивает коммуникативный процесс в соответствии с общественными ожиданиями, реализацию которых обычно связывают с его деятельностью. Поэтому не следует недооценивать влияние личности переводчика, его языковой и общественной культуры на результат переводческой деятельности.

Важно то, что переводчик является получателем информации, адресованной автором определенной группе людей или одному конкретному адресату. В данной цепочке обяза-

тельным условием, при котором возникает необходимость в переводчике, является владение адресатом и адресантом разными кодовыми системами, то есть системами культур в широком понимании и языковыми системами в частности. Это значит, что для переводчика очень важно знать коды обеих систем: системы языка исходного текста и системы языка, на который он переводит. Показателем успешности перевода является реакция адресата на полученную от адресанта информацию, посредником которой был переводчик.

На наш взгляд, вполне логичным является то, что, хотя главной задачей переводчика является как можно точнее и ближе к исходному тексту передать материал, содержащийся в нем, та информация, которая получена переводчиком, и та информация, которую он передает адресату, будут отличаться. В этом находит свое проявление языковая компетентность и творческая личность переводчика. Соответственно, переводчик «интерпретирует» реальность автора сообщения для его получателя (в случае, если адресат и получатель информации – это одно и то же лицо или группа лиц). Переводчик помогает преодолеть лингвокультурные трудности, касающиеся языка, культуры и актуальной общественной информации. По остальным параметрам коммуникации коммуникативные компетенции адресанта и адресата совпадают.

Условия успешной коммуникации хорошо представлены В.Н. Комиссаровым:

1. Языковая компетенция участников коммуникации;
2. Коммуникативная компетенция коммуникантов;
3. Текстобразующая компетенция коммуникантов;
4. Знание особенностей двуязычной коммуникации;
5. Готовность переводчика к многообразию переводческой деятельности;
6. Техническая компетенция переводчика [2, с. 327–339].

Все составляющие компетентности находятся в неразрывной взаимосвязи друг с другом. Например, языковая компетенция участников коммуникации тесно переплетается с коммуникативной и текстобразующей компетенциями. Языковая компетенция предполагает умение участников коммуникации подбирать такие языковые средства, которые бы служили для реализации определенной коммуникативной цели. Кроме этого на выбор языковых средств влияет ситуация, в которой происходит общение, а

также личные качества участников процесса коммуникации. Наиболее общей градацией возможных ситуаций общения является разделение на официальную и неофициальную группы.

Известно, что официальный стиль общения подчиняется строго регламентированным правилам как вербального, так и невербального уровней коммуникации. Данные правила касаются языкового строя языков, использующихся в процессе перевода: их фонетического уровня (интонационное оформление речи в соответствии с требованиями языка, полное четкое произнесение слов; отказ от редуции, небрежного произнесения языковых единиц), лексического уровня (употребление языковых единиц в соответствии с нормой языка в их прямом словарном значении) и грамматического (построение высказывания в соответствии с грамматической нормой языка). Для переводчика в указанных условиях важно знать и уметь активно пользоваться рабочими языками, точно и быстро подбирать эквиваленты в соответствии с нормами языков и ситуацией общения. Наряду с языковыми правилами для официального стиля общения характерны строгие правила поведения, определенный стиль одежды. Так, в культуре восточного типа невербальные проявления иногда могут занимать более важное место в процессе общения, чем вербальные.

Несмотря на то, что в настоящее время носители восточного типа культуры активно стремятся подражать и соответствовать ожиданиям культуры западной, в процессе общения находят проявление некоторые особенности, характерные для востока. Их необходимо знать переводчику. Восточные культуры основаны на уважении. Возможно, это объясняет стремление их представителей сделать процесс общения максимально приятным и комфортным, а также соответствовать ожиданиям носителей иной культуры при условии положительного настроения на коммуникацию и хорошего отношения к партнерам.

Очень важную роль играют первые минуты общения: знакомство и обмен визитками. Первыми это делают вышестоящие по рангу и занимаемой должности люди. Визитку необходимо внимательно прочитать. Проявлением уважения считается произнести вслух имя, отчество собеседника со всеми рангами, титулами и званиями. Дружеское рукопожатие длиннее, чем это принято на западе. Также нужно быть готовыми к тому, что в знак уважения и дружеского расположения уже в начале знакомства вам могут преподнести ценный подарок, который требует-

ся тут же развернуть и похвалить. Не следует отказываться от него, необходимо поблагодарить дарящего. Не все люди – носители разных культур – знают, да и не должны знать подобные тонкости этикета, но переводчик знает обязан и должен вовремя и правильно объяснить значение таких проявлений культуры.

Неофициальный стиль, на наш взгляд, труднее для перевода, так как он в силу своих стилистических особенностей допускает множество разнообразных отступлений от норм вербального и невербального общения. С одной стороны, это облегчает задачу переводчика максимально приблизиться к условиям общения. Некоторые неточности и отступления, вызванные культурными различиями, разрешаются. Например, иногда невозможно подобрать точный эквивалент для перевода той или иной лексической единицы, особенно, если она относится к национально-маркированной лексике или к словам, передающим особенности звучания. Тогда переводчик использует комментарий или объяснение.

С другой стороны, для перевода одной и той же языковой единицы может обнаружиться такое большое количество синонимичных эквивалентов, что поиск одной, наиболее точно отражающей значение, исходной единицы затрудняется, а процесс перевода замедляется.

В качестве примера неофициального стиля общения возьмем примеры из драмы (именно драма представляет собой стилизованный вариант неофициального общения) «Billy Liar», авторами которой являются Кейт Уотерхаус и Уиллис Холл. Их творчество можно отнести к критическому реализму 50-х гг. XX в. Данное литературное течение получило название «Сердитые молодые люди» или «Рассерженные молодые люди», у которых накопилось общее недовольство социальным положением в Англии того времени. Представители течения не видели перспектив и не отстаивали каких-либо положительных ценностей. Литература «Рассерженных» отражала умонастроения целого поколения молодежи. Бесцельное существование вызывало у молодежи гнев и протест против буржуазных порядков и морали. Обличительный пафос и кризис мироощущений ярко показан в драме «Billy Liar».

Действие драмы описывает типичное утро в обычной английской семье середины XX в. Речь героев отражает тонкости психологических взаимоотношений между членами семьи, а также отношение говорящих к происходящему в обществе. Чтобы перевести речь героев, перево-

дчику во многих случаях достаточно просто подобрать нужный эквивалент для переводимой им единицы, при этом речь героев изобилует повторами разговорных и сленговых выражений, например, *bloody* в значении «чертовый». Однако даже для перевода повторяющейся единицы можно использовать различные эквиваленты в зависимости от контекста. В следующем примере в первом случае *bloody* меняет свою привычную грамматическую роль в предложении, трансформируясь в глагол, и перед переводчиком возникает проблема подбора нужного эквивалента:

Geoffrey: If he's got it squat somewhere I'll bloody mark him for life. Everybody's got a bloody Birth Certificate [5, с. 265].

Еще одной проблемой может стать перевод названия документа, удостоверяющего личность, *Birth Certificate*. Будет ли это свидетельство о рождении? Мы считаем, что этот вариант отразит значение исходной единицы не совсем точно, поэтому задача переводчика – уточнить статус этого документа и отразить это в переводе, в случае необходимости делая пояснения.

В другом примере также требуется пояснение переводчика относительно денежной единицы либо ее перевод в соответствии с системой денежного исчисления, принятой в стране, на язык которой переводится текст, чтобы точнее представить, насколько мала и одновременно значима указанная сумма.

Geoffrey: You couldn't do no worse than us when we started. Me and your mother. We'd nothing – I hadn't two ha'pennies to scratch my backside with. We had to manage. [5, с. 240]

Geoffrey: He'll go to Dartmoor if he's not careful. [5, с. 270]

Смысл последнего примера потеряет свое исходное значение, если переводчик не найдет способа передать семантику слова *Dartmoor*. Важно знать, что это место ассоциируется у англичан с одной из самых больших тюрем. В русской культуре наиболее близким, на наш взгляд, будет слово «кутузка». «Если ему все равно, он попадет в кутузку». Все выше предложенные примеры передают речь отца, прямо или косвенно адресованную сыну. Как можно заметить, речь полна недовольством поведением сына. Переводчику также важно отразить это настроенное в переводе исходного текста драмы.

Как пишет Н.К. Гарбовский, перевод – это «деятельность, в основе которой лежит художественно-образная форма воспроизведения действительности» [1, с. 351]. Именно поэтому в каждом переводе присутствует доля творчества

переводчика. Очень сложно, особенно в художественном переводе, в переводе поэзии, избежать присутствия в тексте индивидуальности самого переводчика, его личности, культуры, особенностей восприятия и отношения к передаваемой информации. Всем знакомы гениальные переводы шекспировских сонетов С.Я. Маршака. Однако, по мнению многих специалистов, в них в значительной степени проявляется личность С.Я. Маршака. Вероятно, в подобных случаях мы имеем право говорить о существовании перевода как жанра. Наиболее нейтральные в этом смысле стили для перевода – это научный и официально-деловой. Во всех других стилях в той или иной степени личность переводчика находит свое проявление.

Несомненно, при оценивании степени адекватности перевода необходимо отталкиваться от решения коммуникативной задачи. Также необходимо учитывать то, что это не единственный критерий удачного перевода. В художественном тексте одним из главных критериев является отражение художественных образов, созданных автором исходного текста. Переводчику важно сохранить как их количество в тексте перевода, так и передать те особенные черты созданных образов, на которых автор акцентирует внимание адресата.

Кроме того, немаловажную роль играют стилистические черты исходного текста, которые необходимо уловить переводчику и адекватно передать их в тексте. Даже в процессе просмотрового чтения переводчик способен выделить стилистические особенности текста, указывающие на его принадлежность к тому или иному функциональному стилю и жанру. Однако практически в каждом тексте прослеживаются жанровые сдвиги. Жанровые сдвиги – это результат изменений стилистических особенностей текста [4, с. 63]. Когда стилистические изменения обширны, может возникнуть перестройка переводимого текста.

А. Попович указывает на то, что изменения на уровне слова в предложении создают не такую значительную модификацию жанровых особенностей оригинала, как изменение композиции и темы оригинала, или, когда адаптируются персонажи. Здесь, на наш взгляд, уместен пример создания сказки «Золотой ключик или приключения Буратино» А.Н. Толстым. Первоначально это был перевод сказки К. Коллоди «Приключения Пинокио. История деревянной куклы». Но редакторы после прочтения перевода посчитали текст перевода устаревшим и неактуальным. Они предложили несколько изме-

нить грамматические конструкции, которые передавали особенности авторского стиля оригинала. В результате адаптации текста оригинала получилась новая сказка «Золотой ключик или приключения Буратино» А.Н. Толстого с новым названием и новыми героями.

Конечно, необходимо иметь в виду, что не всегда такие жанровые стилистические сдвиги имеют положительный результат, как в нашем примере. Часто наблюдается обратное. Каждый переводчик должен избегать подобных изменений. Чтобы избежать стилистического сдвига, необходимо подробно ознакомиться и изучить особенности проявления жанра и стиля, а в художественном и публицистическом стилях – особенности проявления авторского стиля, прежде чем начать перевод текста. Это предполагает высокий уровень лингвистической, культурной, литературной и иной подготовки переводчика, его всестороннее развитие и широту диапазона его знаний.

Тем не менее, как верно указывает Л.К. Латышев, «совершенно очевидно, что переводчик, как и любой другой пишущий или говорящий, может допускать стилистические погрешности «от себя»: совершать некрасивые повторы, использовать тяжеловесные, «неудобоваримые» синтаксические конструкции, которые, как иногда говорят, «скрипят на зубах.»» [3, с. 101].

Такие ошибки не спровоцированы текстом-оригиналом и являются индивидуальными переводческими ошибками. Подобные стилистические погрешности могут встретиться и в одноязычной коммуникации. Стиль служит способом оформления содержания. Каждый язык обладает своей системой стилистических черт, набор которых для каждого языка состоит из универсальных и уникальных особенностей. Поэтому для переводчика очень важно хорошо владеть родным языком.

Не уловив особенностей авторского стиля и не передав специфики проявления авторского слога, переводчик упускает одну из важнейших составляющих любого текста – модальность автора: его чувства и отношение к содержанию, его душу и авторское проявление в тексте. Это может повлечь нарушение системы образов в тексте, а сам текст потерять его образность.

Таким образом, наряду с другими умениями от переводчика требуется владение стилистическими регистрами. Стиль и стилистические черты автора являются сдерживающим фактором в его творческой деятельности.

Переводчик параллельно работает с двумя или несколькими языками, а значит и культура-

ми одновременно. Принадлежность текстов к разным языковым и культурным системам делает невозможным формальное или содержательное тождество. Задача переводчика – подобрать наиболее точные и подходящие по значению и контексту эквиваленты для создания условий успешности коммуникации и адекватной передачи смысла исходного текста. Именно это является основой профессиональной компетентности, которая также включает элементы его творчества.

Макрова Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского госуниверситета. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16, e-mail: comettrue@mail.ru

Makrova Marina Nikolaevna, candidate of philology, associate professor of the translation and intercultural communication chair of BSU. 670000, Ulan-Ude, Sukhe-Bator St., 16, e-mail: comettrue@mail.ru

УДК 811.111'33

© **Н.И. Мониева**

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДЕЛОВОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АСИММЕТРИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РОЛЕЙ УЧАСТНИКОВ

В данной статье мы рассматриваем жанровые особенности делового предложения, а также функционирование участников, выполняющих социально-экономические роли.

Ключевые слова: жанр, деловой дискурс, деловое предложение, участники, социально-экономические роли, асимметрия.

N.I. Monieva

GENRE SPECIFICATION OF BUSINESS PROPOSAL AND ASYMMETRIC SOCIO-ECONOMIC ROLES OF PARTICIPANTS

The present article explores the genre peculiarities of the business proposal and studies functioning of the participants in asymmetric socio-economic relationships.

Keywords: genre, business discourse, business proposal, participants, socio-economic roles, asymmetry.

Цель настоящей статьи – изучить жанровые особенности делового предложения, в котором представлены участники, выполняющие определенные социально-экономические роли в рамках асимметрии.

В понимании жанров мы опираемся на положения М.М. Бахтина, который пишет, что все многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка. Характер и формы этого использования так же разнообразны, как и области человеческой деятельности.

Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и

Литература

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
3. Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак-в. – М.: Академия, 2007. – 320 с.
4. Попович А. Проблемы художественного перевода. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 180 с.
5. Waterhouse K. and Hall W. Billy Liar// Plays of the sixties. – London: Pan books LTD, 1966. – 368 p.

цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяют спецификой данной сферы общения. Каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*

Автор выделяет первичные и вторичные жанры. Особенно важно обратить здесь внимание на весьма существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (слож-

ными) речевыми жанрами. Вторичные (сложные) речевые жанры, как известно, возникают в условиях более сложного и относительно высоко развитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения [Бахтин, 1979, с. 312].

Таким высокоразвитым, преимущественно письменным общением можно назвать деловое общение. В деловом общении мы выделяем деловое предложение, которое является вторичным жанром.

Жанры официально-делового стиля или стиля официальных документов выполняют информационную, предписывающую, констатирующую функции в различных сферах деятельности. Основная форма реализации этого стиля – письменная.

Что касается самого делового предложения, то в справочниках по делопроизводству дается следующее определение деловому (или служебному) письму. Это обобщенное название широко применяемого вида официальных документов, служащих средством общения различных организаций по поводу осуществляемой ими деятельности. Деловое письмо выполняет ряд важных функций: информационная, организационная, коммуникативная, юридическая и воспитательная [Басаков, 2006, с. 149].

Письма можно классифицировать по разным признакам. Возьмем функциональный признак. Так, выделяют: гарантийное письмо, оферта, рекламация и т.д. Оферта – письменное предложение одного лица (оферента) другому лицу (акцептанту), выражающего желание заключить с ним договор. Оферта имеет определенный указанный в ней срок действия.

Письмо – предложение (служебное письмо) направляется потенциальному партнеру с предложением о сотрудничестве в различной форме. В коммерческой деятельности оно используется как коммерческое предложение. Письмо-предложение может быть направлено одному корреспонденту или сразу нескольким. Предложение партнеру может содержать конкретную детальную информацию, так что следующим шагом может быть заключение договора, или общую информацию, являющуюся фактически предложением к началу переговоров.

Вот какое определение дает сайт: «A **business proposal** is a written offer from a seller to a

prospective buyer. Business proposals are often a key step in the complex sales process – i.e., whenever a buyer considers more than price in a purchase» [www.wikipedia.org].

Таким образом, мы можем предположить, что эти термины – во многом синонимичны и взаимозаменяемы. Их основная цель – предложить сотрудничество потенциальному клиенту (покупателю).

Во многих пособиях по написанию деловой корреспонденции авторы выделяют следующую структуру письма-предложения как документа:

1. повод написания;
2. ответы на вопросы потенциального заказчика;
3. дополнительные предложения;
4. выражение надежды на заказ.

Письмом-предложением поставщик (the supplier) обычно отвечает на письмо-запрос. Отвечая на общий запрос, он благодарит за проявленный интерес и обычно предлагает прейскуранты (price-lists), каталоги и условия типового договора [Богацкий, с. 129]. Деловое же предложение на сайтах банков изначально не предполагает письма-запроса.

Так, существует ряд требований к оформлению делового письма: текст письма должен быть логичным, последовательным, убедительным и корректным по форме. Факты и события должны излагаться объективно, лаконично, ясно. Текст письма не должен допускать различного толкования. В композиционном плане письма содержат: вступление, основную часть (доказательство) и заключение.

Организация текстов официальных документов отличается жесткой структурированностью. Но в деловых предложениях банков эта характеристика сохраняется не всегда.

Как правило, адресатами являются: personal, small business, wealth management, corporate and institutional [www.bankofamerica.com], или Personal, Business, Insurance, Wealth Management [www.abtbank.com]. На сайтах российских банков мы наблюдаем примерно тех же адресатов: частные клиенты, корпоративные клиенты, VIP-клиенты, финансовые организации и госструктуры [www.atb.su].

В целом, интернет-банкинг является частным случаем дистанционного обслуживания клиентов, и компьютерная сеть Интернет – один из возможных каналов передачи информации наряду с телефоном, телеграфом, почтой и факсом. Услуги и обслуживание в рамках интернет-банкинга могут включать оптовые услуги для корпоративных клиентов, а также розничные и фидуци-

арные услуги для заказчиков, среди которых выделяют: запросы на ссуды, инвестиционную деятельность и прочие. Такого рода сайты эксперты называют корпоративным сайтом, а также и разветвленной рекламой, информация приходит напрямую, без посредников (в отличие от СМИ, например). Целями и задачами корпоративного сайта являются: увеличение числа клиентов, предоставление целевой аудитории необходимой информации, поддержание положительного имиджа, упрощение процесса взаимодействия с клиентами и т.д. [Юденков, 2011, с. 54-59].

Так, мы рассатриваем деловое предложение банков в рамках делового дискурса. Выделяются типы речевого высказывания и формы речевой коммуникации [Адмони, 1994, с. 71-73; Гойхман, Надеина, 1997, с. 13; Львова, 1991, с.35]:

1. Терапевтический диалог:
 - психотерапевтический;
 - «врач – пациент»;
2. Дискуссия, обсуждение, совещание:
 - в учебном заведении;
 - деловое общение (финансы, управление, бизнес);
 - прочие официальные институты;
3. Слушания, заседания;
4. Массовая коммуникация и т.д.

В данном случае мы говорим о дискуссии, внутри которой присутствует и деловое общение (деловой дискурс). Во многих работах, характеризующихся коммуникативной ориентацией, нетрудно найти описание компонентов социокультурной ситуации общения.

Д. Хаймс [Хаймс, 1975; Орлова, 1994, с. 98-100] представил весь этот набор параметров в один акроним *speaking. Setting* объединяет две переменные: «обстановку» (время и место коммуникативного процесса, внешнее окружение, среда с ее физическими параметрами) и «сцену» (культурное определение данного акта общения, его места в коммуникативном процессе); *Participants*: к участникам общения относятся «говорящий», как инициатор взаимодействия, «адресат», как намеренно выбранный говорящим объект коммуникативного воздействия, «слушатель». Говоря о социальных отношениях собеседников, можно выделить: симметричные и асимметричные (социокультурно, например, по отношениям в социальных институтах; профессионально – по должности или по уровню компетенции; по разным функциям в самом разговоре, например, в интервью).

Социальная роль – это «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый

от каждого, занимающего данную социальную позицию», социальная позиция или статус – формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы. Соотношение ролей может быть тройким:

1) роль первого участника ситуации (X) выше роли второго участника ситуации (Y): $P X > P Y$;

2) роль первого участника ситуации ниже роли второго участника: $P x < P y$;

3) роли обоих участников ситуации равны: $P X = P Y$.

В данном случае мы имеем *participants*, выполняющих асимметричные роли (банк – держатель ресурса, клиент – проситель ресурса) и соотношение ролей идет по первой схеме: $P X > P Y$ [Крысин, 1976, с.42].

В деловом дискурсе мы наблюдаем асимметрию между банком и клиентом. Поскольку именно банк делает деловое предложение, то в его интересах приблизиться к потенциальному клиенту, таким образом создать согласование дискурса. Представителем экспертного сообщества выступает банк, а чтобы выстроить отношения с клиентом банки должны бы были отойти от терминов и выйти на уровень **дискурса согласования** (ДС), в центре которого находятся понятия. «Понятия это то, о чем ЛЮДИ договариваются, их ЛЮДИ конструируют для того, чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем, опираясь на логические соображения» [Демьянков, 2005, с. 5]. Адресат-клиент не является членом экспертного сообщества, потому он не может правильно интерпретировать термины, но несмотря на это банки от терминов не отходят, а продолжают их использовать. При этом можно предположить, что для деловых дискурсов, представленных на сайтах банков в виде деловых предложений, изменение терминологии как основы общения нетипично. Поскольку соответствующие примеры использования языка весьма объемны, приведем только один контекст, в котором наличествуют типичные основные признаки делового предложения:

URL: www.bankofamerica.com – Small business – Business products – Real estate loans

Features

Bank of America real estate loans let you finance commercial real estate assets up to 20 years, with fully amortizing and balloon payment options.

Who it's for.

Real estate loans are for business owners who want to finance new or existing commercial real estate.

Real estate loan features Footnote1

- Available for amounts of \$25,000 and up
- Can be used to construct, purchase, or refinance an owner-occupied business property, or expand or remodel existing facilities
 - Provides a one-time lump sum for real estate purchases
 - For real estate construction, funds are disbursed throughout construction schedule
 - Fully amortizing and balloon payment options
 - Competitive, fixed or variable rate of interest
 - Secured by the owner-occupied real estate you're financing
 - Available terms up to 20 years
 - Maximum of 85% loan to value, including fees financed
 - 1st and 2nd mortgages available on owner occupied real estate up to maximum loan to value.

Requirements

- Business established 2 or more years
- Copy of Purchase contract required (if purchase)
- Copy of most recent tax assessment on property
- Outside appraisal of property value may be required
- Requested amounts over \$100,000^{Footnote*} generally require the following:
 - Financial documentation including the past 2 most recent years business and personal tax returns.
 - All owners with at least 20% ownership required to guarantee, with a minimum of 80% ownership

Footnote *May also be required for certain requests less than \$100,000

Footnote ¹Property insurance, flood hazard insurance, appraisal and/or other conditions may be required. Additional fees and closing costs may apply. Other restrictions may apply.

Здесь очевидна структура делового предложения (займа), где есть название самого предложения, его адресат, требования к клиентам. Примечательно, что для дополнительных условий банк использует более мелкий шрифт. Для банка, с одной стороны, важно привлечь как можно больше потребителей, но при этом обезопасить собственные интересы и подстраховаться на случай невыплаты, но сделать это, уже не особо привлекая внимание клиента.

Среди терминов используются следующие: real estate, loan, tax assessment on property, balloon payment options и т.д. Возможно, это происходит потому, что деловое предложение в письменной форме само по себе предполагает строгое использование терминов и не терпит иного толкования. Вероятно, можно говорить об обратном при устной форме общения. Однако это предположение требует проверки.

В письменной коммуникации роли участников асимметричны. Один из них занимает властную позицию (банк), используя язык власти, а другой участник (клиент банка) вынужден принимать условия, навязанные этим языком.

Таким образом, можно заключить, что в жанре делового предложения социально-экономические роли участников асимметричны. Для делового общения характерно сохранение терминологии и обладатель властной позиции диктует свои условия.

Литература

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. – СПб., 1994. – С. 71-73.
2. Басаков М.И. Приказ и деловое письмо (требования к оформлению и образцы документов согласно ГОСТ Р 6.30-2003): практ. пособие. – 6-е изд. – Ростов н/Д: Феникс 2006. – С.149-150
3. Бахтин М.М. «Эстетика словесного творчества». – М.: ИСКУССТВО, 1979. – С. 237-238.
4. Богацкий И., Дюканова Н. Бизнес-курс английского языка. – Киев: Логос; Мю: Рольф: Айрис-пресс, 1999.- 352 с.
5. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. – М., 1997. – 13 с.
6. Демьянков В.З. Когнития и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №3. – С.5-10.
7. Интернет-технологии в банковском бизнесе: перспективы и риски: учеб.-практ. пособие / Ю.И. Юденков, Н.А. Тысячникова и др. – М.: КноРус, 2011. – С. 54-59.
8. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976. – С. 42-52.
9. Львова С. И. Язык в речевом общении. – М., 1991. – 35 с.
10. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М., 1994.
11. Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. – Вып. 7: Социоллингвистика. – М., 1975. – С. 42-95.

Интернет – ресурсы

12. www.abtbank.com
13. www.atb.su
14. www.bankofamerica.com
15. www.wikipedia.org

Мониева Наталия Ивановна, преподаватель кафедры английской филологии, факультет иностранных языков Бурятского государственного университета. 670000, Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16, тел. 21-48-10, e-mail: nataliamon@rambler.ru

Monieva Natalia Ivanovna – teacher of English Philology Chair, FFL, BSU, 16 Sukhe – Bator str., office 3108, 670000 Ulan-Ude, tel.: 21-48-10, e-mail: nataliamon@rambler.ru

УДК 41

© Л.Г. Попова, А.С. Головин

О СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «РОДСТВО» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Статья посвящена анализу современных интерпретаций концепта «родство», предлагается новый подход к изучению данного концепта.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, родство.

L.G. Popova, A.S. Golovin

ABOUT DEGREE OF STUDY THE LINGUACULTURAL CONCEPT «RELATIONSHIP» IN THE MODERN LINGUISTICS

This article is devoted to the analysis of modern interpretations the concept «relationship» and offers a new approach to study of this concept.

Keywords: linguoculturology, concept, relationship.

Лингвокультурный концепт «родство» не подвергался ранее детальному исследованию в лингвистике, но в языковедении имеют место работы, где изучается вербализация как лингвокультурных, так и просто концептов, близких по своему содержанию лингвокультурному концепту «родство». Одним из таких концептов является концепт «семья», который, по замечанию Ю.В. Каменской, выступает как один из базовых концептов национальной картины мира. Лингвист посвящает свое исследование репрезентации концепта «семья» в русской диалектной картине мира на материале текстовых корпусов, говором некоторых сел и хуторов Саратовской области.

При исследовании концепта «семья» она обращается к его структурированию в виде фрейм-модели и выделяет на материале говором (при сопоставлении со словарными дефинициями семьи) следующие терминалы:

– нуклеарная (биологическая) семья – семья, состоящая из мужа, жены и детей, живущих под одной крышей;

– патриархальная (сложная) семья – совместное проживание нескольких поколений родственников

Жизнь семьи – сюда входят слоты: знакомство будущих супругов, создание семьи, рождение и воспитание детей, жизнь супругов после того, как выросли дети.

Перечисленные составляющие концепта обладают в высокой степени лексической категоризацией на диалектных материалах [Каменская, 2008, с. 79-82].

М.А. Терпак представляет коннотативное содержание единиц английского семантического поля «родственные отношения» в своей кандидатской диссертации на материале лексических

и фразеологических единиц. Семантическое поле «родственные отношения» в рамках лингвокультурного концепта «семья» составляют слоты:

I. Терминал «нуклеарная семья», слоты:

1. Родители и дети

II. Терминала «патриархальная семья», слоты:

1) дом/семья

2) глава семьи/рода

3) отдаленное родство, куда включаются

а) двоюродные братья и сестры

б) племянник/племянница

в) дяди/тети

III. В терминал «родство по супружеству» входят слоты:

1. муж/жена

2. брак

3. развод

IV. А в терминал «клан» входят слоты:

1. глава клана

2. родственные отношения внутри

Родственные отношения рассматриваются ею как концептосфера, которая находит свое выражение в английском семантическом поле, состоящем из терминов родства, наименований, относящихся к коллективным представлениям о доме, семье, кровно-родственных отношениях и родстве по супружеству [Терпак, 2006].

В филологии семья рассматривается как особая категория. Так, М.С. Зайцева, используя романы П. Краснова, исследует историю дворянской семьи в художественном мире этого писателя [Зайцева, 2007]. Семья становится объектом психолингвистического исследования как инструмент социализации личности. Ю.А. Цыганова обращается к психолингвистическому анализу

понятия современной российской семьи [Цыганова, 2007, с. 314]. Лингвист считает, что применение методов психолингвистики позволяет выявить современные образы семьи в языковом сознании определенных социальных групп. В своей работе она представляет некоторые результаты исследования образов семьи на примере разновозрастных групп, лиц мужского пола [Цыганова, 2009, с. 180].

Изучению образа семьи в языковом сознании русского народа посвящает свою кандидатскую диссертацию С.В. Грибач. Он отмечает тот факт, что в современном обществе наблюдается кризис брака, который отражается специфически в языковом сознании мужчин и женщин [Грибач, 2005, с. 166-169]. Итак, семья является довольно изученным объектом исследования, выступая в качестве концепта в лингвистике. Также в литературоведении и психолингвистике она остается постоянным объектом исследования.

Кроме концепта «семья», в языкознании изучаются близкие к лингвокультурному концепту «родство» концепты «человек», «ребенок». Ж.А. Джамбаева анализирует разные языковые средства выражения в названных концептах в языковом сознании русских казахстанцев. Лингвист подчеркивает тот факт, что к разряду таких средств языка наряду со словами относятся фразеологические единицы и паремиологические сочетания. Анализ концептов «человек», «семья», «ребенок», по ее мнению, подтверждает, что понятия, связанные с человеком и семьей, продолжением человеческого рода в любой культуре являются важными и основополагающими. В сознании русских информантов эти концепты относятся к ценностям высокого порядка [Джамбаева, 2009, с. 74, 82].

А. С. Сказко в своей кандидатской диссертации рассматривает «родство» как семантический элемент наряду с другими элементами типа «род», «первопредок» первичного исторического пласта культурного концепта «семья» [Сказко, 2005]. Анализируя лингвокультурологические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах, У. Синьуй отмечает факт сохранения культа кровного родства в китайской культуре и проявления значимости духовного родства в русской культуре, выделяя существование особых отношений между участниками обряда крещения, и присутствия в русском языке таких лакунарных для китайцев понятий как «крестная мать», «крестный отец», «крестник», «кум» [У. Синьуй, 2009]. М. В. Матвеева на материале русской идиоматической системы изучает концепт «семья» и выделяет в его

структуре неродственные отношения, подчеркивая наличие когнитивных классификаторов: «кровное родство», «некровное родство» [Матвеева, 2007].

К ряду перечисленных концептов, близких изучаемому, относится концепт «брак», который исследуется Е.А. Кудиновой в рамках анализа его лексической репрезентации в русском и немецком языках с позиции этнолингвистики. Выделяя в качестве базовых лексемы «die Ehe» и «брак», языковед говорит об их этимологическом несоответствии и нетождественности, связанной со специфической представленностью в языковом сознании русских и немцев [Кудинова, 2008, с. 98].

Пожалуй, антиподом концепту «родство» выступает концепт «чужеродность». Как отмечает Ю.С. Степанов, эта конфронтация «свои-чужие» пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого мироощущения [Степанов, 2004, с. 126]. Основной причиной формирования оппозиции «свой-чужой» М.Н. Петроченко видит выделение собственного Я и противопоставления его чему-то другому [Петроченко, 2006, с. 22]. Л. В. Куликова подчеркивает, что чужое в языковом сознании может существовать только при наличии своего [Куликова, 2004, с. 56]. Ю.И. Детинко рассматривая концепт «чужеродность в парадигме междисциплинарности, выделяет ряд особенностей его характеристики:

1. Чужой не может быть сам по себе, он обязательно представлен в оппозиции к своему.
2. Чужое может восприниматься двояко: с одной стороны, как нечто плохое, враждебное, угрожающее; с другой стороны – как средство познания нового мира и в самом себе.
3. Чужое всегда субъективно и зависит от позиции коммуникантов» [Детинко, 2007, с. 106].

В кандидатской диссертации О.А. Араповой, посвященной исследованию концепта «дружба» на материале русского языка, отмечается взаимодействие данного концепта со смежными концептуальными структурами, к разряду которых относится и «родство». Этот ментальный конструкт представляет собой, по ее мнению, смежный и генетически-родственный концепт [Арапова, 2004]. Отдельно термины кровного родства в карачаево-балкарском языке анализируются А.К. Аппоевым в его работе для выяснения специфических особенностей и возможностей в развитии значений в отдельно взятом лексико-семантическом разряде слов [Аппоев, 2010].

Итак, лингвокультурный концепт «родство» не подвергался ранее в лингвистике самостоятельному рассмотрению. Но он был упомянут В.И. Карасиком в его классификации социальных концептов, реализующих типы отношений. Этот концепт относится и к концептам интерперсональных отношений, которые образуют среди социальных концептов самостоятельную группу. Он называет концепт «родство» наряду с концептами «влияние», «независимость», «подчинение» [Карасик 2005, с. 74-77].

Литература

1. Карасик В.И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып.2.
2. Каменская Ю.В. Фрейм «семья» в диалектной картине мира // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – Ч. 2. – №8(15).
3. Зайцева М.С. О категории «семья» в романе П. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени» // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007.
4. Цыганова Ю.А. Семья как объект психолингвистического исследования // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007.
5. Грибач С.В. Образ семьи в языковом сознании русских: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
6. Цыганова Ю.А. Образ семьи в языковом сознании мужчин // Языковые культурные контакты различных народов: сб. ст. междунар. науч.-метод. конф. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2009.
7. Джамбаева Ж.А. Коцепты «человек», «семья» «ребенок» в языковом сознании русских казахстанцев. Materialy V Miedzynarodowej naukow-praktycznej konferencji «Wykształcenie I nauka bez granic – 2009» Volume 14. Filologiczne nauki.: Przemysł (Polska). Nauka I studia, 2009.
8. Кудинова Е.А. Лексическая репрезентация концепта «брак» в русском и немецком языках // Альманах

современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – ч.2.-№8(15).

9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Академический проект, 2004.
10. Петроченко М.Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектно-бытовом текстах: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2006.
11. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004.
12. Детинко Ю.И. Концепт «чужеродность» в парадигме междисциплинарности. // Языковые и культурные контакты различных народов: сб. ст. междунар. науч.-метод. конф. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2007.
13. Иная ментальность: коллективная монография / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005.
14. Терпак М.А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке: на материале семантического поля «Родственные отношения»: дис. ...канд. филол. наук. – Самара, 2006.
15. Сказко А.С. Трансформация концепта «семья» в культуре России: дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2005. – 170 с.
16. У Синьей. Лингвокультурологические и лингво-методические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах: дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2009. <http://www.dissercat.com/content>.
17. Матвеева М.В. Концепт «семья» и его репрезентация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2007.
18. Аппоев А.К. Термины родства в карачаево-балкарском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 2 (58).
19. Арапова О.А. Концепт «дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004.

Попова Лариса Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и методики Московского гуманитарного педагогического института. 393761, Тамбовская область, г. Мичуринск. Тел. 89606648980, (47545)51162. E-mail: larageorg@inbox.ru

Головин Александр Сергеевич, аспирант кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского гуманитарного педагогического института.

Popova Larisa Georgievna – doctor of philology, professor, professor of German Philology and Teaching Methodology Chair of Moscow Humanitarian Teacher-training Institute. Address: apt.5, 6 Internatsionalnaya st, Michurinsk, Tambovskaya oblast. 393761, tel: 89606648980, (47545)51162. E-mail: larageorg@inbox.ru

Golovin Aleksandr Sergeevich – postgraduate of English Studies and Crosscultural Communication Chair, Moscow Humanitarian Teacher-training Institute.

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассмотрены традиции и современные тенденции в литературе Германии.

Ключевые слова: литературная традиция, подражание, влияние, заимствование, литературное течение.

М.А. Romanyuk

TRADITION AND INNOVATION IN MODERN GERMAN LITERATURE

The article deals with the literary tradition in the literature of modern Germany. This article will be interesting to an expert in philology.

Keywords: literary tradition, imitation, influence, borrowing, literary trend.

Об огромном значении традиций как стимуле любого творчества ученые говорят весьма настойчиво, утверждая, что культурное творчество знаменуется, прежде всего, наследованием прошлых ценностей [2], что «творческое следование традиции предполагает поиск живого в старом, его продолжение, а не механическое подражание отмершему [3, с. 52].

В литературе термин «традиция» (лат. *tradere* – передавать) не имеет однозначного толкования и применяется как по отношению к преемственной связи, объединяющей ряд последовательных литературных явлений, так и по отношению к результатам такой связи [6].

В.Е. Хализев разграничивает два значения термина «традиция». В первом значении понятие определяется как опора на прошлый опыт в виде его повторения и варьирования (здесь используются термины «традиционность» и «традиционализм»). Традиционализм оказывал влияние в литературе на протяжении многих веков, вплоть до середины XVIII в. Позднее он утратил свою роль и стал восприниматься как помеха для художественной деятельности, и в обиход вошли суждения о «гнете традиций». Второе значение термина «традиция» приобрело свою актуальность в изменившейся культурно-исторической ситуации, когда обрядово-регламентирующее начало стало сводиться к минимуму (особенно в XX в.). Под «традицией» стали понимать инициативное и творческое (активно-избирательное и обогащающее) наследование культурного опыта, который предполагает совершенствование ценностей, составляющих достоинство человечества.

Следовательно, литературная традиция соприкасается с такими литературными явлениями, как подражание, влияние и заимствование. При этом традиция отличается от них тем, что

традиционный материал, будучи общепризнанным в данной литературной среде, составляет часть ее художественного обихода, ставшую общим достоянием, а подражание, влияние и заимствование имеют дело с материалом, лежащим вне данной литературной среды и еще не усвоенным ею. Тем не менее, эти логически различные понятия с большим трудом различимы на практике, поскольку большинство литературных явлений соединяется между собой не одной, а несколькими связями [5].

Для более детального различения приведенных терминов рассмотрим их определения, данные российским литературоведом И.Н. Розановым. По его мнению, термин «влияние» обычно понимается широко, сюда включаются часто заимствование и подражание. Однако литературное заимствование в отличие от литературного влияния всегда бывает сознательным. Если влияние и может быть иногда осознано автором, то или не вполне, тогда как заимствованию присущ элемент преднамеренности. Например, автор предварительно вчитывается в какое-либо чужое произведение, желая напитаться его духом или усвоить его манеру и язык, затем легко переходит в подражание и стилизацию.

У многих авторов склонность к заимствованию коренится в сознании, что продукты чужого творчества являются общим достоянием. Как показывают примеры (Шекспир, Гете, Пушкин), заимствования играют видную роль в творчестве и гениальных писателей. Однако, как писал И.Н. Розанов, «чаще заимствования свидетельствуют о творческом бессилии (например, многочисленные переделки французских пьес на русские нравы), об авторской спешке, лени или недобросовестности» [8].

Заимствованные сюжеты преобладали в словесном искусстве ранних стадий его развития,

вплоть до эпохи Возрождения и классицизма. Творчество эпических и драматических писателей являло собой обработку сюжетов, восходящих к предыдущим эпохам, к народному творчеству, к мифологии. Большинство драматических произведений Шекспира основано на сюжетах, давно знакомых средневековой европейской литературе. Традиционные сюжеты человечества (прежде всего античные) широко использовались также классицистами: Расином, Мольером, Ломоносовым, Гете [9].

В литературе последних столетий, особенно в творчестве писателей-реалистов, на первый план выдвигаются вновь созданные, оригинальные сюжеты. Однако заимствованные из предшествующей литературы сюжеты продолжают играть значительную роль. Так, мотивы легенды о чернокнижнике Фаусте, восходящие к немецкому средневековью, дали человечеству в XIX в. гетевского «Фауста», а в XX в. – роман Т. Манна «Доктор Фаустус». Широко используются в литературном творчестве также сюжеты фольклорные, античные, библейские, евангельские. Опираясь на уже известные литературе сюжеты, писатели и поэты ставили и ставят глубокие нравственно-философские проблемы. Порой они художественно воплощают широкие обобщения, сопоставляя друг с другом (как по сходству, так и по контрасту) явления разных исторических эпох. Наиболее часты заимствования характеров, положений и текстуальные. В поэзии особенно большое значение имеют заимствования звуковые: размеров, ритма и рифм [6].

Подражание отличается от заимствования тем, что здесь особенно важен элемент сходства, а в заимствовании центр тяжести лежит на собственной переработке. Подражание вытекает из желания приблизиться к образцу, сравняться с ним или превзойти. В некоторых случаях подражание внешним приемам граничит со стилизацией. Литературная традиция нередко переплетается с влиянием, подражанием и заимствованием одновременно, например, поэзия М.Ю. Лермонтова отображает, с одной стороны, байроновскую традицию, вошедшую в русскую литературу через А.С. Пушкина, с другой же стороны, представляет собой ряд непосредственных подражаний Байрону [5].

Материалом литературной традиции могут служить многие элементы прозы и практически все элементы поэтики: тематика, композиция, стилистика, ритмика. Однако чаще эти элементы передаются традицией не порознь, а в некотором сочетании друг с другом, в соответствии с той постоянной связью, которая существует ме-

жду ними в искусстве слова в литературных направлениях и течениях [5].

Областью литературной традиции может быть как творчество одного народа, так и международное: можно говорить о классической традиции в мировой литературе или традиции Брехта в немецкой литературе.

Интенсивность литературной традиции может быть неравномерна: отдельная традиция то ослабевает, то усиливается, то, наконец, прекращается. Однако угасшая традиция может возрождаться под влиянием исторических условий. При этом материал угасшей традиции никогда не отмирает до конца: даже если исчезают общие условия, поддерживающие традицию, он остается в качестве литературных пережитков.

Во всяком литературном процессе существует сочетание двух начал: традиции и личного творчества. Там, где личное творчество углубляет традицию, можно говорить о литературной эволюции. Там же, где личное творчество восстает против традиции, оно создает литературную революцию [9]. В том случае, когда личное творчество восстает против традиции, оно нередко создает новую традицию: так, романтизм, являясь началом антитрадиционным по отношению к классическому искусству, сам положил начало новой, романтической традиции. Личное творчество также может устанавливать новые традиции, не порывая со старыми. Так, Г. Гейне удалось впитать в свое поэтическое творчество романтическую традицию, а позже и традицию классическую. Различные традиции могут сосуществовать, иногда объединяясь в одно целое, иногда лишь некоторыми частями соприкасаясь друг с другом. Нередко протест против традиции выражается не путем создания чего-либо нового, а путем возрождения старого [11].

В данном исследовании мы обращаемся к литературной традиции в творчестве современных немецких авторов. При этом традиция рассматривается не как оглядка на проверенные литературные авторитеты, а как поиски опоры в устоявшемся, опробованном и выдержавшем испытанием временем литературном опыте.

Для новейшей немецкой объединенной Германии характерны переработка традиции прошлых лет, связь с литературой прошлого, использование накопленного прежде опыта, скрытое цитирование, своеобразная перетасовка прежних литературных элементов с целью создания произведений новых, то есть, по выражению исследователя постмодернизма Н. Маньковской, «оперирование литературными кодами предшественников как средством художествен-

ного моделирования» [5, с. 188] Так, например, в «Прощании с друзьями» (1995) Райнхарда Йиргля мы находим интертекстуальную связь с «Одиссеей», «Михаэлем Кольхаасом», «Жестяным барабаном» и другими произведениями немецкой и мировой литературы.

В 1990-е гг. приветствовалось многое из того, что ранее отвергалось. Неприемлемым оставалось одно – дух игры с традицией, который конструировал, а точнее, «деконструировал» (что немцы считают очень опасным) как письмо, так и чтение постмодернистских произведений. Впоследствии тема постмодернизма ушла на второй план под давлением специфической немецкой политической ситуации. А после объединения Германии возник так называемый немецко-немецкий спор, продолжающийся и по сей день [4].

В рамках спора в литературных дебатах повышается роль читателя, предпочтениям которого раньше не придавалось такого значения. Он сам очищает литературный рынок от «хлама». Объединение Германии повлекло за собой изменение в структуре искусства. В общем-то, по поводу этого и начался великий спор немецких интеллектуалов, которые вообразили, что их дебаты могут привести к порядку в немецкой литературе. Создавшуюся ситуацию жестко охарактеризовал один из известнейших современных немецких писателей Бото Штраус в своем культурно-политическом эссе «Упоительное бляение баранов», напечатанном в «Шпигеле» в феврале 1993 г. [7].

Говоря о «бараньем упрямстве», Штраус подразумевал косность сознания части немецких писателей, их нежелание мыслить по-новому. Разразившиеся после публикации дебаты явились демонстрацией интолерантности. В течение года более пятидесяти авторов приняли участие в дискуссии. Невозможно представить, чтобы такое случилось в прежней ФРГ. Но как мог именно он до такой степени накалить страсти «писателей круглого стола»? Тот самый Бото Штраус, который внёс в 1991 г. своей театральной пьесой «Финальный хор» значительный вклад в достижение немецкого единства, теперь пишет, что не заразившийся политической болезнью современник сегодня различает за фасадом хитрых перестановок и изменений попытки бегства и тенденцию к откату назад [10].

В литературном обществе экс-ГДР разразилась своя дискуссия. На страницы изданий хлынул поток публикаций по истории литературы ГДР. Стали известны имена писателей, которых ранее обходило стороной внимание литератур-

ной общественности. На поверхность вышла так называемая «оппозиционно-критическая» (Ф. Квилициш) литература. Вскрылся неоднородный характер всей литературы ГДР. По поводу столь «неожиданного» возникновения оппозиционно-критического течения в литературе ГДР на страницах немецкой периодики развернулась еще одна оживлённая дискуссия, но уже между восточно- и западно-германскими литературоведами. Совершенно очевидно, что ее главная цель состояла в том, чтобы восстановить имена писателей, подвергавшихся преследованиям, вынужденных эмигрировать из страны, восполнить пробелы в истории ГДР, дать оценку скрыто существовавшему на протяжении двух десятилетий оппозиционно-критическому направлению [4].

Однако как западногерманских, так и восточногерманских критиков интересовали, конечно, не только литературоведческие, но и нравственные проблемы. Именно в этой связи центральное место в дискуссии литераторов двух частей Германии занял вопрос о моральном и политическом поведении писателей, об их гражданской и нравственной позиции. Были затронуты также вопросы о роли и месте литературы ГДР в современной ситуации, о перспективах дальнейшего развития. Некоторые западногерманские критики говорили об идеологическом уклоне восточногерманской литературы, а в СМИ прослеживалась тенденция к расформированию вместе с ГДР и ее духовного наследия, литературы, особого менталитета. Восточногерманские критики выступили в защиту литературы ГДР, против попыток умалить её значение [5].

Литературные дебаты в 1990-х гг. в Западной Германии и спор о статусе литературы экс-ГДР во многом следует воспринимать как продолжение дискуссии семидесятых. «Одна из доминант эстетических дискуссий конца века – перспективы художественно-эстетического развития в XXI веке. В этом плане заслуживает внимания анализ не только современного состояния постмодернизма, но и тех остпостмодернистских перспектив, которые всё более настойчиво заявляют о себе. По крайней мере, некоторые векторы возможного развития – технообразы, виртуалистика, транссентиментализм – проявились достаточно отчётливо. Остпостмодернизм, в отличие от модернизма и постмодернизма, выдвигает некоторые новые неклассические эстетические и художественные каноны, а не те или иные общие подходы к эстетическому; он стремится создать принципиально новую художест-

венную среду (виртуальная реальность) и способ отношения с ней (интерактивность)» [10].

Дискуссии на протяжении нескольких десятилетий по сути отразили тот факт, что немецкие критики и литераторы пытались сориентироваться в современной ситуации и наметить траекторию дальнейшего движения. Но сам процесс все минувшие годы не стоял на месте [4].

Новое поколение литераторов сильно отличается от своих предшественников и вольготно чувствует себя на просторах постмодернизма: оно не выказывает особого интереса к тому, чтобы теоретически связать и оправдать ценность и место литературной продукции в условиях рыночно-капиталистических отношений; оно не воспринимает центральную тему послевоенных и семидесятих годов – исследование явления национал-социализма – в качестве общественно-политической необходимости осмысления прошлого, и, наконец, молодые писатели не склонны к переработке исторического материала – для них это лишь материал, который можно легко переписать. История государств ФРГ и ГДР не является в их произведениях предметом основного рассмотрения, она составляет только фон, создающий атмосферу книги, фон, который нередко предстаёт отчуждённым и утрированным [2].

Постмодернистская парадигма, намного раньше завладевшая литературным творчеством в других европейских странах, хотя и со значительным опозданием, проникла и в немецкоязычную литературу. 1990-е гг. характеризуются как продолжение третьей фазы развития постмодернизма, начавшейся в конце 1970-х гг. Именно последнее двадцатилетие свидетельствует о рождении культуры постмодернизма, возникшей из слияния тенденций двух предшествующих декад. В итоге, появление постмодернизма в немецкоязычном литературном пространстве привело к переориентации проблемно-художественного вектора литературы: авторы стали больше внимания уделять рефлексии над процессом написания произведения, предлагать читателю множественность зачинов и концовок и т. д. Преобразился конгломерат литературных средств, тем самым литературные формы обогатились и приняли новые конфигурации.

Говоря об отличительных признаках современного литературного процесса в воссоединенной Германии, большинство его участников и исследователей сходятся во мнении, что основной чертой нынешнего проявления литературной жизни служит нежелание литераторов

причислять себя к каким-либо художественным грунтам, объединениям, школам, течениям, направлениям, призванным конструировать литературно-эстетическое пространство. На литературной сцене современной Германии, как правило, начали выступать «солисты». Голоса этих так называемых «солистов» и их немногочисленных приверженцев и последователей теряются в море литературы, обозначаемой термином «mainstream», ставшим в постмодернистском обиходе маркером свободы творческого выражения [2].

В современной Германии, равно как и в других немецкоязычных европейских странах, объединение или размежевание писателей на основе художественно-эстетических принципов не служит определяющим признаком структурирования литературно-художественного пространства. Творческие организации, объединяющие писателей на основе концептуальных (культурно-эстетических, культурно-идеологических) платформ и программ, обычно осуществляют свою деятельность в пределах узкого круга участников и не имеют «именитых» лидеров, которые были бы способны донести соответствующие идеи до широкой аудитории. В качестве примера можно привести «Рейнскую бригаду», «КООК», «Форум 13», «Либус», «раундэбаут» («roundabout»), «альтимейт экэйдеми» («ultimate academy») и др.

Измученная бесконечными дискуссиями, литература объединенной Германии все же обрела свое место в современном культурном пространстве. Она не стала хуже, просто приспособилась к сегодняшним условиям, поменяв масштабы, уровень смысловой насыщенности, набор художественных средств и методы изображения действительности. Но при всех трансформациях, столкновения традиций и новаций немецкая литература не потеряла своеобразие. Она и сегодня находится в постоянной готовности к дискуссиям и нахождению согласия [2].

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 407 с.
2. Давыдов Ю. Н. Культура – природа – традиции. Традиции в истории культуры. – М., 1978. – 254 с.
3. Кудрявцева Т. В., Новейшая немецкая поэзия (1990–2000-е гг.): основные тенденции и художественные ориентиры. – М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2008. – 344 с.
4. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. – Л., 1985. – 304 с.
5. Майорова О. Е. Литературная традиция в творчестве писателя (на материале произведений Н. С. Лескова): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. – М., 1985. – 277 с.
6. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: Intrada, 2008. – 456 с.

7. Роганова И.С. Немецкая литература: прошлое и настоящее / Мир европейской культуры. – 2007. Сайт «Современная Европа», журнал общественно-политических исследований. URL: <http://www.soveurope.ru> /2007.

8. Розанов И.Н. Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. – М. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/>

9. Теория литературы. Литература. – М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2005. – Т. 1. – 336 с.

10. Bahr E. (Hrsg.). Paradigmenwechsel als Aufkündigung von «Einverständnis». Geschichte der deutschen Literatur 3. – Tübingen: 1998. – 620 S.

11. Hillebrand B. Theorie des Romans. Erzählstrategien der Neuzeit. – Stuttgart-Weimar: Metzler, 1993. – 587 S.

Романюк Мария Андреевна – аспирант Забайкальского гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 672038, Забайкальский край, г. Чита, ул. Новобульварная, 84-25. E-mail: m.romany@yandex.ru

Romanyuk Maria Andreevna – postgraduate of Zabaikalsky Humanitarian-Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky. 672038, Transbaikalia territory, Chita, Novobulvarnaya st., 84-25. E-mail: m.romany@yandex.ru

УДК 811.512.31'25 : 82-13

© Л.Ц. Санжеева

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются трудности и способы перевода эпического текста с бурятского на английский язык. Основное внимание уделено грамматическому аспекту перевода, выявлены морфологические и синтаксические, смешанные переводческие трансформации, и дана их интерпретация.

Ключевые слова: эпос, переводческие приемы, этнокультурный характер, межъязыковое взаимодействие, адекватность перевода.

L.Ts. Sanzheeva

ON THE PROBLEM OF TRANSLATION OF THE EPIC TEXT

The article considers some problems and ways of translation of the epic text from the Buryat language into English. The examples are taken from the published variant of the Buryat epic «Abai Geser khubuun» which was translated from Buryat into English. The author pays special attention to the grammatical aspect of translation. Various morphological and syntactical, mixed transformations are pointed out in the translation.

Keywords: epic, translating methods, ethnic cultural character, cross-language interaction, adequacy of translation.

Несомненный интерес и одновременно трудности вызывает перевод текста, в котором происходит взаимодействие между неродственными языками. В этом случае наблюдаются существенные различия в плане их языкового содержания, формы, перевода. К таковым относятся английский и бурятский языки. Последнему присущи черты, не типичные для английского языка. На грамматическом уровне – это опущение главных членов предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения; более частая местоименная замена имен существительных, разнообразные функции частей речи, инвертированный порядок слов. Наиболее своеобразны парадигматико-синтагматические отношения, характерные для бурятского языка, но отсутствующие в других языках, включая английский. Среди других отличительных свойств можно назвать гипонимо-гиперонимические отношения, конверсивность понятий, разные виды причастий, многие из которых отсутствуют в английском

языке, обилие текстосвязующих средств. Все перечисленные явления вызывают трудности при переводе, тем не менее, все это может быть передано на английский язык при умелом использовании соответствующих переводческих трансформаций.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью освещения проблем межъязыкового взаимодействия. Любой профессионально выполненный перевод включает в себя целый комплекс переводческих трансформаций, тем более когда речь идет о неполной общности исходного и переводящего языков. В данной работе рассмотрены переводческие преобразования, использованные при передаче на английский язык бурятского эпического произведения «Абай Гэсэр хүбүүн» (более 300 страниц), записанного от сказителя Маншуда Имегенова известным собирателем фольклористом Ц.Ж. Жамцарано в 1906 г. и опубликованного в 1995 г. в Москве вместе с

переводом на русский язык, комментарием и статьями («Abai Geser the Mighty») [1, 2, далее в скобках указаны номера строк из обоих вариантов текста]. Основное внимание уделено таким грамматическим трудностям и способам перевода упомянутого эпического произведения, как восстановление отсутствующих элементов, чаще всего подлежащего, сказуемого, дополнения, изменение порядка слов в предложении и другие замены, также выявлены некоторые технические приемы перевода.

Исследование показало, что применение различных видов грамматических преобразований (выявленных ранее при переводе с русского на английский и с английского на русский язык) вполне целесообразно при переводе эпических произведений с бурятского языка на английский. Вместе с тем, подобный перевод имеет ряд специфических черт, учет которых достигается умением адекватно применять переводческие трансформации. Последнее во многом зависит от переводчика, который должен в равной степени владеть как исходной, так и культурой переводящей стороны с тем, чтобы обеспечить правильное понимание текста воспринимающей аудиторией.

В ходе анализа было обнаружено множество преобразований на грамматическом уровне: синтаксическое уподобление, членение и объединение предложения, грамматические замены формы слова, части речи или члена предложения. В большинстве случаев трудности и способы перевода обусловлены различиями грамматических свойств языковых единиц в бурятском и английском языках.

Рассмотрим реализацию упомянутых грамматических преобразований на конкретных примерах из эпического текста. *Минии хани болоо хадатнай (1926) – Если вы станете моими друзьями (1926) – If you become my friends (1926)*. Перевод осуществлен с помощью синтаксического уподобления, когда нет необходимости менять синтаксическую структуру и её лексическое наполнение.

Встречаются в переводе примеры реструктуризации или членения предложения. Например, *Басаган мэни, далан долон таһалгаяа Саа биедэ ошоожо Гагурай Ногоон дүүхэйдэ Сай уһай бусалгуулжа Уужа ла унтыһы таа... (5596 – 5600) – Сын мой, зайди в самую дальнюю Из семидесяти комнат, Гагурай Ногон-красавица Чаю тебе вскипятит. [Чаю] выпей и ложись посты (5596 – 5600) – My son, go to the farthest of the seventy rooms. Gagurai Nogon-beauty will make you tea. Have tea and go to bed (5596 – 5600)*.

Здесь одно, довольно длинное предложение расчленено на три предложения. Такой перевод вполне уместен, он не искажает предметную ситуацию, которая весьма проста и не двусмысленна.

Также в переводе представлен прием объединения предложений: *Уряһаан саазгай ерээд лэ Унталгай мяхай абаадажа байбай ла. – Энэ саган түрэ лэ <...> Зугаалажа байтагай! Гэжэ Урөөр хэлэжэ ябалдана бэлэй лэ (5748–5761)- Прилетала с юга сорока, На ночь мясо к себе уносила. «Пусть эта светлая свадьба <...>. Так же гуляют, пируют, Пьют архи и курят табак!» – [Вот такой] юрол сказав, она улетела (5748–5761) – A magpie flew in from the South And took home meat Saying such a wish: «May this fair marriage party <...>. Let them feast and enjoy themselves, Let them drink arkhi and smoke tobacco!» thus having wished she flew away (5748–5761)*. В данном случае три предложения объединены в два, смысл высказывания при этом не изменился, напротив, высказывание звучит более ритмично.

Остановимся на некоторых примерах грамматических замен: замена причастия именем существительным или глаголом. *Хубилжа ебэлжэ гараһан юмэ (743) – Уродом родился (743) – He was born a charmed freak (743)*. *Хубилжа елбэжэ* можно перевести как «переродившись». При переводе добавлено слово *charmed – заговоренный* к имени существительному *freak – урод* (появившийся как каприз или причуда природы), так как слово *ебэлжэ* входит в состав парного слова *аб жэб – чары, магия*.

Рассмотрим пример номинализации (замена имени прилагательного, причастия именем существительным). *Үлгүн үндүр хоёри (383) – Высь [небесная] и ширь [земная] (386) – Both the [high] sky and the [wide] Earth (386)*. Слова *үлгүн* (широкий) и *үндүр* (высокий) являются прилагательными, здесь они субстантивизированы и означают земля и небо соответственно, но все же они изначально являются именами прилагательными. При переводе они стали именами существительными: *sky* и *earth*. При них есть эпитеты *high* (высокий) и *wide* (широкий). Такой прием не искажает смысла, тем более что данные слова обособлены квадратными скобками.

Хана байха байсаньегын Хараасааран уруушан харуулан байбал даа, Ханааран өөдэн харуулан орхибол (3685-3687) – Все постройки со стенами [свалили] – Матицы их оказались внизу, а стены поверх них оказались (3685-3687) – All dwellings with walls [were dumped down], with the beams underneath, and the walls above them

(3685-3687). Здесь видим технический прием добавления, добавлены слова *свалили, опрокинули*. Параллельно произведена синтаксическая трансформация, т.е. простые предложения преобразованы так, что в них появляется абсолютный (независимый) причастный оборот: *with the beams underneath, and the walls above them*.

Для бурятского языка характерны своеобразные парадигматико-синтагматические отношения. Так, в рассмотренном улигере встречаются отрезки высказываний, где нарушаются принципы парадигматики и синтагматики, ранее установленные в лингвистической науке. Встречаются конструкции, где группа словоформ одного слова, например, глагола *ябаха* (идти, ехать; go, walk) с разными категориальными значениями дается в синтагматической последовательности, что не характерно для европейских языков. Оборот *Яба ябаһаар ябажа*, состоящий из глагола в повелительном наклонении *яба*, продолжительного деепричастия *ябаһаар*, соединительного деепричастия *ябажа*, в плане содержания означает действие в процессе. Примакающее к этому обороту на уровне синтаксического параллелизма выражение *Ошо ошоһоор ошобо*, также состоящее из глагола в повелительном наклонении *ошо*, продолжительного деепричастия *ошоһоор*, но глагола в прошедшем времени *ошобо*, передает завершившееся действие в процессе.

Мы наблюдаем здесь различные грамматические категории слова *ябаха*, разные его словоформы. Парадигматические отношения в большинстве языков означают отношения в плане или...или, т.е. не могут встречаться в рамках одного отрезка высказывания или синтагмы, т.е. в плане и...и. Здесь же переплетаются парадигматико-синтагматические связи, иными словами, мы наблюдаем определенный парадигматический ряд слова *ябаха* в одной синтагме, т.е. на синтагматическом уровне. То же самое справедливо для слова *ошохо* [7, с. 62].

Попытаемся дать приблизительный перевод приведенных выше строф.

*Баруун ташаа эрьюлжэ,
Баруунай тайга хабаба;*

*Зуун ташаа эрьюлжэ,
Зуунай тайга хабаба.*

*Повернул вправо,
По тайге, что справа была, ударил,*

*Повернул влево,
По тайге, что слева была, ударил.*

*Яба ябаһаар ябажа,
Ошо ошоһоор ошобо.
Шагая – шагая [без остановки],
Совсем ушёл [из виду].*

Подобные лексико-синтаксические обороты или конструкции вследствие такой последовательности словоформ одного слова приобретают эмпатический характер, речь становится эмоционально окрашенной. Действие приобретает характер процессуальности, непрерывности, завершенности. Повествование выразительно, ритмично, мелодично.

Далее следуют лексико-грамматические преобразования, например, антонимический перевод. *Энэ һайхан хуриимни Орхихогуй хадаа* (2510-2511), переведенные на русский язык как «Если вы не отступитесь от моих заветных слов». В данном примере произведена перестановка строк, которая не препятствует сохранению смысла, на английском языке текст звучит следующим образом: *If you follow Those cherished words of mine*. Здесь использован антонимический перевод, вместо слова *орхихогуй* – буквально *не бросишь*, употреблен его антоним *follow* – следовать, блюсти.

Существуют такие пары противоположностей, как конверсивы или реляционные противочлены, которые в отличие от антонимов обладают свойством обратимости по отношению друг к другу. Дж. Лайонз называет такое понятие конверсностью (converseness) [4]. Конверсивы в отличие от антонимов характеризуются симметричностью, транзитивностью и рефлексивностью. В улигерном контексте они способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов, яркой экспрессии; усилению эмоциональности речи. Например, очень часто в бурятском эпосе можно встретить конверсивы, указывающие на положение в пространстве (вверх/вниз, вправо/влево, сзади/спереди). Они образно передают ощущение большого пространства, его всеохватности по горизонтали и по вертикали.

*Turned right and stroke
On the trees to the right,*

*Rolled to the left and stroke
On the trees to the left.*

В целом применение антонимического перевода сочетается с использованием лексических и грамматических трансформаций [3]. Данное ут-

верждение справедливо и в случае с конверсивами.

С целью подчеркнуть национально-культурное своеобразие способа выражения используется такой прием, как экспликация (описательный перевод): *Яһан уһан хоёрын (3504) – Кости, не сгоревшие (3503) – The bones that had not been burned up (3503)*.

Яһан уһан – дословно: кости вода. Это – парные слова с обобщающим значением: кости и то, что остается от них после горения: пепел, зола. При переводе проведена конкретизация: *that had not been burned up* – не сгоревшие полностью. В английском языке отсутствуют парные или другие слова, полностью эквивалентные словам *яһан уһан*, которые имеют внутренний смысл независимо от внешней формы выражения. Носителю другой языковой культуры трудно понять смысл парных слов *яһан уһан* (кости вода), тем более, что воды там нет, а есть то, что осталось после горения, но у бурят это не вызывает сомнения, так как именно так они «мыслят» и говорят (у В. Гумбольдта «язык есть «дух» народа»).

Одним из распространенных видов лексико-грамматических трансформаций является компенсация. В бурятском улигере встречаются компенсации семантического и стилистического характера.

Дархигтуйн далан улаан түгсэг гээшээ, Узуурааран булгараа, Үзүүрээрэн хухараа ... Яахуйн яахаар ядаабди! (3089-3092) – Семьдесят могучих пней в буреломном лесу С корнями выворотились, В верхней части своей обломилась [Пробовали] и так и этак – не смогли! (3089-3092) – Seventy big stumps in the fallen wood Got wrenched out of their roots, Got broken in their upper part. We tried this way and the other – but failed! (3089-3092).

Выражение *яахуйн яахаар ядаабди* весьма своеобразно и характерно лишь для бурятского языка, поэтому осуществлена замена непередаваемого колорита подлинника соответствующими средствами английского языка, хотя перево-

дческая потеря здесь не восполнима в силу специфики бурятского языка, но можно минимизировать потерю соответствующей компенсацией и перевести это выражение следующим образом: *We tried this way and the other – but failed*. Возможно, выражение *but failed* заменить на *in vain*, хотя на смысловом уровне они равноценны. *Улаан* (красный) обладает также коннотативным значением – сильный, могучий. В отношении пня в лесу можно сказать *большой, огромный (big, mighty)*.

Таким образом, при переводе эпического текста доминантной представляется художественно-эстетическая или поэтическая функция. Создается текст, который в функциональном, смысловом и структурном отношении должен представлять собой адекватную замену оригинала на языке перевода. Проведенный переводческий анализ бурятского эпоса позволяет заключить, что несовпадения в строе двух языков, в нашем случае бурятского и английского языков, представляют большие трудности для перевода. Такие проблемы можно решить с помощью переводческих преобразований. Многие в этом сложном процессе зависят от языковой и переводческой компетенции переводчика.

Литература

1. Абай Гэсэр хүбүүн. Ульгэр. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. – М: Восточная литература РАН, 1995. – 526 с.
2. Abai Geser the Mighty. Translated from Buryat to English by Khundaeв V.Yu. and Khundaeва Ye.O. – 300 с. – рукопись.
3. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 167 с.
4. Lyons G. Structural semantics. – Oxford: Blackwell, 1963.
5. Neubert A. Text and translation. – Leipzig, 1985
6. Хундаев В.Ю. Переводческие трансформации. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 122 с.
7. Хундаева Е.О. Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика. – Улан-Удэ, 1999.

Санжеева Лариса Цырендоржиевна, доктор филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16. Тел. 8 (3012) 412735, 636956. E-mail:lsanzhe@mail.ru

Sanzheeva Larisa Tsyrendorzhievna, doctor of philology, associate professor of translation and Cross-Cultural Communication Chair of Foreign Languages Faculty, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Sukhe-Bator St., 16. Tel.: 8 (3012) 41-27-35, 636956. E-mail: lsanzhe@mail.ru

**«ПРОГУЛКИ ОДИНОКОГО МЕЧТАТЕЛЯ» РУССО И «ОБЕРМАН» СЕНАНКУРА:
К ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА «РОМАНТИЧЕСКИЙ»
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

В статье проводится анализ и сравнение употребления слова «романтический» в творчестве Руссо и Сенанкура на примере избранных произведений, что позволяет отчасти осветить проблему развития предромантических тенденций во французской литературе и показать связь литературы XIX века с традициями предшествующей эпохи. Сравнительный анализ обнаруживает в Сенанкуре одного из последователей Руссо, а также подводит к вопросу о влиянии «Прогулок одинокого мечтателя» на ранний французский романтизм.

Ключевые слова: романтизм, культура, пейзаж, воображение, живописность, мечтательность.

L.A. Simonova

**ON THE USE OF THE WORD «ROMANTIC» IN ROUSSEAU'S «WALKS OF THE LONELY?
DREAMER» AND SENACOUR'S «OBERMAN»**

In the article one can find the analysis and comparison of the usage of the word «romantic» in works of Rousseau and Senacour by the example of selected works, that allows us to highlighten the problem of pro-Romantic trends in French literature and to show the connection between the literature of the XIX century and the traditions of the previous era. Comparative analysis reveals that Senancour is one of the followers of Rousseau, but also leads to the question of the influence of «Walks of a Dreamer» to the early French Romanticism.

Keywords: romanticism, culture, landscape, imagination, picturesque, dreamy.

Выявление специфики употребления прилагательного «романтический», а также оттенков его значения в «Прогулках» Руссо и «Обермане» Сенанкура помогает не только проследить историю самого понятия, имеющего литературоведческое и культурологическое употребление, но также, что представляется более важным, прояснить некоторые проблемы становления романтической эстетики во французской литературе. Чтобы понять, насколько оригинален был Руссо, впервые употребив во французской литературе слово «романтический» в *Пятой прогулке* «Прогулок одинокого мечтателя», на что обязательно указывают французские академические издания по истории романтизма, необходимы некоторые пояснения.

Понятие «романтический» входит во французский язык несколькими путями. Первый из них – поэтический, где важную роль сыграло посредничество шотландских поэтов – Боти и Маккензи, а также перевод поэм Оссиана (книга «Галлическая поэзия» (*Poésies galliques*) первым неполным изданием выходит в 1771-72 гг., вторым, полным, – в 1777 г.). Впервые понятие «романтический» было употреблено Летурнёром в серии очерков, выполнявших роль предисловия к изданию переводов пьес Шекспира, которое появилось в 1776 г. Летурнёр уточняет

причины своего заимствования: «Мы имеем только два слова, быть может, только одно, чтобы определить вид, совокупность объектов, пейзаж, которые привлекают взгляд и пленяют воображение. Если это ощущение пробуждает во взволнованной душе нежные волнения и меланхолические мысли, тогда этих двух слов – *романтический* и *живописный* (*romanesque et pittoresque*) – недостаточно для того, чтобы это выразить. Первое из них, очень часто используемое в своём отрицательном значении, служит синонимом химерического и неправдоподобного (*chimérique et fabuleux*): оно обозначает в литературе предмет романа, существующий только в чудесной стране, в странных мечтах воображения; такой предмет нельзя найти в природе. Второе выражает только впечатление от какой-нибудь картины, где сближение разнородных масс образует единство, которое поражает взгляд и заставляет любоваться видом, но без того, чтобы душа в этом принимала участие, без того, чтобы в сердце пробуждался живой интерес. Английское слово наиболее счастливое и наиболее энергичное. Оно заключает идею этих частей, объединённых новым и необычным манером, способным удивлять людей, и вместе с этим говорит душе о чувстве нежной и приятной эмоции, которая рождается при их виде и связы-

вадет воедино физические и моральные эффекты перспективы. Если небольшая долина только живописная, – это точка пространства, которая готова для живописи и которая заслуживает быть выделенной и схваченной искусством. Но если она романтическая, все хотят там устроиться на отдых, взгляду нравится на неё смотреть, и вскоре воображение умилиет всех интересными сценами в картинах, которые оно им внушит. Картины Сальватора Роза, некоторые вершины Альп, многочисленные сады и деревни Англии не совсем романтические, но можно сказать, что они более чем живописные, так сказать, трогательные и *романтические*» (курсив мой. – С.Л.) [1, р. 205]. Вателе в «Эссе о садах» (1774) также размышлял о безыскусном пейзаже, который восхищает своей естественной красотой и способствует мечтательности. Однако Вателе употреблял слова «живописный», «поэтический» и «романтический» (не используя понятия «романтический»). Его сочинение повлияло на Жирардена – автора трактата «Композиция пейзажей», появившегося в конце апреля 1777 г., в тот момент, когда Руссо писал *Пятую прогулку*. Жирарден различает прилагательные «романтический» и «романтический». По его словам, «если первый означает выдумку романа, то второй означает место и трогательное впечатление, которое мы от него получаем». Далее он поясняет: «Если *живописное* место очаровывает взгляд, если место *поэтическое* интересует ум и память, напоминая нам аркадические сцены, если одна и другая композиция могут быть изображены художником или поэтом, то другая местность, которую только *природа* может подарить, – это местность *романтическая*. Среди самых чудесных видов природы только одно место соединяет все самые красивые эффекты живописной перспективы и все прелести поэтической сцены. Не будучи ни пустынным, ни диким, романтическое место должно быть спокойным и уединённым, чтобы душа не испытывала там никакого рассеяния и могла целиком предаться приятности глубокого чувства» (курсив мой. – С.Л.) [1, р. 207]. Руссо не читал Летурнёра, но Жирарден посылал ему своё сочинение.

Вопрос об употреблении Руссо неологизма «романтический» связан, главным образом, с *Пятой прогулкой*, где на первый план выходит проблема наблюдателя, точки зрения. На первый взгляд, значение слова «романтический», употреблённого Руссо, близко к значению, о котором говорил в трактате «Композиция пейзажей» Жирарден. Однако Руссо употребляет это слово в ином значении и с иной целью. Отметим, что в

статье А. Родье «Руссо и маркиз де Жирарден, или как парковое искусство приводит от романтического к романтическому», а также в его предисловии к «Прогулкам», указывается на два возможных смысловых наполнения использованного Руссо нового слова. Одно из них подразумевает близкое романтизму интуитивно-чувственное постижение мировой гармонии через «вживание» в окружающую природу («чувство существования близко там наслаждению бытием», «одно из первых выражений своего рода метафизического пантеизма, которым себя будут вскоре питать немецкие романтики» [2, р. ХСII]), другое – активность творческого воображения, оживляющего пейзаж («один из тех, кто осуществил сентиментальную романтическую трансформацию, Жан-Жак должен был сымитировать самого себя, вдохновиться своими собственными произведениями, прежде чем почувствовать необходимость использовать иное слово, нежели романтический, чтобы определить «химеры» и «вымыслы», которыми он оживлял эти пейзажи...» [3, р. 219]).

Пятая прогулка начинается с поиска идеального пространства, внешнего – имеется в виду остров Ламот (Сен-Пьер) на оз. Бьен в Швейцарии, и внутреннего – воображение автора воссоздаёт картины прошлого. С этим островом у Руссо связаны самые счастливые воспоминания. Остров Сен-Пьер – это «райский уголок» на земле, место, предвещающее жизнь вечную, небесный рай. Сен-Пьер для Руссо есть удаление от всего суетного, некое предчувствие иного мира («решив там закончить свои дни», «я вёл там жизнь... соответствующую моему характеру» [4, р. 94]; «я бы забыл всякое живое существо, и меня бы тоже все забыли» [4, р. 95]). С одной стороны, Руссо использует идиллический топос: остров находится вдали от цивилизации, затерян в природных пространствах, почти никому не известен. Остров предлагает мирную, тихую жизнь вдали от человеческой суеты, соответствующую циклическому времени природного бытия («остров, богатый растительностью и пустынный, естественно ограниченный и удалённый от остального мира» [4, р. 103]). Однако идиллический топос незаметно разрушается уже с самого начала *Прогулки*.

Идиллия предполагает органическое, непротиворечивое единство человека и природы, когда внутреннее и внешнее прочно взаимосвязаны и уравновешены. При этом ритм внутренней жизни совпадает с ритмом внешнего мира, исключая любые диссонансы. Герой идиллии внутренне непротиворечив, обнаруживая своё

полное совпадение с окружающим, он лишён внутренних импульсов, которые предполагают развитие и возможность постепенного выделения себя из окружающего пространства, признание собственной самостоятельности, когда сознанию становится тесно в узких рамках раз и навсегда заданного порядка. Нечто подобное происходит у Руссо, который экспериментирует с традиционными жанрово-семантическими кодами, расширяя закреплённое за конкретным жанрово-стилистическим повествованием семиотическое поле. Так, в *Пятой прогулке* Руссо добивается этого с помощью акцентирования активности наблюдателя. Перед нами рассказчик, который никогда не находится в состоянии тишины и умиротворения, хотя постоянно к этому стремится. Его ум всегда беспокоен, чувства изменчивы, непостоянны. Для него не существует природы как раз и навсегда неизменной данности. Согласно Руссо, мыслящее сознание требует активного освоения внешнего мира. Руссо был противником вмешательства человеческой цивилизации в природу, что рассматривалось им как насилие над естеством. Однако человек превосходит своим разумным началом окружающее. Только вмешательством своей мысли, активностью своего сознания он закрепляет свою самость. Восприятие природы предполагает волевое усилие, направленное как вовнутрь, так и вовне. Для Руссо – это неутомимая проверка своего духовного состояния, которое определяется, корректируется через множественную оценку окружающего. Руссо никогда не забывает о себе как о творце своей вселенной, оставляя за собой последнее слово создателя. Именно сложная, напряжённая работа воспринимающего сознания и обеспечивает смысловую подвижность текста, чреватую семантико-стилистическими переходами, перепадами. Сложная природа образа наблюдателя делает текст Руссо стилистически и жанрово неоднородным, задаёт напряжение между разными семантическими пластами. Так, автор и принимает свое абсолютное одиночество и одновременно противится такому неестественному положению. Идиллический остров Сен-Пьер, по выражению Руссо, создан «для счастья человека, который любит себя ограничивать» (*se circonscrire*) [4, р. 93]. В контексте «Прогулок» самоограничение предполагает и смирение с жизненными обстоятельствами, невзгодами, и нравственное совершенствование, и сознательное отшельничество, и добровольное изгнничество, и обуздание страстей. Отсюда остров Сен-Пьер, замкнутое, ограниченное со всех сто-

рон водой пространство, становится символично-аллегорическим воплощением духовного состояния автора. Однако это духовное состояние, как уже отмечалось, неоднозначно, поэтому остров может стать как обетованным раем – местом обретения долгожданной гармонии в единстве с природой, как приютом мудрого отшельника, сосредоточенного на самопознании, так и тюрьмой, прибежищем изгнанника, утратившего всякую надежду на возвращение к людям (подтверждение чему находим в следующей фразе: «Я хотел бы, чтобы этот приют стал для меня вечной тюрьмой (*une prison perpetuelle*) и чтобы я был лишён всякой возможности и всякой надежды покинуть её» [4, р. 95]).

Стоит особо остановиться на характеристике пейзажа острова, чтобы определить значение прилагательного «романтический» у Руссо и его смысловые оттенки. «Берега озера Бьен более дикие и романтические, чем другие озёра Женевы, потому что утёсы и леса очень близко подступают к воде, но от этого они не менее приятны для взгляда» [4, р. 93]. В таком контексте слово «романтический» закрепляется за природным миром и имеет значение «живописный», но с оттенком «дикого», даже несколько «враждебного». Имеется в виду природа необлагороженная, «неприглаженная». «Романтический» пейзаж у Руссо сохраняет некоторую чуждость, это необжитое пространство, которое противится вмешательству человека, напоминает о законах, ему неподвластных. Заметим, что прилагательные «*sauvage*» и «*romantique*» противопоставлены прилагательному «*riant*» (привлекательный, приятный для глаз, радующий взор), отсюда, можно предположить, что «романтический» пейзаж должен пробуждать задумчивость, печаль, может быть, тревогу. Но зачем Руссо использует этот неологизм? Опять же таки с целью настоять на активности воспринимающего сознания наблюдателя. Природа острова дикая, чуждая, неосвоенная. Слово, причём новое слово, – всегда некое насилие над языком, «опасный» эксперимент с целью присвоения сознанием окружающего, его культивирования (окультуривания), активного преобразования, когда чужое становится своим с помощью интеллектуального усилия. Поэтому получается, что прилагательное «*sauvage*», почти не содержащее оценки, дополняется прилагательным «*romantique*», предполагающим оценку, в которой проявляет себя сознание, включённое в культурный контекст. И пейзаж становится не непосредственной природной данностью, но приобретает оттенок искусственности, эстетизации.

Остров разнообразен землями и видами. Сама пейзажная зарисовка предполагает динамизм, контрастность, потенциальное преобразование: «Меньше возделанных полей и виноградников, меньше поселений и домов, больше дикой зелени, лугов, тенистых приютов чащ, контрасты более частые и неровности более близкие» [4, р. 93]. Из этого примера видно, что дикая, неухоженная, невозделанная природа предполагает разнообразие, контрасты, неожиданное соседство разнообразных видов, пробуждающих разное чувство. Однако Руссо никогда не забывает о лейтмотиве, который связывает все композиционно-семантические звенья текста, – одиночество. Все чреватые диссонансами контрасты завершаются снимающим противоречие аккордом, воспевающим наслаждение желанным одиночеством: дикая природа становится идеальным пространством для уединённых размышлений («одинокое созерцатели, которые любят на досуге опьяняться прелестями природы и предаваться размышлениям в тишине» [4, р. 94]).

При всём разнообразии и динамизме пейзажных зарисовок в тексте присутствует хорошо прослеживаемая константа. Счастливые дни на острове становятся для Руссо предчувствием рая, надеждой на обретение жизни вечной. Для автора время останавливается, он как бы начинает жить в вечности: «Я провёл только два месяца на этом острове, но я мог бы провести там два года, два столетия и целую *вечность*, не соскучившись ни на *мгновение*» (курсив мой. – С.Л.) [4, р. 95]. Человек, обретающий экзистенциальную свободу, преодолевает власть времени. Автору удаётся достичь долгожданного состояния покоя, беспечности, уйти от каких-либо желаний, эмоционально-чувственных порывов. У автора больше не возникает стремления изменить своё положение, он достигает блаженства. Автор обретает свободу от всякого внешнего давления, всякой предзаданной необходимости и социально-исторического долженствования («посвятил себя праздности», «посвящён самому себе» [4, р. 95]). Он обрёл самого себя, вернулся в первозданное состояние, в состояние непротиворечивого единства со своей собственной безгрешной природой.

Для того чтобы определить новую экзистенциальную ситуацию, Руссо использует аллюзию на библейский миф об Адаме: «оказавшись там (на острове) неожиданно одиноким и нагим» [4, р. 96]. Автор мыслит себя в положении человека до культурного опыта, до истории, человека, осознающего лишь свою тварность, принимающего всё, что его окружает, доверяющего

мудрости установленного закона мироздания («Всё шло так хорошо, что желать лучше что-то устроить – значит что-нибудь испортить» [4, р. 96]). Однако, как отмечалось выше, у Руссо не может быть ничего однозначного, непротиворечивого, раз и навсегда данного, законченного. Здесь, несмотря на достигнутое состояние гармонии, внутреннего покоя, диссонансом звучит неосозанный страх потерять обретенное счастье, что проявляется в следующей детали, свидетельствующей о неукоренённости в пространстве: автор не распаковывает вещи, живёт «как на постоялом дворе, из которого должен выехать на следующий день» [4, р. 96].

Примечательна авторская позиция отказа от любого действия, даже от действия, утверждающего его присутствие на земле, личностную волю, его свободное сознание, – от письма. Руссо, вспоминая о своей жизни на острове Сен-Пьер, свидетельствует о необычном для него поступке – нежелании брать в руки перо, для того чтобы засвидетельствовать о своей жизни, что создаёт ситуацию присутствия – отсутствия. Руссо отказывается утверждать присутствие своего «я», сотворять в слове свой духовный облик. Такая ситуация задаётся в «Прогулках» впервые. Однако показательно, что Руссо не может совсем отказаться от письма. Он отказывается от письма, которое должно свидетельствовать о нём самом. Автор теперь только описывает (*décrire*) все растения острова, он называет предметы, классифицирует их, сам же устаревает из текста (что отсылает к Адаму, который давал имена всем зверям и птицам). Наблюдение над природой заменяет стареющему человеку любовную страсть (в самой природе он находит свою Еву). Природа в данном случае – объект наблюдений, научного изучения, с другой же стороны, наблюдатель – не сухой, бесстрастный рационалист, но горячий любовник. Коллекционирование растений, собирание гербария в «Прогулках» – замещение сексуальной страсти (не зря Руссо останавливается на оплодотворении); сами эмоции, испытываемые собирателем, напоминают состояние влюблённого («восторги», «восхищения» [4, р. 97]).

Прилагательное «романтический» по отношению к природному пространству употребляется Сенанкуром почти в том же значении, что и в «Прогулках» Руссо [5]. «Эта небольшая долина, расположенная вдоль Журы, имеет вид величественный и простой; дикая и оживлённая, она одновременно спокойная и *романтическая*... Земля не совсем подчинена здесь человеку, и человек менее зависим от жалких обычаев.

Взгляду там не надоедают бесконечность вспаханных земель, виноградники или загородные дома, обманчивое богатство несчастной земли...» (курсив мой. – С.Л.) [6, р. 38] «Романтическая» природа – это природа, сохраняющая свою нетронутую первозданность, привлекающая своей дикостью, хотя и оживлённая присутствием человека, не пугающая пустынностью. Соседство культурного и естественного, а также впечатление чего-то необычного, до конца не явленного, ожидание неожиданного, нетрадиционного взаимодействия человека и природы, и не через столкновение, но гармоническое взаимовлияние. Именно такой смысл вкладывается Сенанкуром в определение «романтический» относительно пейзажа. Однако главное заключается, пожалуй, не в этом. «Романтический» пейзаж у Сенанкура – это пейзаж, пробуждающий активность воображения, заставляющий предполагать оригинальность и вместе с этим естественность поведения и обычаев местных жителей. Это пейзаж, не носящий отпечатка инертности крестьянских традиций, будничной монотонности и однообразия труда. «Романтический» пейзаж предполагает возможное осуществление ещё неясных, неопределённых потенциалов наблюдателя, который примеряет на себя воображаемый образ жизни и готов включиться в ещё не организованное, только становящееся, до конца не рассчитанное движение. Обермана восхищают места дикие, в которых, однако, чувствуется присутствие людей, чей образ жизни имеет нечто необычное («вид ущелий населённых, плодородных, но диких» [6, р. 50]), или хранит обаяние старины, воспринимающейся как нечто экзотическое: «Мост, замок и течение Роны ... образовали великолепный вид» [6, р. 50]. Оберман стремится найти пейзаж с ярко выраженной особенностью, который пробуждает сильные чувства, удивляет, зачаровывает, так как «обычная» природа вызывает слишком недолговечные и неясные впечатления: «Чувства, которые могут вызвать места, в которых природа совсем не приобрела великого характера, всегда противоречивые и непрочные» [6, р. 107]. Созерцание же необычных мест возбуждает в человеческой душе стремление к идеалу: «Места, полные разнообразий, красот и суровостей, где сталкиваются с противоречивыми ситуациями и испытывают быстрые чувства, возводят воображение некоторых людей к романтическому, таинственному идеалу» [6, р. 333] (отсюда и «романтизм альпийских вершин» [6, р. 403]). Однако почти всегда романтический пейзаж разочаровывает, если герой старается вжиться в

природное пространство: «Куда меня завели напрасные мечты? С каждым сделанным здесь шагом иллюзия возвращается и ускользает, с каждым шагом надеешься и отчаиваешься, постоянно меняешься на такой разной земле...» [6, р. 38]. Восхищение от первого впечатления часто сменяется разочарованием при более пристальном изучении местности. Иногда «романтический» пейзаж не привлекает, но пугает своей дикостью, необжитостью («Мне показалось, что я затерялся среди горных рек, оврагов, мест романтических и пугающих» [6, р. 73]). В конечном итоге для Обермана нет идеальных мест, гармоничного пространства, которое соответствовало бы его ожиданиям.

«Романтическое» у Обермана несёт оттенок сентиментального. Оно выражается в созвучии глубоко чувствующей души и нетронутой культурой дикой природы, привлекающей своей первозданной красотой и пробуждающей воображение. Согласно Сенанкуру, романтическое в природе может быть воспринято человеком, не зараженным пагубными привычками общества, приводящими к преждевременному старению души и ослаблению жизненной энергии. Романтический пейзаж несёт печать загадки, а потому требует пронизательного взглядывания, вчувствования, незамутнённой свежести и наивной простоты восприятия. «Романтическое» у Сенанкура не может быть обременено духовной усталостью, грузом разочарований и горьким опытом прожитых лет. Романтический пейзаж возвращает человеку ощущение детской радости, доверие расцветающей жизни, он всегда предполагает движение, которое должно быть замечено в его мимолётности (например, момент, когда октябрьское солнце появляется в тумане пожелтевшей рощи, часто это движение воды, которое придаёт изменчивость застывшей картине). «Романтическое» как живое, радостное может быть почувствовано, схвачено и в городе, и проявляется оно как разрыв привычного, когда посреди будней вдруг обнаруживается что-то необычное и неожиданное в инстинктивном движении к природной простоте бытия (например, под безоблачным летним небом ранним утром поющий женский голос).

Однако заметим, что хотя герой и говорит о дикой природе, но сам любит моделировать пейзаж, который должен быть организован в соответствии с его эстетическими предпочтениями. Оберман часто подходит к природе с точки зрения фотографа, который выбирает удачный ракурс съёмки. Отсюда много указаний на расположение предметов в пространстве, распреде-

ляющихся в поле видения в соответствии с геометрическими формами. Герой хочет остановиться в диком месте – в горах, у водного потока, у всегда зелёных сосен. Моделирование места своего жительства для Обермана отвечает его мечте о необходимости гармонического сближения природы и цивилизации. Последняя связана для героя с удобствами жизни, может обеспечивать уют, но не должна активно вмешиваться в природу, менять её законы.

Сенанкур повторяет целый ряд мотивов, образов, использованных Руссо, в частности, в его «Прогулках одинокого мечтателя». Однако наблюдение над использованием слова «романтический» и его смысловым наполнением в творчестве двух писателей показывает и иное. Слово у Руссо передаёт напряжение между двумя взаимоуравновешенными началами – эмоционально-чувственным и рассудочным. Необычное прилагательное у Руссо есть закрепление присутствия автора в тексте, способ активного присвоения природного пространства. У Сенанкура же преобладает рефлексия, мысль. Прилагательное «романтический» во времена Сенанкура утратило оттенок новизны, приобрело значение культурного кода. Сенанкур ищет пространство, соответствующее его умозрительной модели, ждёт от окружающего совпадения с его ожиданиями. Можно сказать, что Сенанкур делает акцент на интеллектуальном, приглушая то телес-

ное, бытийное начало, так успешно воплощённое в языке Руссо. Слово Руссо обладает большей гибкостью, нюансировкой в выражении экзистенциального состояния. Творчество Руссо есть в большей степени испытание языка, тогда как творчество Сенанкура – испытание мысли.

Литература и примечания

1. Цитаты даны по статье А. Роддье «Руссо и маркиз дю Жирарден, или как парковое искусство приводит от романического к романтическому», где подробно представлена история употребления слова «романтический» до Руссо (*Roddier H. Rousseau et le marquis du Girardin ou comment l'art des jardins conduit du romanesque au romantique // Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. P.: Classiques Garnier, 1960. P. 199 – 222*).

2. *Roddier H. Introduction // Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. P.: Classiques Garnier, 1960. P. V–XCVII.*

3. *Roddier H. Rousseau et le marquis du Girardin ou comment l'art des jardins conduit du romanesque au romantique // Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. P.: Classiques Garnier, 1960. P. 199 – 222.*

4. *Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. P.: Classiques Garnier, 1960. 145 p.*

5. На связь Сенанкура с традициями Руссо не раз указывалось исследователями: *Le Gall B. L'imaginaire chez Senancour. T. 1. P.: Librairie José Corti, 1966. 623 p.; Pourtales G. de. Éthique et esthétique de Senancour // Pourtales G. de. De Hamlet à Swann. P.: Les Éditions G. Grès, 1924. P. 83 – 134; Levy Z. Senancour, dernier disciple de Rousseau. P.: Librairie Nizet, 1979. 135 p.*

6. *Senancour de. Obermann. P.: Bibliothèque-Charpentier, 1892. 432 p.*

Симонова Лариса Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур факультета русской филологии Московского государственного областного университета, докторант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 115408, г. Москва, ул. Паромная, д. 3, кв. 57. Тел.: 8 (495) 342-13-68; 8 (909) 937-41-93. E-mail: mouette37@yandex.ru

Simonova Larisa Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of history of foreign literature of Moscow State Regional University. 115408, Moscow Paromnaya st. 3-57; tel.: 8 (495) 342-13-68; 8 (909) 937-41-93. E-mail: mouette37@yandex.ru

УДК 803.000+811.111+519.71+85.31

© **Е.А.Сотова, М.Ю.Чернышов**

**ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СИНТЕЗА И АНАЛИЗА СМЫСЛОВ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И МУЗЫКАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ**

В статье изложены результаты исследования авторами подходов к анализу смыслового содержания естественно-языковых (далее ЕЯ-текстов) ЕЯ-текстов и музыкальных текстов, а также принципов смысловой интегративности музыкальных произведений на основе смыслов-скрепов.

Ключевые слова: *смысловое содержание текста музыкального произведения; смысл-скреп как медиатор смысловой интегративности; принцип смысловой интегративности.*

AN APPROACH TO THE PROBLEM OF SYNTHESIS AND ANALYSIS
OF SENSES IN LINGUISTIC AND MUSICAL SEMANTICS

The paper discusses some results related to the authors' approaches to analysis of the semantic content of NL-texts and music texts and the principles of music texts sense integration based on the conception of linking senses.

Keywords: text semantic content of music texts; linking sense as the mediator of text sense integration; principle of music sense integration.

В наших предыдущих исследованиях были изложены представления, полученные в результате исследований проблемы анализа и синтеза смыслов, выражаемых в речи, получены представления о принципах смысловой интеграции (т.е. обеспечения смысловой связности и цельности) естественно-языкового (ЕЯ) текста, смыслах-скрепах как медиаторах его смысловой интеграции [10; 13; 16]. На этой основе были разработаны метод анализа смысловой интегративности (МАСИ) [11; 14] и метод анализа смысла текста с использованием МАСИ [12; 15]. Однако согласно своему определению, лингвистика (наука, познающая языки) не ограничена лишь естественными языками (ЕЯ). Нам важно было выяснить универсальность открытого нами принципа и методов, т.е. его применимость не только к ЕЯ. В наших исследованиях была предпринята попытка проверить, можно ли распространить полученные нами представления и метод на тексты, написанные на языках программирования. Убедительные результаты этого исследования (1) подтвердили гипотезу, (2) позволили вскрыть принципы смысловой организации текста компьютерных программ на различных языках и, как следствие, (3) дали возможность построить новую технологию – технологию программирующего моделирования [17]. Потенциал открытого нами принципа смысловой интеграции позволил задуматься о его применении в анализе смыслов в других «иностранных языках». Язык музыки, сколь бы необычным он ни казался лингвистам, привыкшим работать с ЕЯ, – полноправный язык [9]. Он «функционирует как знаковое образование, чьи элементы, не взирая на... специфику, в целом аналогичны элементам иных знаковых систем и правилам их поведения»; более того, «в условиях новоевропейской культуры» произведения на музыкальном языке строятся и воспринимаются как «коррелятивные» произведениям на ЕЯ (литературном/поэтическом языке)» [3, с. 13].

Семантический анализ музыкальных произведений представляет интерес с той точки зре-

ния, что, как мы убедились, принципы и способы синтеза смыслов в них существенно отличаются от таковых для ЕЯ. Другой вопрос, что синтез смыслов и отображение смыслов в музыкальные формы имеют свою специфику. Но, благодаря ей (и в отличие от ЕЯ), язык музыки понятен представителям любых национальностей без перевода. Важно понять, почему это обстоит именно так. В настоящей статье мы укажем лишь на «подводные камни» в представлениях о музыкальном содержании, подвергнем анализу представления о принципах музыкального мышления. Мы покажем, как знание этих принципов может помочь композитору в смысловом синтезе и в обеспечении содержательности произведений.

О музыкальной форме и музыкальном содержании. Построение музыкальной формы имеет большое значение с точки зрения возможностей формообразования и выражения мысли, облеченной в музыкальную форму. Применяя функциональный подход при переходе от формы к содержанию, Я. Йиранек сделал предположение о том, что, подобно эмфатическим высказываниям, интонационно-выразительные элементы в музыке функционально подобны знакам-индексам из типологии Ч. Пирса, предметно-изобразительные – иконам, а монограммы (вроде *Dies irae*) – символам [18]. Но следует предостеречь от семантического фетишизма, предполагающего интерпретацию символов как «знаков, благодаря которым в музыке *по договоренности* выражаются понятия, представления, идеи» [3, с. 17]. Если разобраться, музыка не может выражать понятия и представления.

Едва ли можно согласиться с утверждением Ю.Н. Бычкова о том, что «эмоциональная сторона музыкального произведения (выразительные элементы, кульминации, волны (нарастания и спады) эмоциональных и лирических напряжений и т.д.) не является предметом семиотики, т.к. носит незнаковый характер» [1]. Мы склоняемся к точке зрения В.Н. Холоповой о важности

эмоционально-смысловой составляющей в семантике. Но этой составляющей не может быть в структуре знака, она – часть смысла, выражаемого музыкальным произведением или его сегментом.

Вопросы семантики музыки нашли отражение в монографиях и статьях Л.П. Казанцевой [2], В.Н. Холоповой [9], А.Ю. Кудряшова [3] и других авторов. Большинство исследований сведено к анализу форм. Но разве композитор, облакающий содержание в музыкальные формы, мыслит лишь формами? Анализ содержательности приблизителен, но отрадно, что были затронуты такие важные аспекты, как отражение личности автора в содержании музыкального произведения [2]. Но до исследования вопросов *формирования содержания композитором, синтеза* (связывания между собой и интеграции) *смыслов* в произведении, их *воплощения в музыкальных формах*, дело пока не доходило. А ведь именно эти вопросы необходимо исследовать в первую очередь.

О принципах, средствах музыкального мышления и связанных с ними вторичных принципах формообразования. Общие представления о музыкальном мышлении заложены в работах А.С. Оголева [5, гл. 4–10] и развиты в трудах Ю.Н. Холопова (1988) [8, гл. 8]. Нераскрытым остается этап мышления композитора, на котором драматургические построения и ассоциации абстрактных образов находят отражение в ассоциативном мышлении музыкальными образами, обретающих конкретные музыкальные формы. Мы изложим взгляд на принципы мышления музыкальными образами, основанный на представлении о смыслах-скрепах. Исследования показали, что композитор мыслит не в первую очередь музыкальными формами. Формирование содержания произведения (и исследование музыкального содержания законченного произведения) строится по законам мышления, которые едины для писателя и композитора. В сознании композитора возникают *абстрактные образы, ассоциации этих образов*, рождаются и связываются между собой *смыслы*, обусловленные социально-историческими событиями, явлениями, переживаниями автора, формируются *ассоциации смыслов*. В силу специфики мышления и задач, которые ставит композитор, они находят отражение в композиционно-драматургических, затем в музыкальных образах и, наконец, в музыкальных формах. Очевидна общность принципов мышления композитора, писателя и драматурга.

Говоря о музыкальных формах, мы не можем согласиться с мыслью О.В. Соколова о том, что в процессе развития музыки «вторичные принципы формообразования» (принципы репризной трехчастности, рондообразности и сонатности) «стали важнейшими принципами музыкальной драматургии, средством отражения в музыке различных жизненных явлений и процессов в их сложных отношениях и взаимодействии» [6, с. 197]. (1) О.В. Соколов не делает различия между понятиями «принцип» и «средство» (принцип не может быть средством); (2) *принципы драматургии* есть нечто ещё более сложное, чем принципы формирования и синтеза смыслов (3). *Принцип репризной трехчастности* развился из первичного принципа замыкания формы и достиг своего основного вида (предполагающего самостоятельность и в то же время согласование частей) в простой и сложной трехчастной формах, которые определились, как известно, в старинной танцевальной сюите, и, отчасти, в классических образцах фуги. В XIX в. этот принцип сыграл важную роль в формировании некоторых свободных форм и, конечно же, сонатной формы. В музыке XX в. его можно обнаружить в построениях сонатно-симфонических циклов (во 2-й симфонии Скрябина, финал которой имеет значение динамической и расширенной репризы 1-й части; в 8-м квартете Дм. Дм. Шостаковича, в котором заключительная часть – трансформированная реприза первого Largo).

Принцип рондо (ПР) – ещё один пример вторичного принципа формообразования. Согласно своему происхождению, рондо – одна из древнейших форм, ведущая начало от куплетной песни. В свою очередь, ПР использует принципы (а) повторения, (б) контрастирования и (в) варьирования (как, напр., в поэзии). Формы рондо и принцип рондовости нашли воплощение во многих сегментах крупной русской эпической оперы. ПР позволяет показать сменяющиеся одна другую картины на едином фоне.

Типичная сонатная форма (ТСФ) – проявление высшего типа музыкального мышления среди всех гомофонных нециклических форм. Л.А. Мазель полагал, что ТСФ является высшей из нециклических инструментальных форм в том отношении, что «она обладает наибольшими возможностями для отражения сложных и многосторонних... характеров, движений чувств человека, для выражения драматических конфликтов, больших идей, глубоких обобщений» [4, с. 319]. В ТСФ ярко проявляется диалектика музыкального мышления.

Принцип сонатности (ПС) – важнейший вторичный принцип формообразования, несводимый к какой-либо одной закономерности. Он «непременно должен включать в себя ряд логических моментов, неразрывно связанных между собой...: 1) контраст исходных музыкальных образов; 2) их взаимодействие в процессе развития; 3) качественно новый результат, к которому приводит это взаимодействие» [6, с. 197]. Заметим, что здесь отношения между музыкальными образами можно было бы определить так же, как сделал Г. Риман, рассуждая о диалектике функций в каденции типа «тоника – субдоминанта – доминанта – тоника» (TSDT), отрицавший форму TDST как негармоничную, не обеспечивающую эффект нарастания функциональной активности [8, с. 275]. В своей книге «Музыкальная логика» (1873) Риман оттолкнулся от учения Гельмгольца («Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки»), обратился к логике и объявил начальную тонику Т «тезисом», следующие S и K₄⁶ «анти-тезисом», а разрешение D в Т – «синтезисом». Тогда форма TDST нелогична, т. к. ставит синтезис перед антитезисом. В самом деле, синтетичность аккорда D подтверждается тем, что, когда после тоники с – е – g появляется его доминанта g – h – d, возникает аккорд, который уже был в призывках с – е – g. Аккорд же S не приготовлен как тонический и берётся заново. Такое представление ПС требует комментариев. Это связано, во-первых, с тем, что старинная и классическая сонатная формы порой не отличаются ярким контрастом основных тем, а иногда главная и побочная партии строятся на одной теме. Во-вторых, три составляющие ПС могут быть рассмотрены как элементы модели связи между смысловыми образами.

О синтезе смыслов на языке музыки. До сих пор при толковании принципов построения му-

зыкальных форм и произведений не было принято обсуждать семантику, точнее, выражаемые автором смыслы, т.е. то, что до последнего времени представлялось предметом туманным. Но сочиняя музыкальные произведения, композиторы строят и связывают в единое целое именно смыслы. Этот вопрос столь непрост, что, принимая попытки объяснить процесс построения смысла и форм музыкальных произведений, ни один из теоретиков, даже рассуждавших о смыслах в музыке [1], пока не отважился заговорить о синтезе смыслов.

Опираясь на некоторые открытия, сделанные в последние годы в семантике языков (а музыка – тоже язык) и нашедшие отражение в статьях и монографиях [10–17], авторы рискнули попытаться объяснить содержание процесса синтеза смыслов в музыке, выйдя за рамки традиционных представлений. Размышления о построении музыкальных смыслов и форм в данной статье ограничены анализом ТСФ.

О синтаксической структуре типичной сонатной формы (ССТСФ). Традиционно считается, что ядро ССТСФ (ЯССТСФ) состоит из 3 основных разделов: экспозиция, разработка и реприза. В общем случае этому ядру может предшествовать вступление, и уже в работах В.А. Моцарта она завершается кодой. Известно, что экспозиция классической сонатной формы, как правило, повторяется. Кроме того, иногда (чаще в произведениях Й. Гайдна, реже у В.А. Моцарта) повторяются также разработки с репризой (рис. 1). Однако у Бетховена экспозиция повторяется уже не всегда, а повторение разработки с репризой встречается как исключение (например № 6, 24, 25, финал сонаты № 23). Более того, после Бетховена повторение экспозиции встречается существенно реже, а повторения разработки не бывает совсем.

Рис. 1. Схема ядра ССТСФ

Очевидно, что некоторые закономерности в организации ЯССТСФ оказываются неустойчивыми. Возражения возникают также в отношении содержания связей между составляющими ЯССТСФ на рис. 1, которые не могут являть собой ни арифметическую сумму, ни конъюнкцию, ни суперпозицию. Семантика такой связи никогда прежде не обсуждалась. Полагали, что

вполне достаточно, если составляющие просто выстроены в звучащую последовательность. А синтаксические принципы построения ЯССТСФ остаются неясными.

О семантических принципах построения типичной сонатной формы. Принято считать, что «синтаксический смысл» музыкального произведения раскрывается прежде всего в теме,

которая может быть выражена такими *составляющими музыкального мышления, как гармония, мелодия и/или ритм*. Например, с темой, четко выраженной ритмом, мы сталкиваемся в танце из балета А. Хачатуряна «Спартак» (ритм дополняется смысловнесущей мелодической линией). Что касается ТСФ, то здесь требуются прояснения неясные моменты, связанные с семантическими принципами построения

ЯССТСФ. Согласно наиболее распространенному из представлений, ТСФ – форма, основанная на противопоставлении двух тем. Полагают, что ТСФ – «форма, основанная на противопоставлении двух тем, которые при первом изложении контрастируют тематически и тонально» [7, с. 189], «причём, в репризе эти темы повторяются в ином соотношении, чаще всего тонально сближаются» [4, с. 317] (рис. 2).

Рис. 2. Схема ядра синтаксической структуры типичной сонатной формы согласно [7: с. 189] (ГП – главная партия; СП – связующая партия; ПП – побочная партия; ЗП – заключительная партия)

Общеизвестно, что второй (заметим, тонально неустойчивый) раздел ЯССТСФ, названный *разработкой*, развивает либо темы экспозиции, либо, реже, новую тему («ЯССТСФ с заменой разработки эпизодом»). В редких случаях разработка ограничена небольшим переходным построением, но всё равно она присутствует. По мнению Л.А. Мазеля, «существеннейшей особенностью ТСФ... является сочетание контраста тем с большим их единством и интенсивным развитием» [4, с. 318], что отличает эту форму от простой сонатной формы и простой фуги. Это суждение Л.А. Мазеля можно считать отправной точкой для начала обсуждения особенностей семантической организации ЯССТСФ. Уже в основе экспозиции лежит следование двух контрастирующих тем, причём эти темы сопоставляются не так, как темы 1-й части и трио в сложной трехчастной форме или тема и эпизоды в рондо, а диалектически, т.к. очевидно, что контраст является вторичным по отношению к единству. Ведь контрастирующие темы связаны единой линией развития, причём, заметьте, первая тема не обладает той степенью завершенности, которая характерна для первой части сложной трехчастной формы или для рефрена в рондо. Здесь развитие и преобразование элементов 1-й темы постепенно подготавливает вступление 2-й темы, контрастирующей с первой и, в то же время находящейся с ней в единстве, являющейся результатом единого процесса развития и построения ЯССТСФ. Правомерность такого

утверждения подтверждается, во-первых, тем, что разработка, следующая за экспозицией, представляет собой развитие тематического материала экспозиции и как если бы проникает в экспозицию. Во-вторых, реприза убедительно показывает, что сам контраст двух тем не остается неизменным. Он развивается, причём темы повторяются в новом соотношении (они, как правило, тонально сближаются и приводятся к большему единству, чем в экспозиции).

Однако семантика ТСФ не может быть ограничена лишь контрастом и сближением тем. При таком упрощении неучтенным оказывается аспект структурной семантики этой формы, предполагающий гармоничное сочетание (синтез и интеграцию, т.е. слияние и взаимопроникновение) смысловыражающих частей. Его учет позволяет понять, что разработка как бы семантически вырастает в репризу и в экспозицию. Если принять такое представление за основу, то модель структуры семантических связей внутри ЯССТСФ приобретает вид, представленный на рис. 3.

Следует обратить внимание на то, что такая структура семантических связей внутри ЯССТСФ практически тождественна структуре связей в идентифицированной нами [16, с. 45] обобщающей модели смысловой интеграции мысли, выраженной вербально, строящейся из элементарных смыслов (ЭС) и организуемой с помощью смыслов-скрепов (СС) (рис. 4).

Рис. 3. Структурная модель семантических связей внутри ЯССТСФ

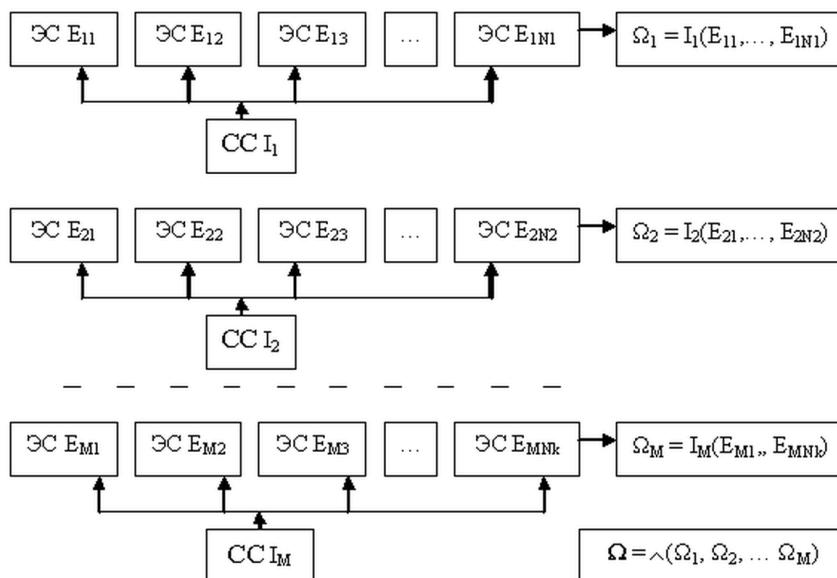

Рис. 4. Модель смысловой интеграции мысли, выраженной музыкальным текстом и организуемой с помощью смыслов-скрепов

Итак, очевидно, что выразительные потенции ТСФ связаны с диалектикой интенсивно развивающихся смысловых отношений между частями ЯССТСФ, проявляющейся, в частности, в противопоставлении и единстве тем и тональностей. Подробно особенности диалектики таких отношений будут описаны в наших следующих статьях.

Заключение. Оценивая достоинства языка музыки, К.Ю. Вебер подчеркивал: «Музыка есть истинная всеобщая человеческая речь». Наши исследования показали, что чем сложнее организована музыкальная форма в смысловом и логическом отношениях, тем богаче её выразительные возможности, т.е. возможности выражения (передачи) чувств (в эмоциональных нюансах и оттенках) и мыслей (выражаемых в смыслах). Если речь идёт о драматургическом построении произведения, то процесс и средства синтеза элементарных смыслов (ЭС), выражаемых частями произведения, должны быть дополнены процессом и средствами синтеза итогового (ядерного) смысла произведения из таких ЭС. На уровне интуиции выдающихся композиторов задачи синтеза смыслов и драматургиче-

ского синтеза решались пока благополучно. Но очевидно, что теоретически строгое понимание существа этих двух задач требует дальнейших исследований.

Литература

1. Бычков Ю.Н. Проблема смысла в музыке // Музыкальная конструкция и смысл: сб. тр. РАМ им. Гнесиных. – М.: Изд-во РАМ, 1999. – Вып. 131.
2. Казанцева Л.П. Основы теории музыкального содержания. – Астрахань: Изд-во ун-та, 2001.
3. Кудряшов А.Ю. Теория музыкального содержания (художественные идеи европейской музыки XVIII–XX вв.): учеб. пособие. – Изд. 2-е. – СПб., М., Краснодар: Изд-во Лань, 2010. – 432 с.
4. Мазель Л.А. Строение музыкальных произведений. – М.: Музгиз, 1960. – 466 с.
5. Оголевец А.С. Введение в современное музыкальное мышление. – М.; Л.: Музгиз, 1946 (гл. 4–10).
6. Соколов О.В. Об индивидуальном претворении сонатного принципа // Вопросы теории музыки: сб. ст. / под ред. Ю.Н. Тюлина. – М.: Музыка, 1970. – С. 196–228.
7. Способин И.В. Музыкальная форма: учебник. – 7-е изд. – М.: Музыка, 1984. – 400 с.
8. Холопов Ю.Н. Гармония. – М.: Музыка, 1988. – 511 с.
9. Холопова В.Н. Музыка как вид искусства. Ч. I–II. – 1-е изд. – М.: Изд-во МГК, 1990–91 (4-е изд. – СПб., 2002).

10. Чернышов М.Ю. О сущности вербально выраженной мысли-скрепа как медиатора смысловой интегративности текста // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Серия «Романо-германская филология». – 2009. – Вып. 11. – С. 137–142.

11. Чернышов М.Ю. Основы метода анализа смысловой интегративности текста с помощью вербально выраженных мыслей-скрепов // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2009. – Вып. 11. – С. 146–150.

12. Чернышов М.Ю. Основы метода анализа смысла текста с помощью вербально выраженных мыслей-скрепов // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2009. – Вып. 11. – С. 154–157.

13. Чернышов М.Ю. Средства выражения мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текста. – М.: Наука, 2010. – 168 с.

14. Чернышов М.Ю. Проблема идентификации вербально выраженных мыслей-скрепов как медиаторов

смысловой интегративности текстов. – М.: Наука, 2010. – 152 с.

15. Чернышов М.Ю. Основы метода выявления ядерного смысла текста, предполагающего идентификацию и анализ вербально выраженных мыслей-скрепов // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2011. – Вып. 11. – С. 129–132.

16. Чернышов М.Ю. Идентификация вербально выраженных смыслов-скрепов как средств анализа смыслов текста // Интеграция образования. – 2012. – № 1. – С. 43–49.

17. Чернышов М.Ю., Абасов Н.В., Осипчук Е.Н. Основы вычислительной технологии для анализа и реструктурирования текстов программ на принципах логико-смыслового анализа // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 9.

18. Jiraneck J. Zu Grundfragen der musikalischen Semiotik. – Berlin, 1985. – P. 93–96.

Чернышов Михаил Юрьевич – зав. метод. частью Иркутского научного центра (ИНЦ) СО РАН, канд. филол. наук, почетный профессор Кемеровского ун-та, иностранный член Королевского общества. 664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 134, Президиум ИНЦ СО РАН; сл. тел. (3952) 42-67-27; дом. тел. (3952) 29-52-93; E-mail: cell@sifibr.irk.ru

Chernyshov Michael Yuriyevich – Candidate of Philology, Head of the Methodological Department for the Presidium of Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of RAS, Presidium of ISC, ISLU 134, Lermontov st., Irkutsk, 664033, Russia, e-mail: cell@sifibr.irk.ru

УДК 81-139

© **Е.П. Чернобровкина**

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ МОЛОДЕЖНЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ)

В данной статье молодежная субкультура США рассматривается через призму вербальной агрессии, а именно агрессии по отношению к культуре взрослых, к другим микрогруппам, агрессии внутри отдельной микрогруппы. Представлен вывод о том, что американская молодежная субкультура противостоит культуре большинства, однако обуславливает социальную и экономическую зависимость от базовой культуры общества, при этом формирует ценностные позиции современного молодого человека посредством телевидения и сети Интернет, а также и сама формируется под их влиянием.

Ключевые слова: вербальная агрессия, американская молодежная субкультура, агрессивное поведение, телевидение.

E.P. Chernobrovkina

SOCIO-LINGUISTIC ANALYSIS OF THE AMERICAN YOUTH SUBCULTURE: ON THE BASIS OF THE AMERICAN POPULAR MOVIES FOR THE YOUTH

The article is devoted to the study of American youth subculture and verbal aggression. The analysis focuses on the linguistic research of verbal aggressive statements borrowed from the youth popular movies. The article concludes that American youth subculture, although being against the mainstream culture is determined by the society and mass media.

Keywords: verbal aggression, American youth subculture.

Агрессивное поведение молодежи – одна из наиболее актуальных социальных проблем. Результаты ряда исследований определили круг ситуаций, которые прямо или косвенно могут вызывать агрессивное поведение большинства людей. Ими выступают: физическая или вербальная агрессия других лиц (особенно, если

она воспринимается как намеренная ситуация невозможности реализовать свои актуальные потребности), условия жесткой конкуренции между взаимодействующими сторонами, присутствие лиц, провоцирующих конфликт и т.п. [3]. В основе этих ситуаций лежит межличностный (иногда – межгрупповой) конфликт – про-

вокация, которая часто заканчивается вербальными или физическими выпадами.

Некоторые исследователи полагают, что вербальная агрессия является имитацией подлинной агрессии, благодаря которой происходит катарсис. Другие авторы, напротив, считают, что вербальная агрессия создает лишь иллюзию разрядки враждебности, на самом деле приводя к накоплению деструктивных импульсов [4].

Принимая во внимание вышесказанное, а именно то, что ряд ученых разделяет проявления агрессии на деструктивные (враждебность, ненависть, жестокость, экспансивность, нетерпимость, нанесение вреда, причинение ущерба, жажда мести и т.п.) и конструктивные (настойчивость, упрямство, защита, преодоление барьеров, актуализация личности, конфронтация без причинения вреда и т.п.), в данной статье речевая агрессия рассматривается как негативное (хотя и в различной степени), имеющее отрицательные последствия коммуникативное воздействие и взаимодействие, а агрессивная речь оценивается в таких негативных определениях как грубая, бранная, ругательная, обидная, оскорбительная, неприязненная, невежливая, унижающая, подавляющая и т.п. [10].

Необходимо также отметить, что на современном этапе обозначилась тенденция использования такого термина вербальной агрессии как языка вражды, что представляет собой свободный перевод английского словосочетания «hate speech» (речь, выражающая ненависть). В связи с этим синонимичное употребление вербальной агрессии может быть следующим: *агрессивный* – неприязненный, враждебный, вызывающий; *бранный* – содержащий брань, резко порицающий; *грубый* – недостаточно культурный, неделикатный, нечуткий, нетонкий; *невежливый* – нарушающий правила вежливости, приличия; *обидный* – содержащий оскорбление; *ругательный* – то же, что бранный; *унижающий* – оскорбляющий достоинство, унижающий; подавляющий – 1) превосходящий, занимающий господствующее положение, подчиняющий себе; 2) приводящий в угнетенное состояние [10].

Как отмечают исследователи агрессии, именно молодежная субкультура выступает одним из источников усвоения агрессивных моделей во взаимодействии: физической, косвенной, вербальной. Последняя часто трансформируется в особые феномены, функционирующие как часть особого речеповеденческого кодекса. Так, если обратиться к истории молодежной субкультуры, то первые ее проявления в 50-х гг. XX в. в США, а затем в других индустриально развитых стра-

нах вначале были восприняты чуть ли не как клинические случаи отклонения или заболевания молодых людей, разбираться с которыми следовало психиатрам и психологам. Недаром появилось такое направление исследований, как «девиантное поведение молодежи» [7].

Понятие «субкультура» как своеобразная культура в рамках культурно-исторического типа, как «особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами», в западной науке стало разрабатываться тогда же, когда заговорили о постмодернизме [7, с. 74].

Понятие молодежной субкультуры может рассматриваться как в широком смысле – детская и подростковая среды, так и в более узком – культура неформальных молодежных объединений. Молодежная субкультура – феномен характерный для индустриально развитых обществ, начавших переход к постиндустриальному и, возможно, постиндустриальным обществам. Часть молодых людей объединяется в социальные общности – неформальные молодежные объединения, – каждый представитель которых причисляет себя к ним, то есть идентифицирует себя с ними. Эти неформальные молодежные объединения и продуцируют молодежную субкультуру (по ценностям, нормам, стилю, мировосприятию и т.п.), отличающуюся от базовой, материнской культуры собственного культурно-исторического типа [7, с. 75].

Следует отметить, что многие авторы рассматривают понятия «молодежная культура» и «молодежная субкультура» как тождественные [8]. Разделяя подобное понимание изучаемого феномена, вслед за С.И. Левиковой мы определяем молодежную субкультуру как автономное целостное образование внутри господствующей культуры, систему ценностных установок и культурных традиций отдельной группы молодежи, ведущей определенный образ жизни и имеющей определенный менталитет, свои обычаи, нормы, социальные институты; как совокупность специфических социально-психологических признаков (норм, ценностных ориентаций, стереотипов, вкусов, увлечений и т.п.), влияющих на стиль жизни и мышления определенных номинальных и реальных групп людей и позволяющих им осознать и утвердить себя в качестве «мы», отличного от «они» (остальных представителей социума) [6].

По мнению И.П. Башкатова, молодые люди включаются в субкультуру для удовлетворения потребностей в общении, самоутверждении, ко-

торые в силу каких-либо причин в формальной группе удовлетворить не могут. Это и приводит к стихийному объединению в молодежные субкультуры с целью защиты общих интересов [5].

Другой функцией молодежной субкультуры является реализация запрещенных обществом форм поведения. Молодые люди перед лицом идентичных проблем сплываются в тесные группы друзей-ровесников, в кругу которых они вместе сочувствуют тому и соучаствуют в том, что им всем запрещено обществом; в результате девиантное поведение, становясь коллективным, в их глазах перестает быть отклоняющимся.

Исследование агрессивных высказываний героев американских молодежных телевизионных сериалов¹ позволяет нам выделить следующие уровни функционирования агрессии в молодежной субкультуре [10, с. 42-54]:

а) агрессия по отношению к культуре взрослых, к культуре мейнстрима. Основной вектор направленности агрессии молодежной субкультуры находится в плоскости взаимодействия с окружающим миром. Эта оппозиция подчеркивается на уровне манифестации – вербально, на уровне атрибуции – невербально.

На примере молодежного движения готов (Южный Парк, серия Raisins), которые выражают свою агрессию невербально через атрибутику (черная одежда, цепи, пирсинг, браслеты-шипы, ошейники, сильный макияж) и вербально через манифестацию:

«Everyone's just walking around like a bunch of conformists. Go ahead and wear your business suits so you can make thirty-four thousand dollars a year to buy your condominium. They're all zombies racing to their graves.» «Love didn't work for my mom and dad. Why should it work for me?» «Conformist. Have fun in your rat-race life, living paycheck to paycheck for corporate gains.»

б) агрессия по отношению к другим микрогруппам. Внутри молодежной субкультуры существует множество подразделений или членений на отдельные микрогруппы. Деление может быть основано на возрастных рамках, музыкальных предпочтениях, территориальных гра-

ницах и множестве других параметров. В рамках данной оппозиции жестко регламентируются отношения между микрогруппами, и нередко контакты между микрогруппами маркированы агрессией.

Например, презрительно-враждебное отношение детей-готов к другим группам (6-teen, episode «Lights out», South Park, episode «Raisins»):

«Do I know you, mortal?», «They are all a bunch of Nazi non-conformists», «Brittney Spears wannabes».

и наоборот:

«Goth kid: Why don't you just go back to your Justin Timberlake and your homework, you conformist asshole? You just don't know what real pain is. Kyle: Oh, like you know what pain is! Go try living in a Third-World country, you little pussy! Have fun being miserable.»

Презрительно-агрессивное отношение студентов со спортивными достижениями (jocks) (Daria, episode «See Jane Run») к студентам с академической успеваемостью (brains):

Evan – I don't know why you hang out with her. Jane – What do you mean? Evan – Well, you're sort of a sports star now. It's not so cool to be hanging around with... you know, losers. Такие же агрессивные отношения между jocks и Fashion club members: Sandi (Fashion Club member): «What kind of loser would sign up for the track team? Evan (jock) – You girls don't think I'm a loser, do you? Sandi – Are you asking if you can hang out with us? Evan – Nope. I prefer women with a slightly more enlightened attitude toward fitness. Sandi – Oh, yeah? (Fashion Club leaves) Evan – I guess you can be born in the '80s and still stuck in the '50s.»

в) агрессия внутри отдельной микрогруппы. Внутри микрогруппы агрессия реализуется преимущественно в демонстрации ценностей и отношений, в установлении власти и доминирования личности.

Например, агрессия внутри микрогруппы jocks. Daria, season 1, episode 7 «Too cute» – Mack (American football player «jock»):

I think I screwed up that ethics test today. How'd you do? Kevin – Pretty good. Mack – Wait a minute. You weren't even there today. You cut class on the day of a midterm? Kevin – I was excused. I didn't have to take the test. Coach talked to the teacher, and I got a bye. Coach says I gotta maintain a «C» average to stay on the team, so he took care

¹ **Материал** исследования – скрипты современных молодежных сериалов и фильмов как показательный пример разговорной речи американской молодежной субкультуры: Южный парк (South Park), Шестнадцать (6-teen), Дария (Daria), Клиника (Scrubs), Баффи – истребительница вампиров (Buffy the Vampire Slayer), ФНД филмз (FND films), Далеко от совершенства (Less than perfect), Дьявол во плоти (Devil in flesh), Она мужчина (She's the man).

of it or something. *Mack* – Hey, that's not fair. I'm on the team and I had to study. *Kevin* – I'm the Q.B., Mack Daddy. *Mack* – (angrily) I've told you a million times, don't call me that! When are you going to get it through your thick skull already? (leaves).

Мак (защитник) недоволен патронажным тоном Кевина (нападающий в команде) и льготами, которые ему оказывают тренер и учителя (оценка за тест). Следующий пример демонстрирует агрессию внутри микрогруппы popular – Fashion Club. Сэнди – президент клуба – демонстрирует свою власть, придираясь к Квин, которая составляет ей серьезную конкуренцию в школе. Используя тактики гиперболизации, искажения информации, Сэнди переходит на личности, целясь в самое больное место Fashion club member – одежда:

Quinn – Well, at least I thought about it. I didn't just say it was cute without thinking. Sandi – Excuse me? Are you saying we're shallow? ...Quinn's just so deep, she thinks we would say something's cute when it's not cute, which we wouldn't. Example: I would never tell Quinn that she looks cute in that thing she always wears. Quinn – I don't have a «thing» that I always wear. Sandi – If you say so. Quinn – I have lots of things which I wear at different times, far apart in time. Sandi – As you wish. Quinn – You're just mad because I said you're shallow. Which I meant in some other way!

Из вышесказанного можно сделать вывод, что американская молодежная субкультура противостоит культуре большинства, имеет определенные возрастные рамки и социальный статус ее членов, что обуславливает социальную и экономическую зависимость от базовой культуры общества. Молодежная субкультура формирует ценностные позиции современного молодого человека посредством телевидения и сети Интернет и сама формируется под их влиянием.

Субкультура молодежи складывается под непосредственным воздействием культуры «взрослых» и обусловлена ею даже в своих контркультурных проявлениях. Формальная молодежная культура (по определению) базируется на ценностях массовой культуры, целях государственной социальной политики и официальной идеологии [1]. Проблема влияния телевидения на сознание и поведение зрителей и последствий от его влияния занимает одно из важнейших мест в современной социальной психологии и социологии. Особенно актуальна проблема влияния телевидения в связи с ростом насилия в современном обществе. Возникла необхо-

димость в изучении взаимосвязи содержания телепродукции и агрессивного поведения ее потребителей, особенно детей и молодежи. Суть проблемы можно выразить словами одного американского политика: «Любое телевидение является образовательным. Вопрос лишь в том, чему оно учит...» [2, с. 63]. Поэтому, начиная с 1950-х гг. на Западе начались систематические исследования влияния телевидения на агрессивное поведение зрителей.

Проявление агрессии в американской молодежной субкультуре можно объяснить данными психологических и социологических исследований, подтверждающих наличие причинно-следственной связи между агрессивным поведением людей и насилием на телеэкране [2]. На данный момент в социальной психологии существуют три основные гипотезы, объясняющие механизм влияния телевизионных сцен насилия на агрессивное поведение людей. Первая – «гипотеза модели», разработанная А. Бандурой, согласно которой агрессивное поведение оказывается результатом наблюдения и подражания (научения) агрессивным действиям других людей и телевизионных персонажей. Таким образом, агрессия на телеэкране служит своего рода примером для моделирования реального поведения. Вторая гипотеза – «гипотеза катализатора». Л. Берковитц предполагает, что сцены насилия служат своеобразными стимуляторами возбуждения и импульсивного поведения у зрителей (по принципу катализатора, ускоряющего ход химической реакции). Такие сцены выступают стимуляторами, запускающими определенные когнитивные процессы (вызывают агрессивные воспоминания, идеи), что уже, в свою очередь, приводит к агрессивному поведению. Третья гипотеза («гипотеза катарсиса») появилась в результате исследований, которые, наоборот, указывали на то, что демонстрация сцен насилия приводит к ослаблению агрессивности. Происходит своего рода «катарсис» – сброс эмоционального напряжения [3]. Российские и западные исследования чаще подтверждают «гипотезу модели». Так, в 1972 г. Комитет по изучению телевидения и социального поведения Министерства здравоохранения США в своем отчете признал существование причинно-следственной связи между насилием на телеэкране и насилием в жизни [2].

Итак, вербальная агрессия – сложное и многоаспектное явление, которое широко распространено в современном обществе, особенно в детской и подростковой речевой среде. Присутствуя на всех уровнях речевого взаимодействия,

данный феномен деструктивно действует на сознание коммуникантов и препятствует эффективному речевому воздействию. Отсюда перспективным в дальнейшем изучении вербальной агрессии выступает направление по выявлению способов противодействия, различных речевых тактик и стратегий, помогающих отразить вербальную агрессию, дать отпор и не стать жертвой вербального агрессора.

Литература

1. Белова Е.А. Влияние СМИ на формирование молодежной субкультуры в России // Социальная политика и социология. – 2007. – № 3. – С. 193–196.
2. Дроздов А.Ю. «Агрессивное» телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социс: социологические исследования. – 2001. – №8. – С. 62–68.
3. Дроздов А.Ю. Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации // Социс: Социологические исследования. – 2003. – №4. – С. 95–98.
4. Жмуров Д.В.. Словарь терминов агрессии // Первоисточник: лучшие словари мира / <http://www.vocabulum.ru/>

5. Корженко А.Л. Молодежная субкультура как альтернативная форма социализации личности в юношеском возрасте // Вопросы психологии. – 2010. – № 2. – С. 80–89.
6. Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 608 с.
7. Левикова С.И. Две модели динамики ценностей культуры (на примере молодежной субкультуры) // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 71–79.
8. Мосиенко Л.В. Молодежная субкультура и диалог // Высшее образование в России. – 2011. – № 1. – С. 132–136.
9. Федорова Л.Л. Прямое выражение агрессии в речевом общении // Агрессия в языке и речи. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2004. – С. 220–233.
10. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 360 с.
11. Outpost Daria. [электронный ресурс]. – Outpost Daria. – URL: http://www.outpost-daria.com/episode_guide.html
12. Parker T, Stone, M. 401. Cartman's Silly Hate Crime 2000 / T. Parker, M. Stone // Welcome to the South Park Scriptorium [электронный ресурс]. – USA, 2003–2005. – URL: <http://www.spscriptorium.com/>
13. 6 teen. [электронный ресурс]. – Canada, 2000–2008. – URL: <http://ckuik.com/6-Teen>

Чернобровкина Елена Павловна – канд. социол. наук, доцент каф. английской филологии Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, e-mail: elena_cher2000@mail.ru

Chernobrovkina Elena Pavlovna, Candidate of Sociology, Junior Lecturer at the English Philology Chair, BSU, 24-A Smolin St., Ulan-Ude, 670000, Russia, e-mail: elena_cher2000@mail.ru

УДК 821.133.1

© **Н. К. Шангаева**

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ЧАТА
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются языковые особенности чата во французской интернет-коммуникации. Данная тема привлекает многих исследователей богатством материала, представляющего научный интерес. Технические характеристики, сама природа чатов являет собой новый, нетрадиционный подход к языку, к его коммуникативным особенностям.

Ключевые слова: чат, интернет – коммуникация, Интернет, французский язык.

N. K. Shangaeva

**THE LINGUISTIC MEANS OF CHAT'S STRUCTURE
IN FRENCH INTERNET-COMMUNICATION**

The article is devoted to the linguistic means of chat's structure in French internet-communication. This subject is rich in linguistic material and attracts different specialists. Chat's specifications and character is a new, non-traditional approach to language and communicative characteristic.

Keywords: chat, internet-communication, Internet, the French language.

Компьютерная коммуникация обязана своим появлением возникновению Интернета. Возможность связать в одну сеть неограниченное количество компьютеров, находящихся на разных концах земного шара, обеспечила развитие

таких форм электронного общения, как электронная почта, форум, чат и ICQ. Исследование чатов как одного из ведущих жанров интернет-коммуникации представляет исследовательский

интерес в связи с их высокой популярностью и новизной создаваемых пользователями форм.

Интерактивные чаты (от англ. Chat – дружеский разговор, беседа, болтовня), также называемые интерактивными конференциями, являются разновидностью интерактивного общения, предполагающего возможность «живого» общения (как при обычной беседе в реальной жизни), либо в режиме off-line (между полученными сообщениями и отправкой ответов проходит некоторое время) [Левинг, 2001: 213].

Впервые компьютерная программа для internet relay chat была разработана Яркко Ойкариненом в Финляндии в 1988 г. и вскоре стала самой популярной в мире системой для компьютерных конференций. Говоря техническим языком, IRC – это некоторое количество компьютеров, объединенных в сеть, которая в свою очередь является частью глобальной сети Интернет, и таким образом, информация в цифровом виде может быть отправлена и получена любым пользователем внутри сети.

Чат представляет собой виртуальное пространство (т.н. «комнату»), в которое может зайти любой пользователь Интернета, и, зарегистрировавшись, получить свой ник (используемый участником чата псевдоним). Общение в чате происходит в режиме реального времени, каждый зарегистрированный пользователь может отправить свое сообщение, которое после его отсылки станет доступным для чтения всем участникам чата, находящимся в данный момент в «комнате». Количество коммуникантов, одновременно участвующих в общении, неограниченное, в связи с чем в начале каждой реплики стоит ник отправителя. Текст в чате, в отличие от форума, не является статичным – по мере появления новых реплик, предыдущие выходят из поля зрения.

В отличие от общения в реальной действительности, где говорящий (и слушающий) имеет в своем распоряжении целый комплекс лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических средств, которых лишен пишущий (и читающий): интонация, мимика, жесты, ситуативная обусловленность речи, IRC-коммуникация представляет из себя обмен набранными на клавиатуре компьютера высказываниями, и имплицитный семантический фон может быть выражен только лексико-семантическими и графическими средствами [Трофимова, 2004].

В данной статье рассматриваются языковые средства организации чата во французской интернет-коммуникации. Материалом для анализа

послужили фрагменты чатов, скопированные с франкоязычных интернет-сайтов. В корпус исследования вошли реплики из франкоязычных чатов, отобранные в соответствии со следующими критериями:

- разрушение графических границ слов;
- несоответствие написаний орфографической норме;
- отсутствие деления длинных реплик на предложения;
- несоответствие расстановки знаков препинания существующим правилам.

Таким образом, признак «несоответствие письменно-речевой норме» был основным при подборе материала.

В первую очередь, мы рассмотрели орфографическую специфику языка французских чатов. Известно, что общение в чате происходит в очень динамичном режиме спонтанной беседы, что требует быстрой реакции на реплики собеседника и, следовательно, провоцирует экономию языковых и, в первую очередь, графических средств. Так как скорость набора текста является одним из основных факторов чат-коммуникации, особенное написание слов служит для упрощения, то есть ускорения коммуникации. Правильная орфография не является обязательным требованием, так же, как и показателем социального статуса или образования по причине того, что коммуниканты часто намеренно используют нестандартную пунктуацию и орфографию.

Многие из графических вариантов, используемых в интернет-сообщениях, позволяют упростить написание. Это можно назвать конвергенцией способов написания звуков. Звук [k] во французском языке имеет пять способов обозначения на письме: c; qu; q; ch; k. Как утверждает В. Г. Гак [Гак, 1985: 37], при обозначении звука [k] на долю буквы c приходится 53%, на долю буквосочетания qu – 45%, а на долю q и ch – 2%. Буква k используется только при написании заимствованных слов и является наименее частотным способом написания звука [k]. В чатах дело обстоит иначе. Согласно материалам исследования, чаще всего звук [k] обозначается буквой k, то есть доминантным способом становится тот способ, который является наименее употребляемым в традиционной графике. Например, *kan* (*quand*), *kel* (*quelle*), *kon* (*qu'on*).

Для передачи звука [s] французская графическая система располагает восемью способами: s; ç; c; ss; x; t(+i); sc; cc. При этом 69% приходится на буквы s и ss, на долю букв c и ç – 26%, на долю буквы t в сочетании с l – 3,3% и, соответст-

венно, 1,7% остается на долю букв x, sc, и cc [Гак, 1985, 140]. В интернет-сообщениях звук [s] чаще всего передается буквой s. С точки зрения графики, такая конвергенция вполне обоснована, так как подобное написание не мешает адекватному декодированию слов. Например, sa (буква s стоит на месте ç).

Во французском языке в словах греческого происхождения звук [f] передается буквосочетанием ph. В чатах такие слова чаще всего пишутся не через ph, а через f: et tu y es en foto? Налицо упрощение орфографии заимствованных слов, не мешающее пониманию и позволяющее сэкономить время при написании слов.

В написании конечных согласных наблюдаются две основные тенденции:

1. Непроизносимые согласные и консонантные группы подвергаются на письме опущению, упрощению и взаимозаменам (tj tre interessan ici, j'ai meme pa de nvelles).

2. Произносимые согласные приобретают дополнительную маркировку в виде буквы e (j'avais pas fait l'erreure).

При рассмотрении гласных были выявлены следующие особенности.

Во французской графике существуют четыре способа передачи на письме звука [o]: o; au; eau; ô. В чатах наблюдается их конвергенция: пользователи интернета предпочитают передавать этот звук буквой o, применяя в данном случае фонетический принцип орфографии: l'o вместо l'eau, bosou вместо beaucoup.

При передаче [e] в чатах наиболее часто встречаются такие замены: é→er: j'avai oublier (j'avais oublié), é→ez: vous avez passez une bonne soirée (vous avez passé une bonne soirée), er→é: va passé une super nuit (va passer une super nuit).

В корпусе исследования также используется свободное использование графических средств для передачи форм глагола être. Например, c'est→ cé: cé sur (c'est sûr), tu es→ té: heureusement ke té sur le net (heureusement que tu es sur le net), c'était→cété: cété bien 16h30 (c'était bien 16h30).

Пользователи франкоязычного интернета решают сразу две задачи: сокращают количество знаков, экономят время на набор сообщения и заменяют этимолого-морфологическое написание на фонетическое. Таким образом, следует отметить, что орфография чата стремится стать фонетической, то есть отражающей по большей части правила произношения, а не написания, существующие в языке.

Проведенный анализ показал, что часто в интернет-коммуникации при написании слов ис-

пользуются буквы, которые не всегда представлены в сокращаемом слове. В основе создания таких сокращений лежит омофония сокращаемого слова (или его части) с алфавитным названием буквы или с числительным. Например, C pas dma fote! Буква t может использоваться вместо t'es (сокращенное в беглом речевом потоке tu es): t tellement jolie! Приведем другие сокращения такого типа: J'ai→g: g plus de phone! bébé→bb: comme d'hab mon Bb, aime→m: et jm.

Использование алфавитных названий букв позволяет значительно сократить количество печатных символов. Успешность передачи звучания слов при помощи данного приема во многом зависит от смекалки реципиента – адекватное восприятие обеспечивается лишь тогда, когда читающий осознает, в каком случае необходимо читать буквы в том виде, в котором они представлены в алфавите.

Использование вместо слов омофоничных им цифр встречается не так часто, как в английском языке, из которого было заимствовано, но все же имеет место, например, в klk1 en vu ? цифра 1 стоит на месте -un в слове quelqu'un. В 2m1 les vacs !!!!!!! слово demain пишется следующим образом: 2m1. Говоря об использовании данного принципа сокращения, нельзя не отметить, что этот способ привлекает тем, что дает возможность экономии движений руки по клавиатуре.

Проведенный анализ позволяет выделить и другие особенности французского чата: многократный повтор или неупотребление знаков препинания, написание слов заглавными буквами, многократное повторение букв.

Далее рассмотрим лексико-грамматическую специфику чат-коммуникации. Кроме разговорной лексики, сленга и ненормативных выражений в IRC, К.В. Овчарова выделяет три группы лексики с ограниченным употреблением:

1. Терминология, относящаяся к области высоких технологий, электронике, компьютерной технике.

2. Группа часто используемых в IRC слов и выражений, относящихся к сети Интернет.

3. Лексика, используемая исключительно в IRC [Овчарова, 2008].

Большинство специальной лексики чатов вышло из области компьютерных языков, поэтому немалая часть жаргона чата – аббревиатуры и акронимы.

Аббревиатуры являются лексическими единицами, состоящими из начальных букв исходных слов, которые, в зависимости от их типа, произносятся тем или иным образом. В основе классификации аббревиатур лежит принцип,

согласно которому они произносятся: 1) буквенные (буквы, составляющие аббревиатуру, читаются в их алфавитном значении); 2) звуковые (акронимы) (в отличие от буквенной аббревиатуры, произносятся как единое слово, а не побуквенно); 3) буквенно-звуковые (частично из названий начальных букв, частично из начальных звуков слов исходного словосочетания).

Приведем некоторые аббревиатуры и акронимы, свойственные IRC: s'il te (vous) plait – str, svp; tout le monde – tlm.

Большое количество сокращений – это, пожалуй, одно из первых явлений, бросающихся в глаза человеку, в первый раз заходящему в чат. Они привлекают внимание всех участников интернет-коммуникации – новичков, так как они испытывают трудности в их «расшифровке», и опытных пользователей, так как они часто вызывают желание их собрать и классифицировать, а также создать новые сокращения. В основном сокращения, часто употребляемые пользователями чатов, используются для ускорения набора сообщений: tel (telephone) – jms ils repondent o tel, choco (chocolat) – moi j'ai plein de choco, vacs (vacances) – 2m1 les vacs!!!, aprem (après-midi) – et tu fai quoi cet aprem?, prob (problèmes) – ok pas de prob et bien alors arrete de te venter alors. Использование этих, ставших уже практически стандартными, сокращений позволяет экономить время и усилия, затрачиваемые при наборе текста. Эта лексика легко понимается новыми пользователями, потому что при чтении основную информативную нагрузку несет на себе первый слог, и усечение остальных слогов не снижает успешности зрительного декодирования слова.

Анализ приводимых случаев сокращения показывает, что пользователи прибегают к многочисленным графическим сокращениям, заключающимся в использовании ключевых букв исходного слова, чаще всего – согласных: jms (jamais), tt le monde (tout le monde), jvx (je veux), bcp (beaucoup), grd (grande), tps (temps), avt (avant), h (heure), slt (salut), pkoï (pourquoi). Сокращенные таким образом слова легко восстанавливаются из контекста.

К группе лексических средств также можно отнести и употребление заимствований. Как правило, «сетевые» заимствования из английского языка относятся в основном к области высоких технологий и выступают в качестве иноязычных вкраплений, например, shareware, e-mail, applets, webmasters, games и др.

Если сравнивать с очевидными различиями в области лексики, грамматическая вариация

встречается гораздо реже. Во французском языке IRC-грамматика не претерпевает серьезных изменений, которые свойственны другим областям языка этого средства коммуникации, например, орфографии и лексике. Тем более что коммуниканты не могут нарушать основные грамматические правила, так как это, вероятнее всего, усложнит понимание высказываний остальными участниками дискуссии. Для того чтобы ускорить обмен высказываниями, IRC-коммуниканты часто употребляют эллиптические конструкции, и хотя они также представлены в устной речи (особенно в разговорном стиле французского языка), использование эллипсиса в IRC напоминает скорее насыщенные, информативные заголовки газетных статей. Когда пользователи IRC прибегают к эллипсису, они сознательно (или несознательно) «жертвуют» некоторыми устными свойствами IRC языка для того чтобы ускорить процесс набора высказываний на компьютере. Это говорит о том, что скорость является более важным фактором для коммуникантов. Чаще всего в IRC-коммуникации опускаются личные местоимения, отрицательные частицы и безличное il. Приведем примеры эллиптических конструкций в IRC:

YA KOI COMME FILM KI PETE CE SOIR ??

ben voui mais faut parler amuse toi avec fausse americaines

lakelle? Celle avek Kelly? suis trop laide!

je c po du tout

ben je c po moa !!!!!!! kan veu mon ange

Pkoi tu l'as po ta carte ?

Конструкции с большей степенью эллипсиса встречаются реже, так как они лишают IRC-коммуникацию устных свойств, например:

age? (Quel âge as-tu?)

Коммуниканты обычно обмениваются высказываниями, составленными из коротких, простых предложений. Сложносочиненные и сложноподчиненные конструкции встречаются редко, так как требуется много времени для их построения. Высказывания, которые содержат более одного предложения, обычно являются бессоюзными, а границы придаточного предложения часто отмечены эмоджиконами, либо не маркированы вовсе.

Таким образом, общение в режиме «чат» обладает своими специфическими особенностями (преобразование графического облика слов, отступление от норм орфографии и грамматики, разговорно-обиходная лексика, аббревиатуры). В чатах зачастую имеет место преднамеренное искажение орфографии, продиктованное домини-

нирующей стратегией звучания и применяемое в целях экономии времени и создания индивидуального стиля. Не только орфография, но также и грамматические нормы в чатах подвергаются упрощению, но только в тех случаях, когда это не препятствует быстрому визуальному восприятию сообщения.

Шангаева Надежда Константиновна – канд. социол. наук, доцент кафедры немецкого и французского языков БГУ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: chnadejda@rambler.ru

Shangaeva Nadezhda Konstantinovna, cand. of sociology science, Assistant Professor in the department of German and French, BSU, 670000 Ulan-Ude, Smolin str. 24a. E-mail: chnadejda@rambler.ru

УДК 811.133.1: 659

© **Н.К. Шангаева**

ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА ВО ФРАНЦУЗСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается проявление гендерного фактора во французских рекламных текстах. Данная тема привлекает многих исследователей богатством материала, представляющего научный интерес. Гендерный подход представляет собой дальнейшее развитие антропоориентированного изучения языка и позволяет точнее учитывать человеческий фактор в языке.

Ключевые слова: гендер, реклама, рекламный текст, французский язык.

N. K. Shangaeva

THE GENDER FACTOR MANIFESTATION IN FRENCH ADVERTISING TEXTS

The article is devoted to the gender factor manifestation in French advertising texts. This subject is rich in linguistic material and attracts different specialists. Gender approach is the development of anthropo-oriented study of language and takes account of human factor.

Keywords: gender, publicity, advertising text, the French language.

В последние десятилетия XXI в. одним из наиболее привлекательных для исследователей объектов изучения становится текст рекламы – элемент массовой культуры и коммуникации. Посредством рекламного текста реализуется воздействие на реципиента, то есть осуществляется формирование массового сознания, распространяются идеалы, установки, знания, внедряемые адресантом.

Изучение рекламы связано с актуальной необходимостью решения целого ряда вопросов. Во-первых, реклама дает лингвистам обширный материал для изучения современного языка. Составляя органичную часть антропоцентрической картины мира, которая фиксирует языковые новообразования, язык рекламных текстов стал определяться лингвистами как «метаязык рек-

Литература

1. Гак В.Г. Французская орфография: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В.Г. Гак. – М., Просвещение, 1985. – 240 с.
2. Левинг Я. Internet: полное руководство. – Киев: ВНУ, 2001. – 297 с.
3. Овчарова К. В. Компьютерные чаты в интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
4. Трофимова Г. Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М.: Изд-во РУДН, 2004.

ламы». Без рекламы невозможно было бы появление медиалингвистики, изучающей языковые и стилевые особенности массмедийных текстов. Во-вторых, исследование текстов печатной рекламы с гендерных позиций внесет свой вклад в теорию языка и гендерной лингвистики, расширив объем знаний о функциональных стилях языка. В-третьих, путем изучения языка рекламы реализуется прагматическая цель – более качественное ее представление на рекламном рынке в условиях широкого развития межкультурных связей.

А.В. Кирилина подчеркивает, что применение гендерного подхода при изучении языка «позволяет точнее и четче учитывать человеческий фактор в языке, в результате чего может быть получено приращение знания как собст-

венно лингвистического, так и междисциплинарного» [Кирилина, 2000, 140]. Рекламные тексты как предмет гендерного анализа занимают особое место. В них гендерный фактор релевантен не с позиции субъекта высказывания, т. е. говорящего или пишущего, а с позиции адресата. Иными словами, это речевые произведения для мужчин или для женщин. Гендерно значимыми характеристиками могут быть: объем текста, его отдельные грамматические характеристики, удельный вес вопросительных и побудительных предложений, частотность лексических единиц и т.д.

Очевидно, что рекламные тексты для женщин и мужчин, при всей общности рекламных приемов и лингвистических стратегий, имеют ряд специфических особенностей, обусловленных действием гендерного фактора.

Прежде всего следует отметить такой формальный количественный показатель, как сам перечень женских и мужских журналов. Среди так называемых глянцевого журналов, в которых реклама занимает значительное место, мужских почти в два раза меньше, чем женских. За этим можно усмотреть один из гендерных стереотипов: для женщин – гляцевые, т.е. «легкомысленные» журналы, для мужчин – серьезная пресса. Количественное преобладание женских журналов и соответственно рекламных текстов можно интерпретировать как проявление одного из гендерных стереотипов.

Что касается гендерно обусловленных собственно лингвистических характеристик рекламных текстов, то мы обнаружили их на разных уровнях анализа, начиная с объема текста и заканчивая словообразовательными особенностями употребляемых лексических единиц.

Объем рекламы может быть различен: от одного слова до текста, содержащего более двух десятков предложений. При этом мужские тексты в среднем длиннее женских. Реклама для женщин тяготеет к краткости, тогда как для мужчин она более подробна и детальна. Реклама, состоящая из одного слова (Chanel; Chance; Dior; Trésor), встречается в четыре раза чаще в женских журналах, чем в мужских. В подавляющем большинстве случаев слово, которым ограничивается рекламный текст, – это название известной торговой марки, или бренд, т.е. знак, за которым стоит многоплановая информация, гарантирующая определенное качество и набор свойств в рекламируемом товаре.

Наглядный пример проявления действия гендерного фактора – реклама духов Givenchy Very Irrésistible в женском и мужском журналах.

Структура рекламного текста одинакова в обоих журналах, однако разница между мужской рекламой *Très intense, très élégant, très vous* и женской рекламой *Très élégante, très spontanée, très vous* создается за счет одного слова, к которому фактически и сводится основная, по мысли авторов рекламы, гендерная оппозиция, релевантная для данного случая: *intense – spontanée*. К этому надо добавить также порядок следования эпитетов, отражающих гендерные приоритеты.

Как справедливо отмечает В.В. Акуличева [Акуличева, 2008], отличительным признаком женской рекламы является совмещение адресанта и адресата. В грамматическом плане это означает, что рекламное высказывание строится от первого лица единственного числа: *J'ai un faible pour les accessoires de bon goût (Canderel)*. Совпадение адресанта и адресата в женской рекламе может проявляться не только в форме первого лица: *Nous participerons au salon prêt-à-porter à Paris (Diego)*, но и в использовании соответствующих притяжательных прилагательных.

Мужской рекламе подобное совмещение адресата и адресанта не свойственно. При всем разнообразии средств выражения совпадение адресанта-рекламиста с адресатом-покупателем (точнее, покупательницей) характерно исключительно для женских журналов, что позволяет считать его гендерно значимой характеристикой женских рекламных текстов.

Гендерно обусловленные различия в рекламных стратегиях проявляются также в следующем. Если сравнить рекламные тексты, построенные в форме императива, с одной стороны, и вопроса – с другой, то оказывается, что в женской рекламе доминирует вопрос, например: *Comment le portez-vous?*, а в мужской рекламе – императив, например: *Habillez-vous pour tenter*. Это различие представляется весьма показательным в плане выявления гендерных стереотипов.

Действие гендерного фактора в рекламе особенно наглядно проявляется в отборе лексики. Мужские и женские рекламные тексты существенно различаются в плане использования лексических единиц.

Различия наблюдаются уже на уровне использования слов определенной части речи. Так, существительные одинаково часто употребляются как в мужской, так и в женской рекламе, при этом превосходя по частотности другие части речи.

В отличие от существительных, другие части речи представлены в женской и мужской рекламе по-разному. Прилагательные, большей ча-

стью оценочные, встречаются более чем в полтора раза чаще в женской рекламе, что можно считать гендерно значимой характеристикой женских рекламных текстов. Можно сказать, что прилагательное, чье категориальное значение – признак, качество, свойство, естественным образом коррелирует с женской эмоциональностью.

Если женская реклама отличается от мужской более высоким удельным весом прилагательного, то в мужской рекламе преобладают глаголы, которых в два раза больше, чем в женской. Это также можно расценивать как гендерно значимую характеристику. С этим лингвистическим фактом вполне согласуется стереотипное представление о мужчинах как носителях преимущественно активного, действующего начала.

Наречие как признаковая часть речи близко по своей категориальной семантике к прилагательному. Это отражается и в относительной частотности наречий в мужской и женской рекламе. В женской рекламе наречия встречаются почти в полтора раза чаще, чем в мужской. Частотность употребления наречий также является релевантной с точки зрения гендерного фактора, подтверждая тот факт, что в женской рекламе в большей степени выражено эмоциональное начало, поскольку наречие, как и прилагательное, относится к классу признаков слов.

Показательна в гендерном отношении частотность употребления отдельных лексических единиц. Так, в классе существительных в женской рекламе наиболее частотными являются слова *beauté* и *résultat*, в мужской рекламе – *soin*. Эти данные, относящиеся к области функциональной лексикологии, являются лингвистическим выражением соответствующих гендерных стереотипов, выраженных частотными словами: для женщины важнее всего красота (*beauté*), причем гарантированная (*résultat*); мужчина не обязательно должен быть красивым, но ухаживать за собой должен (*soin*).

В списке частотных лексических единиц в мужской и женской рекламе выделяется прямое указание на гендерную характеристику адресата: *homme* в мужской рекламе и *femme* в женской. Такая симметрия свидетельствует о сходстве стратегий построения рекламных текстов для женщин и для мужчин: прямое указание на пол адресата – важная часть рекламного текста. Также обращает на себя внимание факт использования в мужской рекламе англицизма *men* (в форме множественного числа) как обращение к мужской аудитории в обобщенной форме, чему

нет симметрии в женской рекламе. В то же время в женской рекламе, в отличие от мужской, довольно часты случаи разнообразного выразительного обозначения женщины, как, например, *diva*, *déesse*, *coquette*, где гендерная характеристика совмещается с оценочной.

Самыми частотными и в мужской, и в женской рекламе являются одни и те же прилагательные – *nouveau*, *premier* и *meilleur*. Наряду с прилагательным *nouveau* значение новизны может передаваться при помощи таких прилагательных, как *neuf*, *innovant*, *révolutionnaire*. Эти данные говорят о том, какие понятия являются ключевыми для характеристики рекламируемого товара, вернее, для построения рекламной стратегии: товар должен характеризоваться как новый (*nouveau*, *premier*) и лучший в своем роде (*meilleur*, *excellent*, *idéal*).

Самый частотный глагол в текстах мужской и женской рекламы – *découvrir*. Это явным образом коррелирует со шкалой частотности прилагательных, где самым частотным является прилагательное *nouveau*. Семантика переходного глагола *découvrir* предполагает наличие в его дополнении семантического компонента «новый». Тот факт, что этот глагол в два с половиной раза чаще встречается в женской рекламе, чем в мужской, так же коррелирует со шкалой частотности прилагательных, где *nouveau* имеет более высокий ранг частотности в женской рекламе, чем в мужской.

Анализ материала в плане соотношения предложений разной синтаксической структуры показал, что и в женском рекламном тексте, и в мужском простые предложения преобладают над сложными. Так, в женской рекламе простых предложений в пять раз больше, чем сложных, в мужской рекламе – почти в четыре раза.

Сравнительный анализ сложных предложений в мужских и женских рекламных текстах позволяет говорить об общем доминировании сложноподчиненных предложений; они составляют больше половины всего корпуса сложных предложений, и их удельный вес в мужской и женской рекламе примерно одинаков. Различается вторая позиция: в женских рекламных текстах – бессоюзные предложения, а в мужских рекламных текстах – сложносочиненные предложения с союзами.

Таким образом, рекламный текст ввиду явной прагматической направленности наглядно демонстрирует действие гендерного фактора. Особенность гендерных характеристик рекламного текста заключается в том, что они обусловлены, прежде всего, фактором адресата (т.е. потенци-

ального покупателя), а не адресанта (т.е. рекламодателя). Эти характеристики представлены языковыми средствами разных уровней.

На основе анализа материала показано, что рекламные тексты для мужчин и для женщин при всей общности рекламных приемов и стратегий имеют ряд специфических особенностей, обусловленных действием гендерного фактора. Приведенные результаты охватывают далеко не полный перечень гендерно значимых характеристик рекламных текстов, но тем не менее показывают, что действие гендерного фактора отчет-

ливо проявляется в разных аспектах рекламного текста.

Литература

3. Акуличева В. В. Гендерные характеристики рекламного текста: на материале французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

4. Кирилина А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 4. – С. 138–143.

Шангаева Надежда Константиновна – канд. социол. наук, доцент кафедры немецкого и французского языков БГУ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: chnadejda@rambler.ru

Shangaeva Nadezhda Konstantinovna, cand. of sociology science, Assistant Professor in the department of German and French, BSU, 670000 Ulan-Ude, Smolin str. 24a. E-mail: chnadejda@rambler.ru

УДК 81 (075.8)

© **Е.О. Хундаева**

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В БУРЯТСКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

В силу лексических, грамматических и стилистических различий между бурятским и английским языками перевод с одного языка на другой требует использования разнообразных переводческих техник и приемов. В данной статье рассматриваются морфологические, синтаксические, семантические, стилистические, смешанные преобразования.

Ключевые слова: транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция (смысловое развитие).

E.O. Hundaeva

LEXICAL AND LEXICAL-SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN BURYAT-ENGLISH TRANSLATION

There are lexical, grammar and stylistic differences between the Buryat and English languages, therefore when translating from Buryat to English various translating techniques are to be used in order to achieve adequacy. Different kinds of changes and substitutions have been made, such as morphological, syntactical, semantic, stylistic and mixed ones. Additions, omissions, change of order of words have been made too. Lexical and semantic transformations are considered.

Keywords: transliteration, loan translation (calque), concretization and generalization, modulation.

Рассмотрены переводческие преобразования, использованные при переводе на английский язык эпического произведения «Абай Гэсэр хүүбүн», записанного от сказителя Маншуда Имегенова известным собирателем-фольклористом Ц.Ж. Жамцарано в 1906 г., опубликованного вместе с переводом на русский язык, комментарием и статьями в 1995 году в Москве. Сделан анализ лексических, лексико-семантических приемов перевода. Начнем с транслитерирования имен собственных: Малзан

Гурмэн – Malzan Gurmen, Дашин Шөөхөр – Dashin Shokhor, Заяан Саган-Зарлиг Саган – Zarlig Sagan. Остановимся на примерах калькирования и русизмах: Бүүд (строка 2 286) – пуд (ст. 2 288) – pood (с. 2 288) (16.38 kg), сүүдхэ (3 398) – сутки (3 398) – day and night (3 398), бээжиин (3 563) – печь (3 566) – stove (3 566), шумдаан (4 223) – сундук (4 223) – chest (4 224), сажин (4 315) – сажень (4 315) – sazhen' (4 315), үйлэнсүй (3 705) – улица (3 705) – street (3705).

В переводе использованы лексико-семантические трансформации, например, конкретизация и генерализация.

Хухай эштэй ташуури Бүүргэдээ хударба (1 324–1 325) – Плеть (кнут) с ивовой рукоятью Привесил к луке [седла] [1 324–1 325) – The knout with a willow handle He hang from the pommel [1 324–1 325). «Лука седла» имеет два эквивалента на английском языке: a cantle (передняя лука седла) и a pommel (задняя лука седла). При переводе выбран вариант a cantle, т.е. произведена конкретизация, чтобы показать, что герой привесил плетью именно к передней луке седла.

Үйхэн маһа ошоройш [4 926] – Мимо лети [4 926] – Fly past [without hitting] [4 926). Обще-значный глагол ошохо (уйти, уехать) заменен глаголом с конкретным значением fly (летать) (fly past – лететь мимо), то есть слово с родовым значением заменено словом с видовым значением.

Гальалжа орхибол [3 502] – И [обоих] сожгли [3 502] – And burned [them both] (3 502). Здесь конкретизировано, что сожгли их обоих, то есть Галхан Нурмана и его коня, так как такова была традиция: уничтожали не только побежденного врага, но и его коня.

Бозоео ехээ уулгажа Буруу ехээ харуулаба! (2 001–2 002) – [Всех] вас заставляет Подолгу пасти телят, А поит вдоволь лишь бардою! (2 000–2 002) – Giving you that mash too much Makes you pasture calves too long! (2 000–2 002). Используются лексические замены: уулгажа (гипоним) – giving (гипероним); харуулаба (гипероним) – makes you pasture (гипоним). Существуют лексические соответствия, такие как межъязыковые гипонимия (гипоним – от греч. *hipo* – под, внизу и *опута* – имя) и гиперонимия (гипероним от греч. *hiper* – над, сверх и *опута* – имя). Это – термины для обозначения родовидовых (или видо-родовых) семантических отношений. Слово с родовым значением можно назвать гиперонимом, с видовым – гипонимом. При переводе с одного языка на другой гипоним можно заменить гиперонимом. В бурятском языке распространены парные слова, образованные на основе гипонимии, например: адуу мал – домашний скот. Эти парные слова объединены на основе гипонимических отношений, адуу означает кони, лошади; мал – крупный рогатый скот, то есть адуу и мал – это видовые обозначения. В английском языке часто используются в качестве сказуемого такие широкозначные глаголы как be, have, get, take, give, make, do, come, go. При переводе на русский язык и иногда на

бурятский предпочтительнее использовать глаголы, обозначающие конкретные частные понятия: There is some boy on the porch – На крыльце сидит какой-то мальчик – Гэшхүүр дээрэ ямар нэгэн хүбүүн нууна. Английскому широкозначному глаголу is – *находиться* в русском и бурятском высказываниях соответствуют глаголы *сидит и нууна*, имеющие более узкое конкретное значение. Слова с видовым значением по отношению друг к другу можно назвать для краткости эквонимами. Например, «сын» и «дочь» по отношению к слову «ребенок» являются гипонимами, а «ребенок» по отношению к ним их гиперонимом, «сын» и «дочь» по отношению друг к другу – эквонимы или эквонимические слова. Во многих языках такие слова как, например, внук, внучка, внуки в русском языке; grandson, granddaughter, grandchildren в английском языке означают потомков как со стороны отца, так и матери. В бурятском языке обозначения таких родственников со стороны матери отличаются от таковых со стороны отца, а именно, «зээ» – это «внук, внучка» по материнской линии, «зээ хүбүүн» – внук от дочери, племянник по сестре; аша – внук, внучка по отцовской линии, аша басаган – внучка от сына, племянница по брату; аша хүбүүн – внук по отцовской линии, племянник по брату. В бурятском языке отсутствует гипероним *родители*, выраженный одним словом, бытует собирательное понятие аба эжы, эжы аба, составленное гипонимами *аба – отец и эжи – мать*, представитель двух отдельных родов. С гиперонимом *нагаса* связаны обозначения родственников по материнской линии: *нагаса аба* – дедушка (по матери), *нагаса ахай* – брат матери, дядя по материнской линии; *нагаса эжи* – бабушка по матери; *нагаса абгай* – сестра матери, тетя. По отцовской линии дедушка обозначается как *хүгшэн аба*, бабушка как *хүгшэн эжи*, дядя или брат отца как абга, тетя по отцу как *абга эгшээ* (у восточных и унгинских бурят) или *абга эзы* (у западных, кабанских бурят).

Далее остановимся на следующей трансформации, а именно модуляции, которую можно иначе назвать смысловым развитием или целостным преобразованием.

Тэрэ хани дайхам – Тэрэ хани юумэмни Хайша ошхо бэлэй? (126-128) – Как же быть мне [теперь] с этой битвой моей – с этим делом моим? (126-127) – So what am I to do About the fight, About this affair of mine? (126-127). Выражение Хайша ошхо бэлэй? дословно означающее «Куда идти теперь?» фактически подразумевает «Что же теперь делать? Как быть с ...?».

На английский язык оно переведено *So what am I to do?* (Что же мне делать? Что теперь я должен делать?)

Нуран суран байбал даа (5082; 330) – Стал спрашивать-расспрашивать [Гэсэр] – (5082; 330) – *kept asking* [Geser] – (5082; 330). нуран суран – парное выражение, означающее повторяющееся, неоднократное действие, на английском языке оно передано герундиальным оборотом *keep Ving*, а именно *kept asking*, которое также означает повторяющееся действие, то есть произведено целостное преобразование. Далее следуют лексико-семантические соответствия.

Хүнжүл (113) – одеяло (113) – *fur blanket* (113). При переводе добавлено слово *fur* – меховое, чтобы можно было отличить от тонкого суконного, шерстяного или стеганого одеяла. На это наводят слова *мягкое, как печень*, такое одеяло шили из меха соболя, из овчины.

Амитан, амида (548,549) – негодник (негодный) (548, 549) – *creature* (548, 549). Бурятское *амитан* означает *животное, существо*, но можно его понимать и как *создание, творение* с несколько отрицательным оттенком значения. Английское *creature* в некоторых контекстах также может приобретать уничижительное значение.

Ямар бэрхэ хүндэ лэ Хабшагдажа хаагдажа ла ябахан Хүүхэн эндэ байбаш? (3 907–3 909) – Не потому ль и стоишь ты здесь, [Как] запуганный и загнанный Каким-то опасным противником? [3 907–3 909) – *By whom quite so tough Are you here Cracked down and pressed on?* [3 907–3 909). Выражение Ямар бэрхэ хүндэ лэ ... переведено как *By whom quite so tough ...* – кем таким приткым и ловким ... *Бэрхэ* чаще обозначает положительное качество (опытный, умелый, искусный, способный, лучший), но здесь по контексту требуется его коннотат с ироничным в некоторой степени смыслом, а именно *приткий, жесткий, крутой*. Добавлены слова *quite so* для ритмизации и благозвучия. Выражение Хабшагдажа хаагдажа ... переведено *cracked down on and pressed on ...* – притесняем и зажат (загнан). *Cracked down on* в разговорном стиле означает *притеснять* [Черемисов, 1978, с. 555].

Али голой үлгэни бэдхэбши? (4 440) – Из какой [ты] долины, сморчок? [4440) – *What valley are you from, small big pot?* (4 440) Слово бэдхэ имеет значения: 1) желвак, шишка, опухоль; 2) недуг, болезнь; хара бэдхэ (фолькл.) – беда, напасть (БРС, 1973, с. 129). При переводе на английский язык выбрано слово *pot* (шишка). *Big pot* переводится как важный человек (Ср.

русс. шишка на ровном месте). Чтобы придать этому сочетанию иронический смысл, добавлено слово *small*, в результате чего получилось «важный человечек», «важная шишечка».

Огторгой минган саган бурхан (274) – Тысяча светлых небесных бурханов (275) – *The thousand fair celestial burkhans* (275). Слово *саган* (белый) переведено как *fair* (светлый, чистый, незапятнанный, ясный), что соответствует смыслу этого слова в данном лексическом окружении.

Дархигтуйн далан улаан түгсэг гээшэ (3 084) – Семьдесят могучих пней в буреломном лесу (3 084) – *Seventy big unshaken stumps in the fallen land* (3084). Слово «улаан», понимаемое в данном случае как «могучий, огромный, нерасшатываемый» переведено «*big*» (огромный), «*unshaken*» (нерасшатываемый; который трудно расшатать). Слово «далан» (семьдесят), означающее здесь «множество», оставлено без изменений (*seventy*), чтобы сохранить художественную образность.

Абай Гэсэр хүбүүн (3 116) – Абай Гэсэр Могучий (3 116) – *Abai Geser the Mighty* (3 116). «Абай» переводится как «батюшка, матушка, милый, почтенный» [Черемисов, 1973, с. 19]. Это уважительная форма обращения. Происхождение имени «Гэсэр» трактуется исследователями по-разному (См. Ц. Дамдинсурен, М.П. Хомонов, С.Ш. Чагдууров, Л.Ц. Санжеева и др.). Слово «хүбүүн» имеет много значений, например, сын, мальчик, парень, молодой человек, храбрец, удалец, предводитель и др. Д.А. Бурчина и А.Б. Соктоев в «Комментариях» к переводу эпоса «Абай Гэсэр Хүбүүн» на русский язык пишут: «В тех случаях, когда в эпосе речь идет о Гэсэре в младенческом возрасте, мы переводим слово «хүбүүн» как «дитя» или «мальш». Когда он мужает и превращается в могучего исполина-богатыря (по народным представлениям, Гэсэр – сильнейший среди всех богатырей бурятского эпоса), слово «хүбүүн» обретает дополнительный смысловой оттенок, дающий право переводить его как «могучий»: «Абай Гэсэр Могучий». Поскольку в публикуемом варианте М. Имегенова главный герой Гэсэр – не хан и не тэнгри [см. примеч. 8, 15], а сын тэнгрия и не просто богатырь, но и единственный в своем роде могучий герой, то «хүбүүн» в составе имени определяет также превосходные качества героя» [Комментарии к переводу // Абай Гэсэр хүбүүн, 1995. – С. 424]. Исходя из этого, «хүбүүн» переведено на английский язык как «*mighty*» – «могучий».

Хубсалахан биеэрээ (4794) – Оделся [Гэсэр] (4794) – *After [he] put on his clothes* (4794). Гла-

голу «хубсалаха» (одеваться) соответствует английское «put on», которое переводится как «надевать», но состоит из двух составляющих, а именно глагола «put» (класть, положить) и послелога «on» (на), поэтому обязательно требует после себя дополнения, как, например, *одежда, пальто, шапка* и т.д., то есть глаголу хубсалаха (одеваться), выраженному одним словом, соответствует многокомпонентное сочетание «to put on clothes (a coat, a hat, etc.)».

Бурхидуулан орхихохоньям (3066) – Опоганят они (3065) – They will get [them] fouled, won't they? (3065). Бурхидуулха (от бурхидаха – осквернять) переведено глаголом foul (осквернять, загрязнять) или, если быть точным, сочетанием get fouled – осквернить, так как в оригинале после глагола бурхидуулан следует слово орхихо (оставлять) в соответствующей форме, которое в данном случае означает завершенность, полноту действия. Халуу нугудаа ... (3340) – на родные луга (3341) – Into my native meadows (3341). *Халу* имеет словарное значение

«горячий, жаркий», но в данном случае оно имеет переносное значение «родной, свой».

Итак, мы рассмотрели лексические и лексико-семантические преобразования, к которым относятся транслитерация и калькирование, конкретизация и генерализация, модуляция или смысловое развитие.

Источник

Абай Гэсэр Хүбүүн. Ульгэр. Абай Гэсэр Могуций. Бурятский героический эпос. М.: Восточная литература, 1995. – 526 с.: ил. Эпос народов Евразии.

Литература

1. Хундаев В. Ю. Переводческие трансформации. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. – 122 с.

Словари

1. Черемисов К. М. Буряад-ород словарь – Бурятско-русский словарь. – М., 1973. – 803 с.

2. The Random House Dictionary of the English Language. College Edition. Reprint, 1975. – 1568 с.

3. Webster's New World Dictionary. Second Concise Edition. Reprint, 1975. – 882 с.

Хундаева Елизавета Очировна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, email: hundaeva@mail.ru

Khundaeva Elizaveta Ochirovna – Doctor of Philology, Head of Foreign Languages Chair of the Institute of Mongol studying, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 670047, Ulan-Ude, 6, Sakhyanova Str., email: hundaeva@mail.ru

УДК 81 (075.8)

© **Е.О. Хундаева**

ПОЭТИКА И СТИЛЬ: ОСОБЕННОСТИ БУРЯТСКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассмотрены сложные проблемы перевода с бурятского языка на русский, в частности, перевод парных слов, повторов, каузативов. Также исследованы оноματοпоэтические и фоноэстетические слова. Обсуждаются парадигматические и синтагматические отношения и метод системного анализа и классификации.

Ключевые слова: каузативы, звукоподражательные и звукоизобразительные слова, фонэстетизмы, парадигматико-синтагматические отношения.

E.O. Hundaeva

POETICS AND STYLE: PECULIARITIES OF BURYAT-ENGLISH TRANSLATION

Some intricate problems of the Buryat-English translation are considered, particularly the translation of paired words, repetitions, causatives. Onomatopoeical words, i. e. the use of imitative and naturally suggestive words for rhetoric effect are also given attention to as well as phonaesthetic words. Paradigmatic and syntagmatic interrelationship is under review. The method for system analysis and classification has been discussed.

Keywords: causatives, onomatopoeical, phonaesthetical words, paradigmatic and syntagmatic interrelationship.

В современных условиях глобализации культур актуальным представляется перевод бурятского эпоса о Гэсэре на иностранные языки, включая английский. В основном, существуют несколько кратких англоязычных пересказов «Гэсэриады». На английский язык был переведен сводный вариант «Гэсэриады», составленный Н. Балдано «Абай Гэсэр хубуун» [1969]. Он отличается блестящим языком, изящным слогом. Правда, мы не можем сказать, был ли перевод завершен. Перевод осуществлен американской исследовательницей Э.Дж. Стюарт, но пока текст перевода не опубликован. Поскольку автор перевода использовала не аутентичный текст, и, тем более опиралась на стиховую метрику, принятую в произведениях В. Шекспира, то, по мнению фольклористов, данный перевод не может быть назван фольклористическим переводом, тем более, что он базируется на литературно обработанном источнике, а не чисто фольклорном произведении. Между тем, в личной беседе Э.Дж. Стюарт признавала, что английский перевод Гэсэриады очень востребован в силу расширяющихся международных связей, интенсификации научного обмена, а также по причине того, что бурятский эпос – это одно из непревзойденных по своим поэтическим качествам монументальных произведений мировой словесности.

В монографии Л.Ц. Санжеевой «Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля», вышедшей в свет в этом году, даны некоторые лексико-семантические и структурно-семантические бурятско-русско-английские параллели. Исследование было проведено на основе бурятского эпоса «Абай Гэсэр Богдо хан», которое известно как «альфоровский» вариант и было распространено в Прибайкалье среди молькинских бурят. В силу универсальности некоторых средств образности (синонимии, антонимии) или, напротив, отсутствия таковых в английском языке (богатство парадигматико-синтагматических явлений в бурятском эпосе, отсутствующих в европейских языках), английские эквиваленты привлекались лишь в тех случаях, когда наблюдались сходные явления, обладающие в то же время своими индивидуальными чертами.

Исследователи выделяют парные слова, состоящие из знаменательных слов, незнаменательных слов, формализованных компонентов. К этому можно добавить некоторые уточнения и дополнения, сделанные Л.Ц. Санжеевой в результате проведенного анализа. Автор анализируемой монографии использовала лексико-семантический критерий для выведения сужде-

ния о наличии самостоятельного лексического значения в парных словах. Были выделены три группы парных слов: парные слова, в которых оба компонента обладают самостоятельным лексическим значением; парные слова, в которых второй компонент не имеет самостоятельного лексического значения, в силу чего вне парного слова не употребляется; парные слова, в которых оба компонента не имеют самостоятельного значения, поэтому употребляются вместе как парные слова. В основе этих групп парных слов обнаруживаются синонимичные, антонимичные и ассоциативные отношения. Сюда можно отнести парные слова на основе гипонимических отношений, традиционно сложившиеся парные слова, использование в них усилительных элементов. Основное внимание сосредоточено на бурятских парных словах из текста Гэсэриады. Для сравнения и углубления теоретического анализа рассмотрены некоторые примеры английских парных слов. *Chit-chat* – легкая, светская беседа. *Chit* – ребенок, молодой человек, девочка; *chat* – разговор, болтовня, чат. Оба слова обладают самостоятельным лексическим значением. Первое слово усиливает значение второго. Парные слова *chock-a-block* образованы, по всей вероятности, на основе синонимии, оба слова означают блок, блокирование. Общий элемент смысла – зажатый, переполненный, стиснутый (ср. *chock-full*, *chuck-full*, *choke-full*, произошло от средне-английского *chokke-fulle* = *chokke* (<?) + *fulle*). *Tip-top* – это выражение, означающее *высшую степень, высшее качество*. *Tip* означает кончик, острие; легкий удар; чаевые, *top* – вершина. Парное выражение возникло на ассоциативной основе. *Tip-toe* означает *ходить на кончиках пальцев*, как балерина или ходить осторожно, чтобы не вызвать шума; произошло от *tip* – кончик и *toe* – палец ноги. Образование парного выражения обусловлено ассоциативной соотнесенностью.

В парных словах *jig saw* (*пила*) первый элемент означает живой, быстрый танец или музыку, резкие движения, но можно предположить, что он имитирует звук, напоминающий русское *вжик-вжик*. Это сочетание в некоторой степени связано со словами *zig-zag* (зигзаг) и *zig-zagger* (приспособление на швейной машине, с помощью которого можно сделать зигзагообразный шов). Первый элемент основан на кинеме, вербальном изображении движения, то есть резких, быстрых движений, иногда зигзагообразных.

Приведенных пар слов вполне достаточно, чтобы составить суждение о характере англий-

ских парных слов и в теоретическом плане сопоставить их с бурятскими.

В эпическом сюжете улигера повтор выступает и как средство композиционного членения текста, и как обрамляющий компонент повествования, и как средство выделения ключевого слова в художественном повествовании. Л.Ц. Санжеева рассмотрела английские повторы с тем, чтобы сопоставить теоретические аспекты их типологии, сравнить виды проведенной классификации. *Chin-chin* – повтор, означающий церемониальную речь, или употребляемый при приветствии или прощании. Этими словами сопровождается тост за чье-либо здоровье. В одном из диалектов китайского языка означает *please – please / пожалуйста-пожалуйста*, происходит от кит. *ch'ing-ch'ing*. Повтор *chow-chow* означает консервированную смесь из разных фруктов или других пищевых ингредиентов. *Chowder* – блюдо, похожее на уху или суп из моллюсков или рыбы и разных овощей. *Chow mein* – блюдо из грибов, овощей с креветками, курицей, с добавлением жареной лапши. Произошло от китайского слова, означающего *fried dough* – жареное тесто.

Повтор *hush-hush* переводится на русский язык *тише-тише* или *секретно*, основан на принципе звукового изображения побуждения к тишине. Повтор *ha-ha* – междометие, восклицание, означающее смех. Это также оноματοпоэтическое слово, показывающее изумленный отклик, реакцию, *ha-ha* означает также восклицание, выражающее удивление. *Bla-bla* означает имитацию разговора, как в русском языке ля-ля или тра-ля-ля, повтор основан на звукоизображении. *Hiss-hiss* – звукоизображение шипения, свиста или звука, издаваемого змеей. *Boom-boom* – имитация звука гулко падения чего-либо. *Cuckoo-cuckoo* – имитация звука, издаваемого кукушкой. *Bang-bang* – имитация звука, получающегося при взрыве. Ср. *Big bang* – большой взрыв, в результате которого якобы образовалась Земля.

Анализ вышеприведенных английских повторов позволил Л.Ц. Санжеевой сделать вывод, что английские повторы основываются на имитации, звукоизображении или звукоподражании, выражают эмоции, побуждение или являются заимствованными словами.

Особое место в эпическом тексте занимает явление каузативности, а также его вербальное воплощение в языке и поэтике бурятского эпоса о Гэсэре. В монографии Л.Ц. Санжеевой даны переводы каузативов на английский язык и соответствующий комментарий.

В английском языке существуют глаголы побуждения к действию (*verbs of causation and initiation*), например:

to allow – дать возможность, позволить, допустить;

to cause – быть причиной, побудить;

to enable – сделать способным, позволить;

to force – принуждать, заставить;

to get – получать желаемое, добиваться;

to have – иметь желаемое, добиться;

to make – сделать так, чтобы ...; заставить;

to permit – дать возможность, разрешить, позволить;

to require – побуждать к действию (требовать, чтобы ...);

to want – хотеть, чтобы ...

Каузативные глаголы наряду с глаголами умственно-чувственного восприятия и оценки являются предвестником комплекса «сложное дополнение» (*Complex Object*). Значение комплекса «существительное + инфинитив» определяется значением предшествующего этому комплексу глагола. После глаголов умственного и чувственного восприятия и оценки этот комплекс эквивалентен придаточному дополнительному, присоединяемому союзами *что* и *как*, а после глаголов побуждения к действию возможно либо сохранение структуры английского предложения, либо использование придаточного цели, вводимого союзом *чтобы*. Например: *They get the project (to be) supported.* – Они добиваются того, чтобы проект был поддержан. *They made them come.* – Они заставили их приехать. Понятие каузативности в поэтике эпоса, как явствует из исследования Л.Ц. Санжеевой, выражает причинно-следственные отношения в сюжетике произведения, когда одно действие становится причиной возникновения другого действия или состояния или когда осуществляется воздействие одного персонажа на другого или действие одного явления, состояния на возникновение иного явления, состояния. Проникновение в суть языковых проявлений помогает осмыслить некоторые сложные вопросы взаимоотношений между людьми, природными явлениями и объектами, которыми изобилует поэтика бурятского эпоса о Гэсэре.

Из приведенного выше исследования следует, что между бурятскими каузативами, с одной стороны, и русскими и английскими каузативами, с другой, наблюдаются большие различия. Бурятский каузатив состоит из одного слова (включая соответствующий суффикс), русский каузативный комплекс состоит из двух, а английский – из большего количества элементов. В

этом состоит одно из отличий бурятского каузатива от русского и английского. Подобные специальные каузативные суффиксы в русском и английском языках отсутствуют, существуют каузативные слова.

Выявлены звукоизобразительные слова. Например: Шууян шааян байба ла (с. 20, 37, 40, 71, 209, 210, 316, 325, 350, 502, 508) (hue and cry). Шууян шэнжэн оробо ло (с. 20); Ши юушье мэ-дэнэбэйш (с. 20). В трех вышеприведенных строках ‘обыгрывается’ звук ‘ш’, дающий шумовой эффект или неприятие чего- или кого-либо. Ёолон ёгшон хэбтэбэ лэ (с. 73, 348). Два первых слова звукоизображают болевые ощущения, стон и жалобу (ouch). Гууы, гууы, гууы! – гэжэ // Хуугайдан хашхаран абаба ла (с. 340) (halloo, hi). Первое слово, трижды повторенное, звукоизображает выкрики, ауканье, подзывание. К этому выводу Л.Ц. Санжеева пришла, исходя из контекста, а также из того факта, что в тункинском говоре есть слово *гуугалха*, означающее кричать, подзывать, громко звать, кликать, аукать. В английском языке шумовой эффект передается другими сочетаниями звуков и слов: hubbab, hullabalo, murmur, rustle, buzz, hue and cry.

Л.Ц. Санжеева пишет, что эпос изобилует так называемыми фонэстетическими словами и выражениями, внешнее оформление которых сигнализирует об их значении. Сочетания определенных звуков дают представление об общем элементе смысла слов, объединенных определенной последовательностью фонем. В рассматриваемом эпосе много фонэстетических слов и выражений. Сочетания определенных звуков помогают понять общий элемент смысла слов с определенной последовательностью фонем. Например, слова нахиима (sagging), хотойма (swaying). С ними по смыслу связан также и ряд других слов. Показано, что даже без помощи словаря можно догадаться об их значении, в этом помогает принцип фонэстетики. Фрагмент *Нахиима найр дууһажа, // Хотойма хатар захаджа* можно перевести следующим образом: Закончив богатый [такой, что столы прогибались под тяжестью яств] пир, начали плавно и ритмично танцевать. Таких слов много в улигере: таһара (tearing off), хаһара хухара (breaking up), хуха (хухара) (cracking up), нахид или нахид-нахид гэхэ (swaying), хэхэс (rolling up), хотогод гэсэрэн (bending up), хам (up, all of a sudden), нахис нахис (sagging), залд байсаран (залд гүүлэхэ) (all of a sudden), тус байсаран дуугаража (roaring), лажаганасаран (roar with laughter), тажаганаха (run to and fro) и др.

Автором монографии выявлены звукоизобразительные слова. Например: Шууян шааян байба ла (с. 20, 37, 40, 71, 209, 210, 316, 325, 350, 502, 508) (hue and cry). Шууян шэнжэн оробо ло (с. 20); Ши юушье мэ-дэнэбэйш (с. 20). В трех вышеприведенных строках ‘обыгрывается’ звук ‘ш’, дающий шумовой эффект или неприятие чего- или кого-либо. Ёолон ёгшон хэбтэбэ лэ (с. 73, 348). Два первых слова звукоизображают болевые ощущения, стон и жалобу (ouch). Гууы, гууы, гууы! – гэжэ // Хуугайдан хашхаран абаба ла (с. 340) (halloo, hi). Первое слово, трижды повторенное, звукоизображает выкрики, ауканье, подзывание. *Һорд гэхээр амин, һохос гэхээр үһэн үлэжэ* (с. 501); *Сэрэг суур хоёрын һорд гэхээр амин, һохос гэхээр үһэн үлэнбэй*, Баран хороогдобо, алуулба ла (с. 347, 430, 496, 501, 502). Согласно словарю (Черемисов), *һорд* имеет такое же значение, как *һард*, означающее звукоподражание мгновенному шороху, небольшому шуму (rustle). Например: *һард гээд үгы болошохо* – вдруг исчезнуть, прошмыгнуть (sneak out); *һардшые гэхэ абяа гаргангүй* – без всякого шороха, бесшумно (hush-hush); *һард гэжэ нии-дэхэ* – летать, издавая шорох (о сороке) (rustle); *һард байса һууриһаа бодоод гаршаба* – он вдруг вскочил со своего места и вышел (spring up), *һард бодохо* – вскочить (leap up, spring up); *һард гүйхэ* – броситься опрометью, выпорхнуть (headlong). Можно перевести эту фразу следующим образом: *һорд гэхээр амин... үлэжэ* – Остался лишь последний вздох, который можно испустить со звуком ‘хорд’. *Һорд* – это звукоподражательное слово, имитирующее звук, издаваемый при испускании последнего вздоха (breathe one’s last).

«*Һохос*» является имитацией звука, издаваемого при резком выдергивании волоса. В словарях это слово не зафиксировано. Ии-итыты, ии-тыты! [Ай-тыты, ай-тыты! (с. 508)] *Ямар хүйтээр үлээнэб!* (с. 444). Ии-и-тыты, ии-тыты! Ай-тыты, ай-тыты! – звуки, издаваемые замерзшим человеком. *Даб гэхээр (сразу)* (all of a sudden), *тус гэхээр* (со стуком и шумом) (with clatter and clamour), *Маамар-маамар* (мусоля беззубым ртом) (mumble).

Также выявлены звукоподражательные слова.

Ган-гун – имитация звуков, издаваемых при езде на коне (clank, rattle). *һаб-һэб* – имитация звуков, издаваемых дуновением ветра (rustle). *Холд-хулд* – имитация звука, издаваемого человеком, когда он пьет какую-либо жидкость (gurgle). *Нир-нир* – имитация звука, издаваемого человеком, когда он брызгает ртом, поперхнулся

или подавился слюной (spit and sputter). Хон – имитация звука, когда выпитая жидкость булькает в горле (gurgle); ян – имитация звука при булькании жидкости в желудке (gurgle). Тад – звукоподражание, выражающее стук, грохот (clash and crash). Соб – звук при вдевании ноги в стремя при посадке на коня, когда всадник слегка подпрыгивает при этом (leap, bob). Гүүлд-гүүлд – имитация звука при питье воды, аналогичное русскому ‘бульк-бульк’ (gurgle). Ган – звук, издаваемый собакой (имитация лая) (yelp). Эбэр-абар – звукоизображение разговора. Эбэр [губэр] шэбэр – звукоподражание разговору, перешептыванию (bla-bla, blah-blah). Гүбэд – звукоподражание, имитирующее бормотание, бурчание про себя (mumble). Нир-нир – имитация кашля (cough-cough). Хаар-баар – изображение звуков, издаваемых некоторыми птицами (croak-croak).

Анализ показал богатство бурятского языка выразительными фонэстетическими словами, их было трудно переводить на английский язык, так как на уровне таких имитационных звукосочетаний это было практически невозможно из-за отсутствия некоторых из них на английском языке, приходилось обходиться полными глаголами и причастиями или существительными. Использованный подход особенно эффективен, если слово не зарегистрировано в словарях или контекстуальное значение и коннотат также не отражены, или некоторые значения не указаны и полностью отсутствуют в словаре.

В английском языке есть каузативные отношения, близкие к бурятским. Поэтому для адекватного теоретического осмысления этого явления автор сочла возможным привлечь английские каузативы. Каузативы своеобразны в морфологическом отношении и значительно отличаются от подобных глаголов в других языках, например, в русском. Для более глубокого осмысления этого явления и выведения правильного заключения относительно передачи их значения Л.Ц. Санжеева обратилась к английским

глаголам побуждения к действию. Между бурятскими каузативами, с одной стороны, и русскими и английскими каузативами, с другой, наблюдаются большие различия, в основном, в плане их структуры и частотности употребления, что объясняется различиями в системе данных языков. Специальные каузативные суффиксы в русском и английском языках отсутствуют, в то время как в бурятском языке таких суффиксов много.

В эпосе много фонэстетических слов и выражений. Сочетания определенных звуков помогают понять общий элемент смысла слов с определенной последовательностью фонем. Выявлены звукоизобразительные и звукоподражательные слова. Показано, как можно установить значение слов по методике, разработанной в данной работе. Специальному исследованию подвергнуты средства поэтического синтаксиса – парадигматико-синтагматические отношения. В исследуемом произведении встречаются отрезки высказываний, где нарушаются традиционные для европейской парадигматики и синтагматики правила. Это связано с особенностями бурятского языка. В монографии Л.Ц. Санжеевой, посвященной и многим другим вопросам, не освещенным в этой статье, сделаны очень важные выводы, проливающие свет на сложнейшие вопросы поэтики текста. Исследование было выполнено на базе источника, который мало изучен и не переведен на другие языки, включая английский. Проведенное ею исследование является значимым вкладом в фольклористическую и лингвистическую науку.

Источник

Абай Гэсэр Богдо хан. Бурядай морин үльгэр. Улан-Удэ, 1995. – 525 с.

Литература

Санжеева Л. Ц. Бурятский эпос: проблемы поэтики и стилия. Улан-Удэ, 2011. – 238 с.

Хундаева Елизавета Очировна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой 6, email: hundaeva@mail.ru

Khundaeva Elizaveta Ochirovna – Doctor of Philology, Head of Foreign Languages Chair of the Institute of Mongol studying, Buddology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 670047, Ulan-Ude, 6 Sakhyanova Str., email: hundaeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА БУРЯТСКОГО ЭПОСА «ГЭСЭР»

Кратко рассмотрены переводческие преобразования в тексте английского перевода бурятского эпоса о Гэсэре, а именно лексические – транслитерация, калькирование; лексико-семантические – конкретизация и генерализация, модуляция, лексико-семантические соответствия; грамматические – синтаксическое уподобление, членение и объединение, грамматические замены; лексико-грамматические – антонимический перевод, экспликация, компенсация.

Ключевые слова: лексические, лексико-семантические, грамматические и лексико-грамматические трансформации.

E.O. Khundaeva

BASIC FEATURES OF ENGLISH TRANSLATION OF BURYAT EPIC OF GESER

Some intricate problems of the Buryat-English translation are considered, particularly the translation of paired words, repetitions, causatives. Onomatopoeical words, i. e. the use of imitative and naturally suggestive words for rhetoric effect are also given attention to as well as phonaesthetic words. Paradigmatic and syntagmatic interrelationship is under review. The method for system analysis and classification has been discussed.

Keywords: lexical, lexical and semantical, grammar, lexical and grammar transformations.

One of the published variants of the Buryat epic of Geser, namely «Abai Geser qubuun» written down from rhapsode Manshud Imegenov by Tsyben Zhamtsarano has been recently translated to the English language. There are lexical, grammar and stylistic differences in the two languages, therefore various translating methods have been used to achieve adequacy. Different kinds of changes and substitutions were made use of such as morphological, syntactical, semantical, stylistic and mixed ones. Additions, omissions, change of order of words were made when translating. There are different kinds of translation but this might be taken as adequate translation for an attempt was made at preserving all the peculiarities and the originality of the work. It is far from being a poetical translation. It is rather an interlinear one. Though it might be not quite to the point to take it as word-for-word translation for it was certainly hard to keep close to the original. This seems to be quite natural due to the lack of similarity between Buryat and English. Owing to this fact still more specific transformations were used, namely lexical ones involving transliteration, loan translation or calque; lexical-semantic changes involving concretization, generalization, modulation; grammar transformations, namely syntactical likening or in other words literal or word-for-word translation, breaking sentences in two or more, uniting sentences in one, grammatical changes of the forms of words, parts of speech; mixed types of lexical and grammar transformations, in particular,

antonymic translation, explication or descriptive translation, compensation, etc. Translating transformations are the means of translation which can be used when there is no full correspondence or when equivalents are not quite adequate contextually. No matter how different the two languages might be in syntax, style and vocabulary, still there are many ways of transmitting the essence and the meaning. Various kinds of transformations have been used at a time, they have been combined in many cases. In order to apply translating techniques correctly one should have a good command of the original and translating languages and which is still more important one should be well aware of cultural differences and be able to overcome difficulties in this respect and provide commentaries needed.

Used most frequently were grammar transformations which involved the change of structure, use of syntactical constructions inherent in English but lacking in Buryat like infinitive, participle and gerundial constructions. Mentioned here might also be replacing a word with a sentence or adequate translating of peculiar Buryat suffixes and endings by use of corresponding words. Frequent also are text-connecting elements, elements of secondary nomination, inversion, nominalization, adjectivization. Quite specific was the translation of structures exhibiting paradigmatic and syntagmatic relations. No less sophisticated was the work with hyperonyms and hyponyms as well as the phenomenon of converseness or relational

opposition and metonymic substitutions when cause and effect change places. Naturally a lot other substitutions have been made due to great differences between the two cultures and languages. The process of translating was no doubt very intricate and exciting. At any rate the translation might be of great help if an attempt is going to be

made at a poetical translation of the Buryat epic in English some day in future.

Источник

Абай Гэсэр Богдо хан. Бурядай морин үльгэр. – Улан-Удэ, 1995. – 525 с.

Хундаева Елизавета Очировна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой 6, email: hundaeva@mail.ru

Khundaeva Elizaveta Ochirovna – Doctor of Philology, Head of Foreign Languages Chair of the Institute of Mongol studying, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 670047, Ulan-Ude, 6 Sakhyanova Str., email: hundaeva@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Атлас И.А. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ.....	3
Бабушкина Е.А. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ: ФОНЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	7
Бабушкина Е.А. ПРОСОДИЯ ДИКТОРСКОЙ РЕЧИ.....	11
Балдынова А.А. МОДЕЛЬ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УДИВЛЕНИЯ.....	16
Барбакова Е.В. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УМЕНИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ.....	21
Баяртуева Е.П. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ И РАЗРУШИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРУКТУРЕ КАТЕГОРИИ ИЗМЕНЕНИЯ (на материале русского и английского языков).....	25
Бидгаева Ц.Д. ПЕРЕВОД В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ.....	29
Будажапова С.В. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИЙ ИНТОНАЦИИ.....	34
Васева Л.А. ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ НАЗИДАТЕЛЬНОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В СКАЗКЕ.....	42
Владимирова Н.Г. ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ И ИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОЕКЦИИ В РОМАНЕ МЭРИ ШЕЛЛИ «ФРАНКЕНШТЕЙН, ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ».....	47
Дамбаева А.Н. ПОЭТИКА И СТИЛЬ: ОСОБЕННОСТИ БУРЯТСКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА.....	52
Дашинимаева П.П. ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕКСТА: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА.....	56
Дей Т.М. СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД КАК СРЕДСТВО ФИКСАЦИИ НОВОГО ЗНАНИЯ О МИРЕ.....	59
Дондукова Г.П. ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ПЕРЕВОДСКОГО КОММЕНТАРИЯ.....	65
Доржиева Г.С. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	69
Завьялова В.Л. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЦЕПТИВНОЙ АДАПТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	72
Зудаева В.В. ДИСКРЕТНОСТЬ И КОНТИНУАЛЬНОСТЬ СМЫСЛА В СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ С ДОМИНАНТОЙ TARFER.....	76
Карымшакова Т.Г. СТРАТЕГИЯ СБЛИЖЕНИЯ И ЕЕ НАРУШЕНИЯ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА.....	81
Кульчицкая Л.В. ПОНЯТИЯ «КОГНИТИВНАЯ» И «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ» МЕТАФОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ РАННЕКОГНИТИВНОГО ПЕРИОДА.....	85
Макрова М.Н. ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА ПЕРЕВОДЧИКА НА РЕЗУЛЬТАТ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	90
Мониева Н.И. ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДЕЛОВОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АСИММЕТРИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РОЛЕЙ УЧАСТНИКОВ.....	94
Попова Л.Г., Головин А.С. О СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «РОДСТВО» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.....	98
Романюк М.А. ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	101
Санжеева Л.Ц. К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	105
Симонова Л.А. «ПРОГУЛКИ ОДИНОКОГО МЕЧТАТЕЛЯ» РУССО И «ОБЕРМАН» СЕНАНКУРА: К ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА «РОМАНТИЧЕСКИЙ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	109
Сотова Е.А., Чернышов М.Ю. ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СИНТЕЗА И АНАЛИЗА СМЫСЛОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И МУЗЫКАЛЬНОЙ СЕМАТИКЕ.....	114
Чернобровкина Е.П. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУ- РЫ (НА МАТЕРИАЛЕ МОЛОДЕЖНЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ).....	120
Шангаева Н.К. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ЧАТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ.....	124
Шангаева Н.К. ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА ВО ФРАНЦУЗСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ.....	128
Хундаева Е.О. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В БУРЯТСКО- АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ.....	131
Хундаева Е.О. ПОЭТИКА И СТИЛЬ: ОСОБЕННОСТИ БУРЯТСКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА.....	134
Хундаева Е.О. ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА БУРЯТСКОГО ЭПОСА «ГЭСЭР».....	139

CONTENTS

Atlas I.A. SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONAL ASSESSMENT.....	3
Babushkina E.A. SPEECH PORTRAIT: PHONETIC CHARACTERISTICS.....	7
Babushkina E.A. PROSODIC FEATURES OF NEWS READING.....	11
Baldynova A.A. THE MODEL OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF SURPRISE.....	16
Barbakova E.V. LINGUISTIC BASE FOR DEFINING FOREIGN LANGUAGE READING SKILLS	21
Bayartueva E.P. CREATIVE AND DESTRUCTIVE PROCESSES CONCEPTUALIZING IN THE STRUCTURE OF CHANGE CATEGORIZATION IN RUSSIAN AND ENGLISH.....	25
Bidagaeva Ts.D. TRANSLATION IN PROFESSIONAL COMMUNICATION: OVERCOMING INTERFERENCE.....	29
Budazhapova S.V. DEVELOPMENT OF APPROACHES TO THE STUDY OF INTONATION.....	34
Vaseva L.A. PROTOTYPICAL AND NON- PROTOTYPICAL SITUATIONS OF THE EDIFICATION AND THEIR REALIZATION IN A FAIRY TALE.....	42
Vladimirova N.G. LITERARY ALLUSIONS AND THEIR ARTISTIC PERSPECTIVE IN THE NOVEL MARY SHELLEY «FRANKENSTEIN, OR THE MODERN PROMETHEUS».....	47
Dambaeva A.N. POETICS AND STYLE: PECULIARITIES OF BURYAT-ENGLISH TRANSLATION.....	52
Dashinimaeva P.P. TEXT HERMENEUTICS: POST-NEOCLASSIC PARADIGM.....	56
Dey T.M. SYNONYMIC ROW AS A MEANS OF FIXING NEW KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD.....	59
Dondukova G.P. PRINCIPLES OF DEFINING BOUNDARIES OF TRANSLATOR'S COMMENTARY.....	65
Dorzhieva G.S. ETHNOLINGUISTIC ASPECT OF TOPONYMIC RESEARCH.....	69
Zavyalova V.L. PROBLEMS OF PERCEPTIVE ADAPTATION IN THE CONTEXT OF ORAL LINGUA FRANCA COMMUNICATION IN ASIA PACIFIC.....	72
Zudaeva V.V. DISCRETENESS AND CONTINUITY IN A SYNONYMIC ROW WITH THE DOMINANT TAPFER	76
Karymshakova T.G. STRATEGY OF APPROACHING AND ITS VIOLATION IN A DOCTOR-PATIENT INTERCOURSE.....	81
Koulchitskaya L.V. COGNITIVE AND CONCEPTUAL METAPHOR IN RUSSIAN LINGUISTICS IN EARLY PERIOD OF COGNITIVE LISNGUISTICS.....	85
Makrova M.N. THE INFLUENCE OF THE CREATIVITY OF THE INTERPRETER UPON THE RESULT OF HIS WORK.....	90
Monieva N.I. GENRE SPECIFICATION OF BUSINESS PROPOSAL AND ASYMMETRIC SOCIO-ECONOMIC ROLES OF PARTICIPANTS.....	94
Popova L.G., Golovin A.S. ABOUT DEGREE OF STUDY THE LINGUACULTURAL CONCEPT «RELATIONSHIP» IN THE MODERN LINGUISTICS.....	98
Romanyuk M.A. TRADITION AND INNOVATION IN MODERN GERMAN LITERATURE.....	101
Sanzheeva L.Ts. ON THE PROBLEM OF TRANSLATION OF THE EPIC TEXT.....	105
Simonova L.A. ON THE USE OF THE WORD «ROMANTIC» IN ROUSSEAU'S «WALKS A LONELY DREAMER» AND SENACOUR'S «OBERMANN».....	109
Sotova E.A., Chernyshov M.Yu. AN APPROACH TO THE PROBLEM OF SYNTHESIS AND ANALYSIS OF SENSES IN LINGUISTIC AND MUSICAL SEMANTICS.....	114
Chernobrovkina E.P. SOCIO-LINGUISTIC ANALYSIS OF THE AMERICAN YOUTH SUBCULTURE: ON THE BASIS OF THE AMERICAN POPULAR MOVIES FOR THE YOUTH.....	120
Shangaeva N.K. THE LINGUISTIC MEANS OF CHAT'S STRUCTURE IN FRENCH INTERNET-COMMUNICATION.	124
Shangaeva N.K. THE GENDER FACTOR MANIFESTATION IN FRENCH ADVERTISING TEXTS.....	128
Khundaeva E.O. LEXICAL AND LEXICAL-SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN BURYAT-ENGLISH TRANSLATION.....	131
Khundaeva E.O. POETICS AND STYLE: PECULIARITIES OF BURYAT-ENGLISH TRANSLATION.....	134
Khundaeva E.O. BASIC FEATURES OF ENGLISH TRANSLATION OF BURYAT EPIC «GESER».....	139

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2012 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Бадмаева Мария Валентиновна – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Зяятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@ Rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_matem@bsu.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имихелова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: vestnik_phylolog@bsu.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@ Rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производится редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое - 15 мм, левое - 25 мм, верхнее, нижнее - 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ - 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля - 14 пт. Список литературы и аннотация - 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7-12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8-16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 60x84 1/8.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.